

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024
Т. 24, № 2

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н, доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2024

Vol. 24, no. 2

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
ВОЛКОВ Е. В. К вопросу об участии оренбургских казаков в Пугачевском восстании: историография и фольклор.....	6
КАЛМЫКОВ В. В., ШВЕДОВ И. В. Военная авиация на Южном Урале в период Гражданской войны (1918–1920): историографический обзор.....	14
МОТРЕВИЧ В. П., МАМЯЧЕНКОВ В. Н. Животноводство Челябинской области в 1954–1964 гг.: численность, состав поголовья, продукция.....	20
ПАРХОМЕНКО М. Д. Британский историк Эдвард Карр: трансформация научных интересов в области русистики.....	30
СЕРГЕЕВ С. А. Деятельность городского православного прихода горнозаводского Урала в первое десятилетие советской власти в современных исторических исследованиях.....	36
Искусствоведение	
ВИЛЬЧИНСКАЯ-БУТЕНКО М. Э. SAMO как художественное «Я» Жан-Мишеля Баскии.....	50
ДРУЖИНИНА А. А. Художник и нейросеть: конфликт, диалог, сотрудничество?.....	58
ЖУК С. А., КУЗНЕЦОВА О. Н. Проблема понимания мировоззренческих смыслов в искусстве Н. К. Рериха.....	66
Литературоведение. Журналистика	
АБРАМОВСКИХ Е. В. Субъектная структура стихотворения Р. Рождественского «Марк Шагал».....	74
ГИЗДАТОВ Г. Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана: институциональный формат и нарративы.....	81
ДВОЙНИШНИКОВА М. П., СЕМЬЯН Т. Ф. Визуальная иконичность в русской поэтической традиции.....	87
ЛОБОДЕНКО Л. К., ЧЕРЕДНЯКОВА А. Б., МАТВЕЕВА И. Ю., ЗАГОСКИН Е. С., ЧУЙДУК А. А. Особенности воздействия фотографий медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию.....	95
СЕЙБЕЛЬ Н. Э. Граница жизни и смерти как основа коллизии в новеллистике рубежа XIX–XX вв.....	103

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
VOLKOV E. V. On the participation of Orenburg cossacks in the Pugachev rebellion: historiography and folklore.....	6
KALMYKOV V. V., SHVEDOV I. V. Military aviation in the Southern Urals during the Russian Civil War (1918–1920): a historiographical overview.....	14
MOTREVICH V. P., MAMYACHENKOV V. N. Animal husbandry in the Chelyabinsk region in 1954–1964: livestock composition, products.....	20
PARHOMENKO M. D. The British historian Edward Carr: a transformation of scientific interests in Russian studies.....	30
SERGEEV S. A. The activity of the urban orthodox parish of the mining Urals in the first decade of Soviet power in modern historical research.....	36
Art Criticism	
VILCHINSKAYA-BUTENKO M. E. SAMO as an artistic “I” by Jean-Michel Basquiat.....	50
DRUZHININA A. A. Artist and neural network: conflict, dialogue or cooperation?.....	58
ZHUK S. A., KUZNETSOVA O. N. Understanding worldview in the art of Nicholas Roerich.....	66
Literary criticism. Journalism	
ABRAMOVSKIY E. V. The subjective structure of Robert Rozhdestvensky’s poem “Marc Chagall”.....	74
GIZDATOV G. G. Media of the Kazakhstan diaspora: institutional format and narratives.....	81
DVOINISHNIKOVA M. P., SEMYAN T. F. Visual iconicity in the Russian poetic tradition.....	87
LOBODENKO L. K., CHEREDNYAKOVA A. B., MATVEEVA I. Y., ZAGOSKIN E. S., CHUIDUK A. A. The influence of photographs from environmental media texts on the youth audience.....	95
SEIBEL N. E. The border of life and death as the basis of collisions in stories on the border of the 19th and 20th centuries	103

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» в основном посвящен проблемам историографии. В статье Е. В. Волкова анализируются разные трактовки вопроса о степени участия оренбургских казаков в Пугачевском восстании в дореволюционной, советской и современной российской историографии. Статья В. В. Калмыкова и И. В. Шведова также посвящена историографической проблематике, в частности, теме военной авиации на Южном Урале в период Гражданской войны (1918–1920). В статье В. П. Мотревича и В. Н. Мамяченкова представлен анализ динамики поголовья скота и производства основных видов продукции животноводства в Челябинской области в крайне интересный и динамичный период истории СССР. В статье М. Д. Пархоменко предпринята попытка проанализировать трансформацию научных интересов британского историка Эдварда Карра (1892–1982). С. А. Сергеев делает историографический обзор и анализ научных трудов, освещающих деятельность городского православного прихода горнозаводского Урала в годы Великой Российской революции, Гражданской войны и становления советской власти начала XX века.

Статьи раздела «Искусствоведение» посвящены искусству XX–XXI веков. В статье М. Э. Вильчинской-Бутенко на основе обобщения многих отдельных фактов биографии американского художника Жан-Мишеля Баскьи с использованием историко-биографического и индуктивного метода последовательно доказываемая решающая значимость раннего, догалерейного этапа творчества художника для становления и дальнейшего развития уникальности его стиля. В статье А. А. Дружининой исследуются сложные отношения между миром искусства и стремительно развивающимся искусственным интеллектом, который за относительно короткое время успел прочно закрепиться во многих сферах, даже таких консервативных, как музейное дело и арт-рынок. В статье С. А. Жука и О. Н. Кузнецовой освещается проблема понимания мировоззренческих смыслов в искусстве Н. К. Рериха.

Раздел «Литературоведение. Журналистика» открывается статьей Е. В. Абрамовских, в которой проанализирована субъектная структура стихотворения Р. Рождественского «Марк Шагал». Г. Г. Гиздатов описывает медиа диаспоральных групп Казахстана, их институциональный формат и нарративы. Статья М. П. Двойнишиниковой и Т. Ф. Семьян посвящена визуальной иконичности в русской поэтической традиции. В коллективной статье Л. К. Лободенко, А. Б. Чередыняковой, И. Ю. Матвеевой, Е. С. Загоскина, А. А. Чуйдук охарактеризованы особенности воздействия фотографий медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию. Статья Н. Э. Сейбель посвящена проблеме границы жизни и смерти как основе коллизии в новеллистике рубежа XIX–XX вв.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В ПУГАЧЕВСКОМ ВОССТАНИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР

Е. В. Волков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье анализируются разные трактовки вопроса о степени участия оренбургских казаков в Пугачевском восстании в дореволюционной, советской и современной российской историографии. Автор статьи обращается также к казачьему фольклору в форме сказаний и песен, где воплощены образы Е. И. Пугачева, его сторонников и противников. Главное внимание уделяется Челябинскому эпизоду Пугачевского восстания, в котором значительную роль сыграли казаки, перешедшие на сторону «Петра Третьего». При этом подчеркивается, что власть пугачевцев, просуществовавшая в Челябинске около двух месяцев (февраль – апрель 1774 г.), в своих формах и функциях была построена по казачьим традициям. Все эти факты дают основание опровергнуть утверждения некоторых дореволюционных авторов о незначительной поддержке оренбургским казачеством Е. И. Пугачева и его сторонников.

Ключевые слова: оренбургское казачество, Пугачевское восстание, историография, фольклор, культурная память, Челябинск, Исетская провинция.

Введение

В историографии Пугачевского восстания существуют противоположные суждения о степени участия оренбургских казаков на стороне повстанцев. Обращение к изучению ряда исторических трудов, казачьему фольклору и действиям казаков Челябинска в 1774 г., во время восстания Е. И. Пугачева, позволяет сделать некоторые выводы относительно разных историографических трактовок. При этом стоит отметить, что ряд сказаний и песен фольклорного характера, появившихся в среде оренбургского казачества, дает возможность понять данную проблематику в пространстве культурной памяти. Большие территориальные рамки (Оренбургская, Казанская, Нижегородская, Астраханская и Сибирская губернии), массовое участие народных низов, длительность восстания по времени и неоднократные «возрождения» сил Пугачева после нескольких серьезных военных поражений позволяют говорить о его массовой поддержке не только крестьянством, работными людьми, тюркоязычным населением (башкиры, татары, казахи), но и казачеством.

Обзор литературы

В статье обращено внимание на исторические труды дореволюционных, советских и современных авторов, в которых содержатся трактовки вопроса о действиях оренбургских казаков (в состав которых входили илецкие и исетские казаки) в условиях Пугачевского восстания. Можно сказать, что в данном случае речь идет об историографических источниках. Помимо этого, автор статьи обращается к источникам фольклорного характера в виде преданий и песен о пугачевщине, где встречаются упоминания об оренбургских казаках. Еще одним источником являются литера-

турные сочинения, построенные либо преимущественно на фольклорном материале, либо на личных изысканиях и представлениях авторов художественных текстов.

Методы исследования

Теоретическая основа данного исследования построена на двух концепциях, которые опираются на следующие ключевые идеи. Во-первых, история до конца не познаваема и историки могут создать лишь более или менее объективную реконструкцию прошлого. Это связано с тем, что не все факты, в силу разных причин, доступны историкам. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов субъективность исследователей, как людей, живущих в конкретную эпоху и подверженных разным влияниям. Во-вторых, труды историков – это конструкции прошлого, созданные исследователями на стыке науки, литературы и личного интеллектуального опыта. С этой точки зрения историк выступает и как ученый, и как создатель текстов, содержащих реконструкцию прошлого. В создании текстов историкам, безусловно, приходится использовать литературные приемы и формы. Следует также учитывать, что историки осуществляют выявление, систематизацию и интерпретацию фактов на основе своего субъективного понимания и стандартов научного знания, которые сформировались в период их деятельности, и эти стандарты в контексте развития науки со временем меняются. Таким образом, любой исторический текст – это конструкция, в которой есть определенная структура, обусловленная логикой и идейным содержанием научного нарратива. В-третьих, каждый историк зависит от общества, в котором он живет, от социальных, экономических и политических контекстов своего времени, что, несомнен-

но, влияет на его личный опыт и отражается в исследованиях прошлого. Таким образом, с одной стороны, историк создает историческое знание под влиянием разных факторов и своего личного опыта, а с другой стороны, созданное им историческое знание влияет на коллективную память общества о прошлом, формируя его образы.

Концепция «историографической операции», сформулированная в свое время французским философом и историком Мишелем де Серто (Michel de Certeau), позволяет понять место историков в обществе и специфику их деятельности. Мишель де Серто справедливо полагал, что работа историка складывается из трех взаимосвязанных уровней. Во-первых, историографическая операция является социальным продуктом, то есть любое историческое исследование создается в определенном социальном, экономическом и политическом контекстах, что, безусловно, влияет на его автора. Во-вторых, история является специальной практикой, техникой историка, связанной с изучением исторических источников и процедурами их интерпретации. В-третьих, исследователь занимается историческим описанием, и в этом процессе переплетаются научные интерпретации прошлого и воображение автора текста, которое, безусловно, носит субъективный характер. По мнению Мишеля де Серто, задача историка заключается в том, чтобы свести к минимуму ошибки текста, выявить ложное, разрушить фальсификацию, но при этом отдавать себе отчет в том, что не существует окончательной и бесповоротной истины в реконструкции прошлого [1, р. 70; 2, с. 49–51].

На историков, безусловно, влияют и материалы о прошлом, с которыми они работают. В нашем случае это прежде всего источники фольклорного характера, которые представляют собой один из медийных каналов культурной памяти общества. С точки зрения концепции, разработанной немецким исследователем Я. Ассманом (Jan Assmann), культурная память является составной частью коллективной памяти (наряду с коммуникативной), но существует в публичном пространстве и выражена в научном, художественном, политическом и иных дискурсах, связанных с коллективными представлениями о прошлом [3, с. 19–56].

Результаты и дискуссия

Как известно, А. С. Пушкин, классик русской литературы, прославился не только своими поэтическими и прозаическими сочинениями. Он стал одним из первых исследователей пугачевщины, выпустив в 1834 г. свой труд «История Пугачевского бунта»¹. Опираясь на официальную доку-

ментацию из архивов, письменные источники личного происхождения и устные свидетельства, Пушкин воссоздал основные события, связанные с этим восстанием. При этом в ряде мест своего труда он указал, что не только яицкие, оренбургские (среди которых выделялись группы илецких и исетских казаков), но и даже присланные для борьбы с пугачевщиной донские казаки зачастую оказывались ненадежны. Описание Пушкиным действий оренбургских казаков в контексте данных событий в основном укладывается в следующие схемы: либо они, не вступая в бой, сразу переходили на сторону пугачевцев (самый известный случай – сотник Т. И. Подуров² со своими подчиненными); либо находились на подозрении у военного и гражданского начальства, поэтому их не бросали в бой в полевых условиях, а предпочитали оставлять в крепостях; либо при поражении правительственных войск они, оказавшись в плену, переходили на сторону самозванца [5, с. 19, 21, 22, 24, 28, 34–35, 39, 64].

По сути, против пушкинской трактовки выступили во второй половине XIX в. первые историки оренбургского казачества, среди которых были преимущественно офицеры и чиновники. Например, П. И. Авдеев в своей «Исторической записке об Оренбургском казачьем войске», созданной в 1873 г., утверждал, что Пушкин был не прав. Он указывал, что оренбургские казаки и входящие в их состав исетские казаки, несмотря на отдельные случаи предательства (сотник Подуров и неслужащий казак Василий Торнов), «остались верны своему долгу». Для убедительности своих слов Авдеев привел факты героизма исетских казаков при обороне Оренбурга: атаман Ханжин получил «контузию ядром», полковник Углицкий участвовал в нескольких вылазках и захватил в плен «...посланного Пугачевым в Оренбург со злым намерением шпиона» [6, с. 128–133].

Другой историк оренбургского казачества, Ф. М. Стариков, отмечал, что несмотря на казни и унижения (дочерей и жен) в захваченных мятежниками крепостях, «...оренбургские казаки все время мятежа оставались верными Царю и отечеству». Стариков указывал, что даже попав в стан пугачевцев, «...оренбургские казаки, увлеченные насильно, считались людьми неблагонадежными, так как они то и дело оставляли лагерь мятежников и уходили в Оренбург» [7, с. 85, 88].

Советские историки были близки к пушкинской трактовке и подчеркивали тезис о массовом участии казаков Урала в борьбе против самодержавия на стороне Пугачева. Опираясь на марк-

¹ Видимо по причинам идеологического и цензурного характера первоначальное название труда А. С. Пушкина «История Пугачева», согласно личной правке Николая Первого, было заменено на «Историю Пугачевского бунта». В советских и последующих изданиях труд Пушкина представлен в первоначальном его варианте.

² Подуров Тимофей Иванович (1723–1775), казачий сотник (1766), депутат Уложенной комиссии, перешел на сторону Пугачева со своим отрядом (150 казаков) под Татищевой крепостью (сентябрь 1773 г.), являлся командиром полка в войсках «Петра Третьего». В апреле 1774 г. попал в плен, после следствия по приговору суда казнен (повешен) в январе 1775 г. на Болотной площади в Москве [4, с. 318–321].

системный подход, они строили свои объяснения вокруг экономических и социальных факторов, связанных с обеднением казачьего населения и притеснениями его властями [8, 9].

В то же время память о борьбе казачества Урала против российских властей на стороне пугачевцев зафиксирована в фольклоре в виде преданий и песен. Такого рода фольклорные материалы стали собираться и исследоваться еще В. И. Далем и А. С. Пушкиным, а затем рядом энтузиастов во второй половине XIX – начале XX века. При этом следует заметить, что сказаний о пугачевщине больше, чем песен, и такие рассказы сюжетно более совершенны с точки зрения композиции и содержания, нежели песенный фольклор [10, с. 174–175].

Культурная память о пугачевщине, зафиксированная в фольклоре, по своему идейному содержанию разнородна. Как отмечал еще в начале XX в. писатель и публицист В. Г. Короленко, «...устное предание о событиях, связанных с именем Пугачева, разделилось: часть ушла в глубь народной памяти, подальше от начальства и господ, облекаясь постепенно мглою суеверия и невежества, другая, признанная и, так сказать, официальная, складывалась в мрачную аляповатую и тоже однообразную легенду» [11, с. 536].

Помимо многочисленных сказаний и песен фольклорного характера о Пугачеве, появившихся и имевших хождение среди уральских казаков [12; 10, с. 227–297; 11; 13, с. 140–142], в Оренбуржье, как и в других регионах России, которые охватили восстание, предания о пугачевщине также стали фактами культурной памяти. Например, исследователи отмечали, что в народной среде на Урале часто старики считали время своего рождения от Пугачева [13, с. 113]. Для казачьих преданий характерна вера в Пугачева как настоящего императора Петра Третьего, который был близок к народу, смел и справедлив. Данное представление, безусловно, оправдывало казаков, перешедших на его сторону.

Обратимся к фактам участия оренбургских казаков в Пугачевском восстании, встречающимся в фольклоре. Например, предание «Пугачев в крепости Рассыпной» гласит, что, как только повстанцы во главе с «Петром Третьим» пошли на приступ, ворота, вопреки приказу коменданта, открылись и «казаки – кто пешком, кто на коню – из крепости да прямо к Пугачеву» [14, с. 56]. В одном из сказаний имеется такая фраза о Пугачеве, который шел со своим войском из Яицкого городка на Оренбург: «С фортпостов Петр Федорович забирал всех казаков в свою рать». Другой рассказчик свидетельствует, что при вступлении Пугачева в Илецкий городок казачья команда численностью 300 воинов «оробела и преклонилась ему», а командовавший казаками атаман Л. И. Портнов был повешен [10, с. 307, 308].

С противоположных идейных позиций выступали сторонники государственной точки зрения, стремясь развенчать бытовавший в народных низах позитивный образ Пугачева, называя его самозванцем и преступником, и, таким образом, осудить казаков, перешедших на его сторону. Так, в одной из народных песен есть следующие слова, где говорится о Пугачеве и примкнувших к нему илецких казаках:

Он к Илецку подходил,
Из пушечек палил.
Илецкие казаки –
Изменщики-дураки –
Без бою, без драки
Предались вору-собаке [10, с. 179].

Еще одним примером подобного рода является вышедшая в Москве в 1863 г. повесть неизвестного автора. На титульном листе книги было указано, что ее текст основан на «Оренбургских преданиях». Главный герой книги – молодой двадцатилетний илецкий казак Владимир Творогов, сын урядника. По неопытности и незнанию, он, думая, что Пугачев – истинный «русский царь», прощается с любимой шестнадцатилетней девушкой Верой Бавиной, дочкой хорунжего, и уезжает из форштадта Оренбурга на реку Яик, чтобы примкнуть к повстанцам и «искать себе счастья». В войске Пугачева Владимир получил чин есаула (затем – полковника) и стал адъютантом «Петра Третьего». Забыв свою любовь, женился на яицкой казачке, невесте с богатым приданным. Но по прошествии времени, осознав, что служит не настоящему царю, а самозванцу, он начинает борьбу против пугачевцев. И в итоге берет в плен главного «преступника, забывшего закон Всевышнего» и «врага рода человеческого». Получив прощение от властей, Владимир возвращается к любимой невесте Вере [15].

Таким образом, повесть представляет обобщенный образ казака, служившего у Пугачева, хотя его фамилия – Творогов – отсылает к реальному историческому лицу Ивану Александровичу Творогову (1742 – не ранее 1820), илецкому казаку, перешедшему к повстанцам и возглавлявшему в их рядах полк. Он даже являлся членом Военной коллегии. На завершающем этапе восстания Творогов стал одним из главных заговорщиков, которые схватили Пугачева и передали его властям. Творогова помиловали, но выслали на пожизненное поселение в Лифляндскую губернию [4, с. 417–418]. В целом обращение к данному сюжету, связанному с прегрешением и прощением казака, преступившего закон, является показательным, поскольку повесть носила дидактический характер и как бы реабилитировала таких казаков, служивших Пугачеву и затем отвернувшихся от него.

В советской исторической художественной литературе, безусловно, нашлось место и для образа известного офицера Оренбургского казачьего войска Тимофея Ивановича Подурова, сподвижника

Пугачева. Писатель В. И. Пистоленко к 200-летней годовщине «Крестьянской войны» создал исторический роман, в котором главным персонажем является именно этот казачий сотник. Конечно, он предстает под пером писателя как борец за интересы народа. Подуров, будучи образованным офицером и бывшим депутатом Уложенной комиссии, зная, что Пугачев – «ненастоящий царь», сознательно примыкает к нему, чтобы бороться против самодержавия [16]. По сути, советский писатель не отходит от пушкинской линии в трактовке об участии казаков в пугачевщине, но при этом наделяет своего героя исключительно позитивными характеристиками, что, безусловно, не придает его историческому роману убедительности.

Таким образом, как в историографии, так и в фольклоре трактовки о степени участия оренбургских казаков в пугачевщине отличаются противоположными суждениями. Какие же из этих утверждений более убедительны с точки зрения их опоры на фактический материал?

Помимо ряда фактов, приведенных А. С. Пушкиным, о ненадежности казаков в период Пугачевского восстания, известен также случай с Челябинском, бывшим тогда центром Исетской провинции. Город, как известно, в феврале – апреле 1774 г. оказался под властью пугачевцев, и большую роль в его захвате повстанцами сыграли именно казаки. Среди дореволюционных историков об этих событиях во второй половине XIX – начале XX в. более подробно писали Н. Ф. Дубровин и А. И. Дмитриев-Мамонов, используя документы пугачевцев и российских властей того времени [17, с. 216–222, 351–373; 18; 19].

В советской историографии краткое описание челябинского эпизода Пугачевского восстания, связанного с казаками, появилось в небольшой работе А. Берса «Пугачевщина на Урале» (1924) [20]. Затем, в середине 1960-х гг., историк Ю. А. Лимонов попытался на основе отрывочных данных создать штрихи к биографиям Ивана Грязнова и Григория Туманова, предводителей пугачевцев, связанных с захватом Челябинска и устройством там новой власти [21]. Среди современных работ следует отметить изыскания Г. Х. Самигулова, изучившего, прояснившего и обобщившего разные аспекты челябинских событий в контексте истории «Пугачевского бунта» [22; 23, с. 120–131].

Особенности челябинской истории состоят в том, что среди жителей города, основанного в 1736 г. как крепость, доминировали казаки (набранные ранее преимущественно из крестьян). В данное время, согласно официальным сведениям, здесь проживало около 3 тыс. обывателей, большую часть из которых составляли казаки вместе с семьями (1672 человека) [23, с. 120].

Значительную роль в дестабилизации обстановки в Челябинске сыграли слухи о приближении

пугачевцев во главе с «полковником» И. Н. Грязновым. В результате 5 января 1774 г. казаки численностью около 200 человек во главе с атаманом Михаилом Уржумцевым и хорунжим Наумом Невзоровым, подняли мятеж, который, как известно, закончился неудачно для восставших. Часть казаков была арестована, в том числе атаман Уржумцев. Остальные участники мятежа с хорунжим Невзоровым бежали из города и вместе с крестьянами Кыштымского и Каслинского заводов, с тобольскими казаками присоединились к пугачевцам.

Другой особенностью данных событий стали призывы пугачевцев в разных формах, и устных, и письменных, прекратить сопротивление и переходить на их сторону. Так, в ночь на 7 января 1774 г. казаки с хорунжим Невзоровым подъезжали к челябинским укреплениям и призывали сдать город. Известны также три послания Грязнова в Челябинск. Видимо, 8 января 1774 г. было отправлено два послания. Одно из них предназначалось помощнику воеводы Исетской провинции В. И. Свербееву (сам воевода статский советник А. П. Веревкин сильно пострадал во время казачьего мятежа, был избит). В послании содержался призыв не проливать христианской крови и сдать город. Второе послание адресовалось городским низам, где утверждалось, что чиновники и дворяне нарушают Закон Божий, разоряют народ и издеваются над ним. При этом «Петр Третий» стремится освободить простой люд от несправедливой власти дворян, администрации, заводчиков. Третье послание, как полагают исследователи, было отправлено в один из последующих дней до 13 января и представляло собой ответ на манифест городских властей Челябинска, где Пугачев назван «самозванцем». Послание Грязнова гласило, что Пугачев – «подлинный государь» и главная его цель – борьба с дворянством, разоряющим народ [21, с. 98, 100–102].

Несмотря на все эти призывы, Челябинск не сдавался и два штурма пугачевцев (8 и 10 января) оказались безуспешными. Кроме того, через несколько дней город получил военную поддержку: 13 января прибыли две полевые команды Сибирского корпуса (около 1200 человек) во главе с генералом-поручиком И. А. Деколонгом. Пугачевцы отступили к Чебаркульской крепости.

В это время в городе началось расследование по делу мятежных казаков. В результате из 63 арестованных 50 посчитали виновными, 13 из них признали главными зачинщиками бунта и приговорили к битью кнутами, вырезанию ноздрей и установлению клейма на лбу и щеках со словом «вор». 23 января провели экзекуцию. Под плетью умерли атаман Уржумцев и, возможно, хорунжий Невзоров, попавший в плен при штурме Челябинска (по другой версии он был убит в бою) [21, с. 103].

Еще одним аспектом данной истории является то обстоятельство, что Деколонг уже в молодом

возрасте (58 лет), как главный военный руководитель на тот момент в Челябинске, оказался слабым «воякой». Как известно, его предыдущая карьера складывалась главным образом в военно-инженерных войсках и на комендантских должностях [4, с. 114–115], что, возможно, наряду с возрастом и обусловило его действия. Необходимо заметить, что А. С. Пушкин, как историк Пугачевского восстания, отнес Деколонга к ряду высокопоставленных военных – иностранцев на русской службе, которые действовали против повстанцев «слабо, робко, без усердия» [5, с. 129].

В итоге, когда пугачевцы стали 1 февраля 1774 г. вновь наступать на город, формирования регулярных войск Деколонга отразили натиск, но не сумели окончательно разбить противника. В этих условиях, немного отступив, «полковник» Грязнов сделал своей ставкой деревню Першино близ города. Вскоре Деколонг неожиданно отдал приказ оставить город и двигаться на Шадринск, с перспективой – на Екатеринбург. Вместе с военными из Челябинска эвакуировалось большое число чиновников, военных, жителей города вместе с семьями, крестьян (всего 1922 человека). Казаков среди них насчитывалось только 162, но воевода Веревкин около 1350 крестьян, бывших с ним, записал во «временные казаки».

Вскоре, 8 февраля 1774 г., Челябинск был занят пугачевцами, силами которых командовал «полковник» Василий Михайловский. Первое время он выступал как наказной атаман, ему подчинялись казаки близлежащих крепостей и селений. Здесь были созданы новые выборные органы власти по типу казачьего самоуправления: «походные атаманы», «есаулы», «станичные атаманы». Эти учреждения действовали как гражданская и военная администрация. К функциям походного атамана относились следующие: вершить суд, заниматься охраной порядка в городе и провинции, обеспечивать снабжение продовольствием пугачевские войска, а также их пополнение «новобранцами», заготавливать боеприпасы и наладить ремонт вооружения. После ухода значительной части пугачевцев на запад, главой Исетской провинции и наказным атаманом стал Григорий Туманов (из крестьян Воскресенского завода Я. Б. Твердышева, в отрядах И. Н. Грязнова он был с ноября 1773 г.) [24]. Сохранилась его переписка с главами подчиненных территорий по разным вопросам. Переписка демонстрирует те проблемы, которые решали новоиспеченный глава Исетской провинции в «государстве Пугачева» Туманов и его помощник – станичный атаман Егор Пушкарев. К таким проблемам относились: укрепление Челябинска, ремонт артиллерии и создание для пушек лафетов, организация постоянного дежурства караулов для обеспечения порядка, комплектование гарнизона Челябинска (в том числе башкирами). В конце марта 1774 г.

Туманов лично отправился в Миасскую и Еткульскую крепости для набора новых людей в войска Пугачева. Посланцы атамана также собирали продовольствие и фураж в окрестных селениях. Помимо этого, устраивались казни чиновников и офицеров. С помощью военной силы новый глава Исетской провинции пытался пресекать конфликты русских с башкирами, посылая отряд хорунжего Федора Максимова для умирения населения [21, с. 104–105].

Падению власти пугачевцев в Челябинске способствовали эффективные действия военных частей под умелым командованием секунд-майора Д. А. Гагриня. В итоге 10 апреля 1774 г. правительственные войска, несмотря на превосходящую численность повстанцев (около 5 тыс. человек и 20 пушек), заняли город. Опытный Гагрин сумел, бросив егерей, захватить господствующую высоту и с помощью артиллерийского обстрела нанести значительный урон пугачевцам. Войска повстанцев во главе с Тумановым отступили в западном направлении [21, с. 106–107].

Историй, подобных челябинской, в период пугачевщины было несколько. Можно, например, упомянуть Яицкий и Илецкий городки, крепость Рассыпную, когда казаки массово переходили в лагерь пугачевцев.

Выводы

Итак, история об активном участии оренбургских казаков в Пугачевском восстании (1773–1775), с одной стороны, подтверждается такими источниками, как делопроизводственная документация, принадлежащая российским властям и военному командованию, а также сторонникам Е. И. Пугачева. С другой стороны, об этом говорят некоторые произведения казачьего фольклора в форме преданий и песен, где представлены образы Пугачева, его сторонников и противников. Один из эпизодов восстания – история борьбы за Челябинск как центр Исетской провинции, безусловно, демонстрирует значительную активность казаков, выступивших на стороне пугачевцев. После захвата города в течение двух месяцев новая пугачевская власть была построена по традиционным для казаков лекалам – воевода и наказной атаман в одном лице, которому подчиняются станичные атаманы. Военные чины пугачевских командиров (полковник, есаул и хорунжий) по своим наименованиям оставались казачьими. В связи с этим утверждения некоторых дореволюционных авторов, историков Оренбургского казачьего войска, о незначительном участии оренбургских казаков в пугачевщине, можно считать несостоятельными и необоснованными. При этом, конечно, стоит учитывать, что на историков, конструирующих в разное время исторические знания, влияли и научные стандарты, и фактический материал о прошлом, с которым они работали, и личный интеллекту-

альный опыт, и окружающая общественно-политическая обстановка.

Исследование выполнено при поддержке
РНФ, проект № 22-28-20154.

Литература

1. Certeau, M. de. L'écriture de l'Histoire / M. de Certeau. – Paris : Gallimard, 1975. – 358 p.
2. Кукарцева, М. А. Исследования по философии истории, политики, безопасности : в 3 т. Т. 1: Философия истории и историческая наука / М. А. Кукарцева. – М. : Дашков и К, 2018. – 256 с.
3. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Оренбургская Пушкинская Энциклопедия / авт.-сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. – Оренбург : Димур, 1997. – 520 с.
5. Пушкин, А. С. История Пугачева / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. – М. : Художественная литература, 1976. – С. 5–122.
6. Авдеев, П. И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске / П. И. Авдеев [1873]. – Оренбург : Оренбург. казачье войско, 1904. – 182 с.
7. Стариков, Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знаменем и карты / Ф. М. Стариков. – Оренбург : Типография Б. Бреслина, 1891. – 249 с.
8. Рознер, И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг. / И. Г. Рознер – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1966. – 198 с.
9. Машин, М. Д. Участие оренбургских казаков в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева / М. Д. Машин // Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг. ; под ред. В. И. Буганова. – Уфа : Баш. филиал АН СССР, 1977. – С. 106–111.
10. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / под ред. А. Н. Лозановой. – М. : Academia, 1935. – 418 с.
11. Короленко, В. Г. Пугачевская легенда на Урале / В. Г. Короленко // Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во худ. литературы, 1947. – С. 535–544.
12. Железнов, И. И. Предания о Пугачеве / И. И. Железнов // Уральцы. Очерки быта уральских казаков : в 3 т. Т. 3. – СПб. : Общественная польза, 1910. – С. 135–222.
13. Соколова, В. К. Русские исторические предания / В. К. Соколова. – М. : Наука, 1970. – 287 с.
14. Предания и сказки Оренбургских степей / сост. П. Завьяловский ; под ред. В. Седельникова. – Чкалов : Чкаловское изд-во, 1948. – 162 с.
15. Любовь казака, или Погибель Емельки Пугачева. – М. : Типография П. Глушкова, 1863. – 36 с.
16. Пистоленко, В. И. Сказание о сотнике Тимофее Подурове / В. И. Пистоленко. – М. : Советская Россия, 1974. – 416 с.
17. Дубровин, Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. 1773—1774 гг. По неизданным материалам : в 3 т. Т. 2. / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1884. – 412 с.
18. Дмитриев-Мамонов, А. И. Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции генерала Деколлонга / А. И. Дмитриев-Мамонов. – М. : Университетская типография, 1898. – 152 с.
19. Дмитриев-Мамонов, А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам / А. И. Дмитриев-Мамонов. – СПб. : Типография Монтвида, 1907. – 256 с.
20. Берс, А. Пугачевщина на Урале / А. Берс. – Екатеринбург : Уралкнига, 1924. – 48 с.
21. Лимонов, Ю. Иван Грязнов и Григорий Туманов / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях // Пугачев и его сподвижники. – Л. : Наука, 1966. – С. 91–109.
22. Самигулов, Г. Х. Челябинск во время Пугачевского бунта / Г. Х. Самигулов // Гороховские чтения : материалы второй региональной музейной конференции. – Челябинск : Челябинский обл. краевед. музей, 2011. – С. 8–17.
23. Самигулов, Г. Х. Из истории Челябинска : в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год / Г. Х. Самигулов. – Челябинск : Каменный пояс, 2015. – 140 с.
24. Скориков, А. И. Туманов Григорий / А. И. Скориков // Челябинск : энциклопедия ; сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – С. 856.

Волков Евгений Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: volkovev@susu.ru. ORCID 0000-0002-8038-0431

Поступила в редакцию 30 января 2024 г.

ON THE PARTICIPATION OF ORENBURG COSSACKS IN THE PUGACHEV REBELLION: HISTORIOGRAPHY AND FOLKLORE

E. V. Volkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes different interpretations in pre-revolutionary, Soviet, and modern Russian historiography of the degree of the Orenburg Cossacks' participation in the Pugachev rebellion. The author also explores Cossack folklore in the form of tales and songs, which embodies the images of Pugachev and his supporters and opponents. The focus is on the Chelyabinsk episode of the Pugachev rebellion, in which a significant role was played by the Cossacks who supported Peter the Third. It is emphasized that Pugachev's power in Chelyabinsk for two months (February–April 1774) was built on Cossack traditions in its forms and functions. These facts give grounds to refute the assertions of some pre-revolutionary authors about insignificant support of Pugachev and his supporters by the Orenburg Cossacks.

Keywords: Orenburg Cossacks, Pugachev rebellion, historiography, folklore, cultural memory, Chelyabinsk, Isetsk province.

References

1. Certeau M. de. *L'écriture de l'Histoire*. Paris: Gallimard, 1975. 358 p.
2. Kukarceva M.A. *Issledovaniya po filosofii istorii, politiki, bezopasnosti* [Studies in the Philosophy of History, Politics, and Security]: v 3 t. T. 1: *Filosofiya istorii i istoricheskaya nauka*. M.: Dashkov i K, 2018. 256 s.
3. Assman Y. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 368 s.
4. *Orenburgskaya Pushkinskaya Enciklopediya* [Orenburg Pushkin Encyclopedia] / avt.-sost. R.V. Ovchinnikov, L.N. Bolshakov. Orenburg: Dimur, 1997. 520 s.
5. Pushkin A.S. *Istoriya Pugacheva* [History of Pugachev] // *Sobranie sochineniy*: v 10 t. T. 7. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. S. 5–122.
6. Avdeev P.I. *Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskom kazachem vojske* [Historical Note on the Orenburg Cossack Troops]. Orenburg: Orenburg. kazache vojsko, 1904. 182 s.
7. Starikov F.M. *Istoriko-statisticheskij ocherk Orenburgskogo kazachego vojska s prilozheniem stati o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamenem i karty* [Historical and Statistical Essay of the Orenburg Cossack Troops with an Appendix of an Article on the Home Life of the Orenburg Cossacks, Drawings of the Banner and a Map]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1891. 249 s.
8. Rozner I.G. *Kazachestvo v Krestyanskoj vojne 1773–1775 gg.* [Cossacks in the Peasant War of 1773–1775]. Lvov: Izd-vo Lvovskogo un-ta, 1966. 198 s.
9. Mashin M.D. *Uchastie orenburgskikh kazakov v Krestyanskoj vojne 1773–1775 gg. pod predvoditelstvom E.I. Pugacheva* [Participation of the Orenburg Cossacks in the Peasant War of 1773–1775 under the leadership of E.I. Pugachev] // *Narody v Krestyanskoj vojne 1773–1775 gg.*; ed. V.I. Buganov. Ufa: Bash. filial AN SSSR, 1977. S. 106–111.
10. *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve* [Songs and Tales about Razin and Pugachev] / pod red. A.N. Lozanova. M.: Academia, 1935. 418 s.
11. Korolenko V.G. *Pugachevskaya legenda na Urale* [Pugachev's Legend in the Urals] // *Izbrannye proizvedeniya*. M.: Gos. izd-vo hud. literatury, 1947. S. 535–544.
12. Zheleznov I.I. *Predaniya o Pugacheve* [Tales about Pugachev] // *Uralcy. Ocherki byta uralskix Kazakov*: v 3 t. T. 3. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1910. S. 135–222.
13. Sokolova V.K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian Historical Tales]. M.: Nauka, 1970. 287 s.
14. *Predaniya i skazki Orenburgskikh stepej* [Legends and Tales of the Orenburg Steppes] / sost. P. Zavyalovskij; red. V. Sedelnikov. Chkalov: Chkalovskoe izd-vo, 1948. 162 s.
15. *Lyubov kazaka, ili Pogibel Emelki Pugacheva* [The Love of a Cossack, or the Death of Emelka Pugachev]. M.: Tipografiya P. Glushkova, 1863. 36 s.
16. Pistolenko V.I. *Skazanie o sotnike Timofee Podurove* [The Tale about Sotnik Timofey Podurov]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1974. 416 s.

17. Dubrovin N.F. Pugachev i ego soobshhnikhi. Epizod iz istorii czarstvovaniya Imperatricy Ekateriny II. 1773–1774 gg. Po neizdannym materialam [Pugachev and his Accomplices. An Episode from the History of the Reign of Empress Catherine II. 1773–1774. On Unpublished Materials]: v 3 t. T. 2. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1884. 412 s.
18. Dmitriev-Mamonov A.I. Pugachevshchina v Sibiri. Ocherk po dokumentam ekspedicii generala Dekolonga [Pugachevshchina in Siberia. Essay Based on the Documents of General Dekolong's Expedition]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1898. 152 p.
19. Dmitriev-Mamonov A.I. Pugachevskij bunt v Zauralie i Sibiri. Istoricheskij ocherk po oficialnym dokumentam [Pugachev's Revolt in Trans-Urals and Siberia. Historical Essay Based on Official Documents]. SPb.: Tipografiya Montvida, 1907. 256 s.
20. Bers A. Pugachevshchina na Urale [Pugachevshchina in the Urals]. Ekaterinburg: Uralkniga, 1924. 48 s.
21. Limonov Y., Mavrodin V.V., Paneyax V.M. Ivan Gryaznov i Grigorij Tumanov [Ivan Gryaznov and Grigory Tumanov] // *Pugachev i ego spodvizhniki*. L.: Nauka, 1966. S. 91–109.
22. Samigulov G.H. Chelyabinsk vo vremena Pugachevskogo bunta [Chelyabinsk during Pugachev's Revolt] // *Gorohovskie chteniya: materialy vtoroj regionalnoj muzejnoj konferencii*. Chelyabinsk: Chelyabinskij obl. kraeved. muzej, 2011. S. 8–17.
23. Samigulov G.H. Iz istorii Chelyabinska [From the History of Chelyabinsk]: v 3 kn. Kn. 1. Krepost' i provintsial'nyy gorod s 1736 po 1781 god. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2015. 140 s.
24. Skorikov A.I. Tumanov Grigorij [Grigory Tumanov] // *Chelyabinsk: entsiklopediya*; sost. V. S. Bozhe, V. A. Chernozemtsev. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2001. S. 856.

Evgeny V. Volkov – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: volkovev@susu.ru

Received January 30, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Волков, Е. В. К вопросу об участии оренбургских казаков в Пугачевском восстании: историография и фольклор / Е. В. Волков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 6–13. DOI: 10.14529/ssh240201

FOR CITATION

Volkov E. V. On the participation of Orenburg cosacks in the Pugachev rebellion: historiography and folklore. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 6–13. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240201

ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В. В. Калмыков, И. В. Шведов

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных Сил Военно-воздушной Академии,
филиал в г. Челябинске, Российская Федерация*

Статья посвящена характеристике отечественной историографии изучения деятельности военной авиации России в период одного из острейших социальных конфликтов XX века – Гражданской войны 1918–1920 годов. При этом акцент делается на региональном аспекте исследования. Южный Урал с его промышленным потенциалом представлял большой интерес для противоборствующих сторон.

Вопрос о действиях военной авиации в период Гражданской войны представлен в отечественной историографии довольно узким кругом историков, при этом сами авторы в своих трудах не ставили задачи показать историю исследования данной проблемы. Попытка оценить степень изученности истории действий военной авиации на Южном Урале в данной статье осуществлена впервые. В ходе работы с источниками, на наш взгляд, удалось составить представление о проблемах, связанных с формированием организационно-штатных структур авиационных частей (в основном белой армии), с материально-техническим оснащением авиатехники и вооружения, с нехваткой квалифицированного летного состава, с боевым применением авиации в климатических условиях Южного Урала.

Данная статья может быть использована в учебном процессе для слушателей авиационных военно-учебных заведений, а также для широкого круга исследователей.

Ключевые слова: Гражданская война, военная авиация, Красная армия, белая армия, Южный Урал.

Введение

Более ста лет прошло с той поры, когда закончилась Гражданская война в России. В настоящее время издано огромное количество научных исследований, множество литературных произведений, снято множество художественных и документальных фильмов. Тем не менее, на сегодняшний день многие аспекты данного исторического события остаются нераскрытыми. Одним из них является история участия военной авиации в Гражданской войне. В связи этим есть необходимость более подробно описать процесс создания военно-воздушных сил России в указанный исторический период.

В течение советского периода в отечественной, да и в зарубежной историографии практически не выходило научных трудов, дающих обобщающую и систематизирующую информацию по данному вопросу, что не позволяло исследователям создать полную картину действий красной и белой авиации в Гражданской войне 1918–1921 годов.

Многочисленные работы отечественных исследователей, а также публикации зарубежных авторов не давали возможности показать всестороннюю и объективную картину происходящего. В своем большинстве они носили чаще мемуарный характер [1–7]. В силу своей субъективности они несли на себе печать прежде всего личного восприятия описываемых событий и зачастую ярко выраженную идеологическую нагрузку. К тому

же работы так называемого пула иммигрантской историографии в СССР было невозможно опубликовать.

Для успешного осуществления систематизации знаний по истории военной авиации страны в числе прочих факторов необходимо учитывать накопленный региональный исторический опыт. Территория Южного Урала в годы Гражданской войны являлась одним из обширных очагов белого и красного противостояния. Поэтому исследование деятельности подразделений военной авиации, действующих в начале XX века на Южном Урале, представляет определенный интерес.

Обзор литературы

Исследования, в которых в той или иной степени отражена деятельность военной авиации в годы Гражданской войны (в том числе и на Урале), появились сразу же после ее окончания и в последующие годы советского периода Российской истории. Однако, как уже сказано выше, в силу субъективных, а большей частью идеологических причин, данные публикации не позволяли исследователям создать полную и объективную картину происходящего.

Положительным моментом в изучении проблемы следует считать факт открытия свободного доступа к закрытым архивным фондам органов государственной власти, когда в печати появились публикации по истории авиации на фронте белых армий. Здесь определенный интерес представляют работы исследователей, касающиеся истории авиа-

ции на региональном уровне. В 1997 году в Екатеринбурге вышла в свет публикация Ю. П. Дорониной «Авиация белых армий на восточном фронте» [8]. В статье на основе обширного архивного материала показана деятельность авиационных подразделений, входивших в состав Восточного фронта белой армии, в зону действий которой входила и территория Южного Урала. В этом же ряду можно отметить очерк курганского автора А. Кузьмина «Аэроплан, аэродром, аэростат. Гражданская война в небе над Курганом» [9]. Интернет-очерк посвящен деятельности эвакуированной в 1918 году из Самары в Курган военно-авиационной школы. Представляет определенный интерес биографическая работа оренбургского историка В. Г. Семенова «Трагическая судьба летчика-казака А. Т. Кожевникова» о трагической судьбе красного военлета, принимавшего участие в воздушных боях на Южном Урале в 1918 году [10].

Следует заметить, что одним из авторов данной статьи – И. В. Шведовым – уже была опубликована работа «Профессионально-техническая культура уральских летчиков в войнах начала XX века» [11]. В статье говорится об участии казаков Урала в Мировой и Гражданской войнах в качестве военных летчиков на примере нескольких биографий.

Безусловным прорывом в освещении этой темы явилась вышедшая в 2000 году работа московских исследователей истории авиации начала XX века М. Хайрулина и В. Кондратьева «Авиация Гражданской войны» [12]. Эта была первая в России работа, в которой авторы попытались обобщить информацию по данному вопросу, а также впервые составить хронологию действий белой и красной авиации в годы Гражданской войны. В 2005 году М. А. Хайрулин, совместно с В. С. Пешковым публикует очерк «Авиационные формирования Уральской армии в 1918–1919 гг.» [13]. В статье говорится о действии авиации белой армии на Самаро-Астраханском направлении.

В 2007 году в журнале «Родина» выходит публикация М. Хайрулина и А. Ганина «Авиационные формирования Южного Урала 1918–1919 гг.» [14], которая представляет для нас наибольший интерес. В своей статье авторы впервые дают целостную картину действий белой и частично красной авиации на территории региона. В 2008 году коллектив данных авторов во главе с М. А. Хайрулиным выпускают фундаментальную, на наш взгляд, работу «Военлеты погибшей империи», где на основе богатого архивного и иного материала, долгой кропотливой работы представлена целостная картина состояния и действий военной авиации во время великого социального конфликта в России начала XX века, в том числе и на Уральском фронте [15].

Не меньший интерес для исследователей представляют также издания биографического

характера. В 2017 году вышла в свет книга «Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны 1918–1919» исследователей Н. Н. Зиновьева и В. Н. Конева (под ред. М. А. Хайрулина) [16]. Авторы на основе многочисленных архивных документов публикуют личные воспоминания участников описываемых событий и обстоятельств совершения ими подвигов. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями, снабжена таблицами, схемами, именным указателем и библиографией. В этом ряду также представляет интерес работа известного московского исследователя истории отечественной авиации – А. А. Пухова «Календарь Отдела Воздушного флота Российской Империи 1910–1920», вышедшая в свет в 2020 году [17]. В книге представлен огромный биографический материал, кроме этого автор публикует уникальный справочный материал о техническом состоянии самолетного парка России периода 1910–1920 годов.

Методы исследования

В процессе исследования были использованы следующие методы: историко-сравнительный, хронологический, проблемно-хронологический, метод периодизации.

Результаты и дискуссия

Научных трудов, характеризующих объективную историографию по вопросу применения военной авиации Красной и белой армией в Гражданской войне 1918–1920 годов на Южном Урале в течение длительного времени не появлялось. Идеологическая парадигма советской историографии не позволяла исследователям создать полную и объективную картину действий военной авиации того времени.

Ситуация стала меняться лишь тогда, когда широкому кругу исследователей был открыт доступ к материалам рассекреченных архивных документов. Так, в 1997 году в Екатеринбурге в альманахе «Белая армия – белое дело» вышел очерк Ю. П. Дорониной «Авиация белых на Восточном фронте» [8, с. 55], где он описывает процесс начала формирования белых авиационных частей, в том числе и на Южном Урале. Автор считает, что формирование авиационных частей восточного фронта началось с момента освобождения Самары и Казани от красных в 1918 году. Самарские и казанские авиаторы в августе 1918 года создали общее руководство авиацией в виде Управления воздушного флота при штабе Народной армии. Возглавил его военный летчик – капитан Д. А. Борейко, бывший начальник Гатчинской авиашколы. Непосредственно на Урале авиационные части были размещены следующим образом: в составе армии генерала Р. Гайды – 2, 3, 4, 5 авиаотряды с местом дислокации в Екатеринбурге; в подчинении генерала С. Чечека – 1, 2, 3 и 6 авиаотряды и 1-я авиашкола с размещением в г. Кургане; отдельный авиаотряд Оренбургского казачьего войска посту-

пал под командование генерала А. Дутова [8, с. 69–70]. Автор изучил сведения об организационной структуре авиачастей, о проблемах ремонта и запасных частей к самолетам, об особенностях их боевого применения в условиях климатической зоны и горного рельефа Южного Урала.

Несомненным прорывом в области изучения истории участия отечественной военной авиации в Гражданской войне в России, на Южном Урале в частности, являются труды московского историка М. А. Хайрулина и работы, созданные под его непосредственной редакцией. Так, в 2000 году вышла в свет книга В. Кондратьева и М. Хайрулина «Авиация Гражданской войны», представляющая обширный материал об участии военной авиации России со стороны Красной и белой армий практически на всех ее фронтах [12, с. 29]. Авторы справедливо указывают на стремление противоборствующих сторон овладеть Уралом как важным военно-промышленным регионом. Таким образом появился Урало-Сибирский фронт, еще один из фронтов на территории России. Помимо пехотных и артиллерийских частей в район боевых действий перебрасывались и авиачасти. Авторы сообщают, что в конце июня из Петрограда на Южный Урал отправился 5-й Социалистический авиаотряд первой, так называемой «Социалистической» авиашколы. В его составе насчитывалось 9 самолетов модели «Фарман-30» и несколько самолетов «Ньюпор» вместе с экипажами [12, с. 30]. Авиаотряд начал полеты 14 июля 1918 года. В этот день летчик Пятницкий, как сообщают авторы, «совершил с аэродрома у станции Синарская первый боевой вылет, разбросав над вражескими окопами агитационные листовки на чешском языке. На следующий день с аналогичным заданием вылетел Степанов. Правда, эффект от этих полетов был нулевым. Чехословаки не поверили большевистской пропаганде и продолжали наступление» [12, с. 31]. 31 июля под натиском белой армии красным частям пришлось оставить Екатеринбург. Вместе с ними эвакуировался 5-й авиаотряд, сначала в Алапаевск, а затем – в Нижний Тагил. Исследователи отмечают такой факт, что первоначально руководство Урало-Сибирского фронта относилось к авиаторам довольно скептически, не понимая, как найти им полезное применение. Летчикам пришлось проявлять инициативу самостоятельно, и после ряда успешных полетов на разведку, которые дали ценные сведения о противнике, отношение к ним заметно изменилось. Летчики стали регулярно приносить ценную информацию о противнике. В качестве примера авторы указывают, «...что боевые действия шли в основном на узкой полосе вдоль железной дороги Челябинск-Екатеринбург-Нижний Тагил, и красным пилотам нередко приходилось вылетать на бомбардировки занятых противником станций. Командование Сибирской армии белых отмечало, что

после бомбежек заметно снижался боевой дух войск и росло число дезертиров» [12, с. 32].

В результате продолжительной (почти восемь лет) и кропотливой работы с архивными фондами эти же исследователи публикуют книгу «Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне», которая является как бы продолжением предыдущей работы, но наполненной новым содержанием и фактами [15, с. 68]. Однако информация о действиях авиации именно на Южноуральском участке фронта представлена скупо. В основном речь идет о деятельности 25-го авиаотряда в июне 1919 года под Оренбургом в составе трех самолетов марок «Румплера», «Ньюпора» и «Сопвича» под управлением летчиков С. Никитина, Е. Стомана и В. Матвеева. Со слов авторов установлено, что «6-го июня “Сопвич” Никитина был подбит огнем с земли и совершил аварийную посадку на окраине Оренбурга. Е. Стоман в июле этого же одним из первых красных военлетов получил орден Красного знамени за успешный поиск заблудившейся в казахских степях 3-й кавалерийской бригады» [15, с. 69]. В июле 1919 года части 5-й красной армии под командованием командарма М. Н. Тухачевского отбросили армию колчаковцев за Уральский хребет. При этом исследователи подтверждают тот факт, что белая авиация в этих боях участия не принимала. После неудачной для белых Уфимской операции им просто не на чем было летать. Аэропланы нуждались в ремонте. Впрочем, подобная ситуация была и с аэропланами красных. Из-за большого количества разрушенных мостов и железных дорог им не удавалось поспевать за быстро наступающей армией.

Особый интерес для нас представляет статья А. Ганина и М. Хайрулина «Авиационные формирования Южного Урала 1918–1919», опубликованная в журнале «Родина» в 2007 году и являющаяся по сей день кратким и, пожалуй, самым информативным источником по данной проблематике. Авторы рассматривают действия военной авиации на Южноуральском участке фронта, когда в борьбу с большевиками в ноябре 1917 года вступила часть Оренбургского казачьего войска во главе с атаманом А. И. Дутовым. Однако они (авторы) отмечают, что на этом этапе боевых действий «...военной авиации у казаков еще не было. В то время как у красных частей имелось два аэроплана “Фарман”, которые первоначально находились в Бузулуке. Лишь в начале июля 1918 года, когда Оренбург был освобожден от большевиков, в Самаре, по распоряжению атамана Дутова, стал формироваться 1-й авиационный отряд Оренбургского казачьего войска, который возглавил военный лётчик поручик Р. А. Батурин» [15, с. 74]. Кроме этого, авторы указывают, что на «...уральском участке фронта в состав Юго-Западной армии входил ещё и слабо укомплектованный имуще-

ством и лётным составом Уральский авиаотряд, а также находившийся с октября месяца в Оренбурге боевой взвод, состоящий из двух истребителей «Ньюпор» 3-го авиаотряда Народной армии под командованием прапорщика Сперанского. В его составе находилось: 4 офицера и чиновника, 8 солдат, 4 лошади. На январь 1918-го в отряде числилось 5 исправных аэропланов» [15, с. 75].

Что касается боевого применения вышеуказанных подразделений, в статье указывается, что за весь период своего существования отряды совершили всего шесть полётов. Исследователи приходят к выводу что авиация в целом не сыграла сколько-нибудь значимой роли в боевых действиях. И первой причиной, на которую они указывают, было отсутствие материальной базы и потрепанность самолетного парка. Более того, как пишут авторы, «...боевой работы эти отряды не вели, так как уже в середине января 1919-го в результате натиска красных в Оренбурге началась срочная эвакуация. При отступлении в феврале–марте 1919 года остатки оренбургских авиационных частей неимоверными усилиями удалось эвакуировать в Троицк, а потрепанный 2-й авиаотряд был отправлен в тыл в Челябинск» [15, с. 77]. Историки Ганин и Хайрулин также поднимают остро стоящую проблему наличия квалифицированных кадров, которых не хватало как в белой, так и в Красной армии. Приводят примеры, когда пленные колчаковские летчики продолжили службу уже в частях красных [15, с. 78].

Выводы

Таким образом, вопрос о действиях военной авиации на Южном Урале в период Гражданской войны 1918–1920 годов представлен в отечественной историографии довольно узким кругом исследователей. Тем не менее, проделанная ими кропотливая работа с архивными документами позволяет нам сегодня иметь представление об организационно-штатной структуре авиационных частей (в основном белой армии), сложном материально-техническом состоянии самолетного парка и проблемами с его ремонтом.

Отдельно выделяется проблема острой нехватки лётных кадров и механиков, что было характерно для обеих противоборствующих сторон конфликта.

Хотя победа в условиях Гражданской войны, как правило, решалась все же на земле, изученные нами исследования показывают и определенную пользу применения авиации на полях сражений, в частности, для ведения разведки, доставки донесений и прочего.

Рассмотренные работы других региональных исследователей, позволяют сделать вывод, что указанные выше проблемы военной авиации того периода были характерны для всех фронтов Гражданской войны.

Применение авиации на Южном Урале имело и свои географические особенности, например, некоторые районы горной части Южного Урала, на территории которой велись боевые действия, были вообще труднодоступны для работы аэропланов того времени.

Литература

1. Сергеев, А. В. 5 лет строительства и борьбы Воздушного Флота 1917–1922. Кн. 1: Героические годы Красного Воздушного Флота / А. В. Сергеев. – М. : Авиаиздательство, 1926. – 157 с.
2. Баратов, Б. И. Красный Воздушный флот / Б. И. Баратов. – М. : Военный вестник, 1923. – 128 с. – URL: <https://warlib.site/red-airfleet/> (дата обращения: 15.02.2024).
3. Шишов, Л. М. На заре советской авиации / Л. М. Шишов. – М. : Воениздат, 1960. – 88 с.
4. Жаров Ф. И. Подвиги красных летчиков / Ф. И. Жаров. – М. : Воениздат, 1963. – 120 с.
5. Красный воздушный флот в Гражданской войне в СССР 1918–1920 гг. : материалы военно-исторической конференции, проведенной в ЦДСА 8 декабря 1967 г / под общ. ред. Е. М. Белецкого. – М., 1968. – 123 с.
6. Кин, Т. Г. Красные звезды над окопами колчаковцев / Т. Г. Кин // Тагильский рабочий. – 20 сентября 1964.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М., 1983. – С. 20–27.
8. Доронин, Ю. П. Авиация белых армий на восточном фронте / Ю. П. Доронин // Белая Армия. Белое дело. – 1997. – № 4. – С. 55–73. – URL: https://imwerden.de/pdf/belaya_armiya_beloe_delo_04_1997__ocr.pdf (дата обращения: 15.02.2024).
9. Кузьмин, А. Аэроплан, аэродром, аэро-стат. Гражданская война в небе над Курганом / А. Кузьмин // Курган и Курганцы. – 2008. – № 29. – URL: https://aviakurgan.narod.ru/Gr_war.html (дата обращения: 08.03.2024).
10. Семенов, В. Г. Трагическая судьба летчика-казака А.Т. Кожевникова / В. Г. Семенов // Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. – 1999. – С. 123–130.
11. Шведов, И. В. Профессионально-техническая культура Уральских летчиков в войнах начала XX века / И. В. Шведов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 11 (340). – С. 72–75.
12. Кондратьев, В. Авиация Гражданской войны / В. Кондратьев, М. Хайрулин. – М. : Техника молодежи, 2000. – 168 с. – URL: <https://djvu.online/file/bYQ5aLZYeAlBG> (дата обращения: 25.02.2024).
13. Хайрулин, М. А. Авиационные формирования Уральской армии в 1918–1919 гг. / М. А. Хайрулин, В. С. Пешков // Белая гвардия. – 2005. – № 8. – С. 179.
14. Ганин, А. Авиационные формирования Южного Урала 1918–1919 гг. / А. Ганин, М. Хай-

рулин // Родина. – 2007. – № 9. – С. 74–79. – URL: <https://orenbkazak.narod.ru/avia.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

15. Хайрулин, М. А. Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне / В. И. Кондратьев, М. А. Хайрулин. – М.: Эксмо: Яуза, 2008. – 430 с.

16. Конев, В. Н. Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны / В. Н. Конев, Н. Н. Зиновьев; под ред. А. Хайруллина. – М.: Русские витязи, 2017. – 203 с.

17. Пухов, А. А. Календарь Отдела Воздушного флота Российской Империи 1910–1920 / А. А. Пухов. – Б/м., 2020. – 1039 с.

Калмыков Валерий Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия», филиал (Челябинск), e-mail: v.v.k-v@mail.ru

Шведов Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия», филиал (Челябинск), e-mail: filal_vunc.chel@mail.ru

Поступила в редакцию 14 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240202

MILITARY AVIATION IN THE SOUTHERN URALS DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR (1918–1920): A HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW

V. V. Kalmykov, I. V. Shvedov

Military Educational and Scientific Center of the Air Force, the Air Force Academy, Chelyabinsk, Russian Federation

This article is devoted to the characteristics of the Russian historiographical study of the activities of Russian military aviation during the Russian civil war of 1918–1920. The emphasis is on the Southern Ural area, which, with its industrial potential, was of great interest to the warring parties.

The actions of military aviation during the Russian civil war are presented in Russian historiography by a rather narrow circle of historians, who did not set out to show the history of the study of this problem. This article is the first attempt to assess the degree of knowledge of the history of military aviation operations in the Southern Urals. Working with the sources it was possible to reveal the problems associated with the organizational and staff structure of aviation units (mainly the white army), logistical aircraft and weapons, the shortage of qualified flight personnel, the combat use of aviation in the climatic conditions of the Southern Urals.

This article can be used for students of aviation military educational institutions, as well as for a wide range of researchers.

Keywords: civil war, military aviation, red army, white army, Southern Urals.

References

1. Sergeev A.V. 5 let stroitel'stva i bor'by Vozdushnogo Flota 1917–1922. Kn. 1: Geroicheskie gody Krasnogo Vozdushnogo Flota [5 Years of Construction and Struggle of the Air Fleet 1917–1922. Book 1: The Heroic Years of the Red Air Fleet]. M.: Aviaizdatel'stvo, 1926. 157 s.
2. Baratov B.I. Krasnyy Vozdushnyy flot [The Red Air Fleet]. M.: Voenny vestnik, 1923. 128 s. URL: <https://warlib.site/red-airfleet/> (data obrashcheniya: 15.02.2024).
3. Shishov L.M. Na zare sovetskoy aviatsii [At the Dawn of Soviet Aviation]. M.: Voenizdat, 1960. 88 s.
4. Zharov F.I. Podvigi krasnykh letchikov [The Exploits of the Red Pilots]. M.: Voenizdat, 1963. 120 s.
5. Krasnyy vozdushnyy flot v grazhdanskoj vojne v SSSR 1918–1920 [The Red Air Fleet in the Civil War in the USSR 1918–1920]: materialy voenno-istoricheskoy konferentsii, provedennoy v TsDSA 8 dekabrya 1967 / pod obshch. red. E.M. Beletskogo. M.: B. i., 1968. 123 s.
6. Kin T.G. Krasnye zvezdy nad okopami kolchakovtsev [Red Stars over the Trenches of Kolchakovites] // *Tagil'skiy rabochiy*. 20 sentyabrya 1964.
7. Grazhdanskaya vojna i voennaya interventsiya v SSSR [The Civil War and Military Intervention in the USSR]: entsiklopediya. M., 1983. S. 20–27.

8. Doronin Y.P. Aviatsiya belykh armiy na vostochnom fronte [Aviation of the White Armies in the Eastern Front] // *Belaya Armiya. Beloe delo*. 1997. № 4. S. 55–73. URL: https://imwerden.de/pdf/belaya_armiya_beloe_delo_04_1997__ocr.pdf (data obrashcheniya: 15.02.2024).
9. Kuz'min A. Aeroplan, aerodrom, aerostat. Grazhdanskaya vojna v nebe nad Kurganom [Airplane, Airfield, Balloon. The Civil War in the Sky over Kurgan] // *Kurgan i Kurgantsy*. 2008. № 29. URL: https://aviakurgan.narod.ru/Gr_war.html (data obrashcheniya: 08.03.2024).
10. Semenov V.G. Tragicheskaya sud'ba letchika-kazaka A.T. Kozhevnikova [The Tragic Fate of the Cossack Pilot A.T. Kozhevnikov] // *Orenburgskoe kazach'e voysko: Poiski. Nakhodki. Otkrytiya*. 1999. S. 123–130.
11. Shvedov I.V. Profesional'no-tehnicheskaya kul'tura Ural'skikh letchikov v voynakh nachala XX veka [Professional and Technical Culture of Ural Pilots in the Wars of the Early Twentieth Century] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 11 (340). S.72–75.
12. Kondrat'ev V., Khayrulin M. Aviatsiya grazhdanskoy vojny [Civil War Aviation]. M.: Tekhnika molodezhi, 2000. 168 s. URL: <https://djvu.online/file/bYQ5aLZYeAIBG> (data obrashcheniya: 25.02.2024).
13. Khayrulin M.A., Peshkov B.C. Aviatsionnye formirovaniya Ural'skoy armii v 1918–1919 [Aviation Formations of the Ural Army in 1918–1919] // *Belaya gvardiya*. M., 2005. № 8. S. 179.
14. Ganin A., Khayrulin M. Aviatsionnye formirovaniya Yuzhnogo Urala 1918–1919 [Aviation Formations of the Southern Urals 1918–1919] // *Rodina*. 2007. № 9. S. 74–79. URL: <https://orenbkazak.narod.ru/avia.pdf> (data obrashcheniya: 25.02.2024).
15. Khayrulin M.A., Kondrat'ev V.I. Voenlety pogibshey Imperii. Aviatsiya v Grazhdanskoy voyne [Military Pilots of the Lost Empire. Aviation in the Civil War]. M.: Eksmo: Yauza, 2008. 430 s.
16. Konev V.N., Zinov'ev N.N. Krasnye aviatory na frontakh grazhdanskoy vojny [Red Aviators on the Fronts of the Civil War]; pod red. A. Khayrullina. M.: Russkie vityazi, 2017. 203 s.
17. Pukhov A.A. Kalendar' Otdela Vozdushnogo flota Rossiyskoy Imperii 1910–1920 [Calendar of the Department of the Air Fleet of the Russian Empire 1910–1920]. B/m., 2020. 1039 s.

Valeriy V. Kalmykov – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Military Teaching and Research centre VUNTS VVS «Air Force Academy», branch in Chelyabinsk (Chelyabinsk), e-mail: v.v.k-v@mail.ru

Igor V. Shvedov – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Military Teaching and Research centre VUNTS VVS «Air Force Academy», branch in Chelyabinsk (Chelyabinsk), e-mail: filal_vunc.chel@mail.ru

Received March 14, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Калмыков, В. В. Военная авиация на Южном Урале в период Гражданской войны (1918–1920): историографический обзор / В. В. Калмыков, И. В. Шведов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 14–19. DOI: 10.14529/ssh240202

FOR CITATION

Kalmykov V. V., Shvedov I. V. Military aviation in the Southern Urals during the Russian Civil War (1918–1920): a historiographical overview. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 14–19. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240202

ЖИВОТНОВОДСТВО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1954–1964 гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ ПОГОЛОВЬЯ, ПРОДУКЦИЯ

В. П. Мотревич¹, В. Н. Мамяченков²

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация

²Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье представлен анализ динамики поголовья скота и производства основных видов продукции животноводства в Челябинской области в крайне интересный и динамичный период истории Союза ССР. Новизна исследования, по мнению авторов, обеспечивается уже тем фактом, что в статье широко использованы материалы фондов одного из крупнейших федеральных архивов – Российского государственного архива экономики (РГАЭ), в большинстве своем не апробированные до наших дней. Утверждается, что к началу исследуемого периода животноводческая сфера сельского хозяйства Челябинской области находилась в глубоком кризисе. Авторская концепция состоит в том, что в 1950-х гг. был издан ряд постановлений союзных властей, положительно отразившихся на развитии животноводства. Но в это же время в аграрной политике партии и правительства все отчетливее стала проявляться тенденция к всемерному ограничению индивидуальных хозяйств граждан. Определен вклад различных категорий хозяйств в производство животноводческой продукции. Выявлено, что в результате реализации государством своей аграрной политики основными ее поставщиками с конца 1950-х гг. становятся советские хозяйства. Далее в порядке убывания следовали хозяйства рабочих и служащих, колхозы и хозяйства колхозников. В целом в 1954–1964 гг. индивидуальные хозяйства в Челябинской области играли весьма значительную роль в производстве животноводческой продукции, однако на протяжении исследуемого периода они постепенно сдавали свои позиции, будучи не в силах соревноваться с общественным сектором. Авторы приходят к выводу, что в исследованном периоде животноводство Челябинской области, несмотря на ряд объективных и субъективных препятствий, сделало в своем развитии значительный шаг вперед.

Ключевые слова: Челябинская область, животноводство, общественный и индивидуальный сектор, молоко, мясо, шерсть, яйцо.

Введение

Челябинская область была образована 17 января 1934 г. на территории южных районов упраздненной Уральской области, расположенных в южной части Уральских гор и на прилегающей к ним Западно-Сибирской равнине. В наши дни она представляет собой развитый индустриально-аграрный регион и одновременно крупный центр военно-промышленного комплекса России. Что касается сельского хозяйства, то оно получило наибольшее развитие в зоне распространения чернозёмных почв. При этом животноводство составляет 2/3 продукции сельского хозяйства области: здесь разводят крупный рогатый скот (КРС), свиней, овец и коз, домашнюю птицу. Об уровне развития животноводства в области говорит хотя бы тот факт, что по итогам 2022 г. из 89 регионов область заняла третье место в РФ по производству яиц (1662 млн шт.) и восьмое – по производству мяса (455 тыс. т) [1].

Целью публикации настоящей статьи было исследование динамики численности, состава поголовья и объемов продукции животноводческой сферы сельского хозяйства Челябинской области в 1954–1964 гг. по всем категориям хозяйств. При этом анализировалась динамика четырех ос-

новных видов упомянутой продукции: мяса, молока, шерсти и яиц. Объектом исследования в статье выступает животноводство региона на протяжении одиннадцати лет, которые в Советском Союзе прошли под руководством первого «послесталинского» лидера – Н. С. Хрущева. Предметом же явилась динамика производства основных видов продукции животноводства области, как в индивидуальном, так и в общественном его секторах. Наконец, выбор хронологии исследования был определен тем повышенным интересом, который историческое сообщество (и не только оно) стабильно проявляет к обозначенному периоду истории нашей страны.

Обзор литературы

Информационной основой нашего исследования стали материалы фондов двух крупнейших российских архивных структур – Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [2–4] и Российского государственного архива экономики (РГАЭ) [5–22]. Кроме того, нами были использованы также и материалы, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) [23–24]. Поскольку основной массив данных архивных материалов вводится в научный оборот впервые, то это придает нашей

работе вполне определенные признаки научной новизны.

Проблемы сельского хозяйства и крестьянства Челябинской области во время правления Н. С. Хрущева нашли свое определенное отражение в историографии сельского хозяйства (и в том числе – животноводства) в СССР и современной России. Но, к сожалению, обстоятельных научных трудов именно по обозначенной нами теме, содержащих анализ динамики производства животноводческой продукции в Челябинской области в исследуемый период, на сегодня еще не создано. Поэтому мы можем упомянуть лишь несколько монографий и статей довольно общего плана, посвященных зачастую аграрной истории Урала в целом, но содержащих, в том числе, и отдельные фрагментарные сведения о животноводстве Челябинской области [25–32]. Помимо перечисленного, при написании статьи нами были использованы различные сайты сети Интернет исторической направленности в рамках исследуемой темы, сборники статистических и законодательно-нормативных актов, газеты [33–37].

Методы исследования

Следует также сказать и о методологической основе данного исследования, в качестве которой были использованы известные исторической науке основополагающие принципы. Это прежде всего принципы историзма, объективности и научности. Например, в соответствии с первым упомянутым принципом историзма авторы в данной статье старались рассматривать исторические факты, соотносясь с имеющей место конкретной исторической обстановкой, а также в их взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии. Использовались в данной работе и отдельные конкретные методологические принципы и подходы общенаучного, собственно исторического и специального характера. К ним относится, например, классический диалектико-материалистический метод познания окружающего мира и обоснования явлений общественной жизни, а также другие известные методы: абстрактно-логический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-ситуативный, историко-ретроспективный. Они, в частности, использовались при анализе факторов, детерминировавших динамику численности поголовья скота и производства животноводческой продукции в исследуемом регионе. Как нам представляется, все перечисленные выше методы, принципы и подходы, взятые в своей совокупности и подчиненные единой цели исследования должны полностью обеспечить решение поставленных в предлагаемой статье задач.

Результаты и дискуссия

Начиная наше исследование с целью получить представление о валовом производстве основных четырех видов продукции животноводства республики в 1954–1964 гг., мы сформировали

табл. 1, в которой показана динамика численности скота в Челябинской области в исследуемом периоде. Приведенные в таблице данные о поголовье скота убедительно демонстрируют крайне интересный факт: «дореволюционная» и «доколлективизационная» численность поголовья скота в Челябинской области была восстановлена: по свиньям, овцам и козам – до Великой Отечественной войны, по КРС в целом – в середине 1950-х гг., а по коровам – лишь в конце того же десятилетия. По представленным цифрам видно, что Гражданская война и последовавшая за ней принудительная коллективизация сельского хозяйства оказали крайне негативное воздействие на животноводство Челябинской области. Сравнительно быстро было восстановлено лишь стадо свиней и мелкого рогатого скота. В дальнейшем на все это «наложились» еще и последствия Второй мировой войны.

Как нам представляется, низкие темпы восстановления «дореволюционного» уровня поголовья КРС можно объяснить только общей неэффективностью общественного сектора животноводства, что было характерно практически для любого региона страны. В связи с этим упомянем работу одного из авторов данной статьи, в которой он привел данные по поголовью скота в Свердловской области. Из приведенных в его статье цифр следует, что уровень поголовья КРС, имеющегося в регионе на 1916 г., был превзойден только полвека спустя – после 1965 г., а соответствующее поголовье коров так никогда и не было достигнуто [26, с. 126–143]. При изучении динамики численности скота в Челябинской области в исследуемом периоде создается впечатление, что с середины 1950-х гг. и до начала 1960-х в этом процессе наблюдался определенный «застой», который для поголовья овец и коз вообще стал практически бессрочным.

Таблица 1
Поголовье скота в Челябинской области (все категории хозяйств, на начало года, тыс. голов)

Table 1
Livestock numbers in the Chelyabinsk region (All categories of farms, at the beginning of the year, thousand heads)

Годы	Виды скота			
	КРС	В т. ч. коровы	Свиньи	Овцы и козы
1916*	642	310	107	659
1941*	513	254	110	980
1954	519	231	189	822
1955	703	295	330	1168
1956	725	308	324	1067
1957	615	289	249	870
1958	709	313	323	963
1959	722	326	362	974
1960	756	329	407	1024
1961	838	353	466	1043
1962	914	379	497	1015
1963	986	426	530	982
1964	963	401	240	870

* Составлена по: [33, с. 187, 189, 191, 193; 34, с. 261, 263, 265, 267; 35, с. 286, 288, 290, 292; 36, с. 253, 255, 257, 259].

Следует отметить, что областные власти понимали отставание региона по животноводству. Об этом говорил на состоявшемся 15–16 апреля 1957 г. в г. Свердловске совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Урала первый секретарь Челябинского обкома КПСС Н. В. Лаптев. Действительно, по данным Статуправления Совета Министров РСФСР в 1956 г. план заготовок по молоку в области выполнили на 93, по мясу – на 84, по яйцу – на 82, а по шерсти – на 86,2 % [2, л. 34]. Тем не менее, судя по стенограмме выступления Н. В. Лаптева, в области рассчитывали добиться серьезного улучшения в животноводстве и обеспечить за счет собственного производства потребности ее населения в мясе на 57, а в молоке – на 67 % [36, л. 21].

В связи с этим необходимо отметить, что начиная с 1958 г. в животноводстве Челябинской области действительно произошли серьезные улучшения. Прежде всего, наметился стабильный рост численности всех видов животных. В целом с 1958 по 1963 гг. поголовье скота увеличилось: по КРС – на 60 (в том числе коров – на 47), а свиней – даже на 113 %. Правда, динамика поголовья овец и коз носила более сложный волнообразный характер, и в 1963 г. как раз начался очередной спад его численности (табл. 1). Общий же спад поголовья всех видов скота произошел уже в следующем «кризисно-отставочно-переворотном» 1964 г.

Описанная нами динамика представляется весьма интересной с учетом того, что именно во второй половине 1950-х гг. в СССР началась кампания по резкому ограничению индивидуальных хозяйств населения, что никак не способствовало росту в них численности скота. При этом одним из главных моментов упомянутой кампании стал известный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» [37, ст. 493]. Кроме того, еще раньше, в конце 1958 г., всем партийным инстанциям страны ЦК КПСС категорически предложил (на партийном языке это означало приказ) принять «решительные меры» в целях значительного увеличения производства мяса.

Как это обычно случается в любой командно-административной системе, между регионами сразу же началось соревнование за первенство в выполнении очередного указания руководства партии и государства. Общеизвестно, что тон этой гонке задала Рязанская область во главе с ее руководителем – А. Н. Ларионовым. От имени региона он выступил с абсолютно авантюристическим обязательством увеличить за 1959 г. продажу мяса государству сразу в три раза. Естественно, стремясь выполнить взятые обязательства, региональные власти шли, что называется, «во все тяжкие»:

забивали весь приплод скота, а также часть молочного стада, вынуждали отдавать «под расписку» (фактически – отбирали) у колхозников скот, незаконно предъявляли им надуманные «обязательные задания» по выращиванию и откорму животных. Если же у гражданина (не обязательно колхозника) скота не имелось, то у него могли просто вымогать деньги на покупку мяса в магазинах. С теми же, кто сопротивлялся, расправлялись различными способами: отнимали приусадебные участки, лишали работы, подвергали взысканиям [25, с. 111].

В результате всей этой кампании вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась во многих республиках и областях страны значительным взлетом производства мяса. Но затем в абсолютном большинстве из них наступил провал, так как под нож была пущена значительная часть продуктивного стада. Как и следовало ожидать, вслед за многообещающим началом (выполнение с невероятным трудом, за счет израсходования всех возможных резервов, взятых на себя обязательств, награждение Рязанской области орденом Ленина, присвоение А. Н. Ларионову звания Героя Социалистического Труда, громкие статьи в СМИ и т. д.) последовал позорный финал: полный провал плана по сдаче мяса государству в 1960 г.

Судя по всему, в Челябинской области не стали резко форсировать темпы наращивания производства мяса, как это произошло в Рязанской области. Тем не менее, попытка увеличить поставки мяса государству была и здесь. Это отчетливо видно по данным о сдаче государству мяса совхозами и колхозами в 1957–1961 гг. Если в 1957 г. они сдали государству 29,9 тыс. т мяса в живом весе, в 1958 г. – 35,5, то в 1959 г. – сразу 57,2 тыс. т. А затем наступил спад: 1960 г. – 44,6, в 1961 г. – 55,3 тыс. т [5, л. 13]. Но в целом, как мы можем судить, партийно-хозяйственное руководство Челябинской области проявило все-таки достаточно здравого смысла в выполнении указаний «сверху», исходя, прежде всего, из интересов вверенного им региона.

По нашему мнению, во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. общественный сектор животноводства региона продемонстрировал весьма значительный рост. Этому в немалой степени способствовало и укрепление материально-технической базы отрасли. Так, процент электрифицированных в области колхозов увеличился с 49 в 1953 г. до 98 в 1960 г. и 100 % в 1963 г. К 1960 г. в области были электрифицированы и все совхозы, что позволило механизировать на фермах многие производственные процессы [4, л. 103]. Как известно, одним из главных мероприятий по механизации трудоемких работ на животноводческих фермах является водоснабжение. По данным на конец 1958 г., 72,2 % колхозов области имели механизированное водоснабжение на фермах КРС (в РСФСР –

37,5 %). Механизированную же дойку коров применяли в Челябинской области лишь 9,5 % колхозов (правда, в РСФСР – вообще 2,9 %) [30, с. 109]. Также громадные преимущества перед ручной имела электромеханическая стрижка овец. Наряду с облегчением работы стригальщика она в 4–5 раз увеличивала его производительность и вдвое снижала затраты труда на тонну шерсти. В 1960 г. электрострижка в колхозах области охватывала 27 %, а в совхозах – 76 % овец [4, л. 97–129]. В целом процент механизации трудоемких работ в животноводстве в Челябинской области был значительно выше, чем в целом по РСФСР. Правда, заметно отставала механизация производственных процессов в птицеводстве, ее уровень не превышал всего 7–8 % [38, с. 660].

Проблема кормов – одна из главных в животноводстве. Тем более эта проблема актуальна для Урала, где суровые климатические условия вызывают повышенный расход корма на единицу продукции. В рассматриваемый период в уральском регионе около половины площади всех сельскохозяйственных угодий было занято под производство кормов (в Челябинской области – 49,8 %). Кроме того, для пастбы скота и заготовки сена использовались большие площади естественных лугов и пастбищ на землях Госземфонда и Гослесфонда [38, с. 309].

Во второй половине 1950-х гг. при сеноуборке и приготовлении кормов стали шире применять механизацию. Так, в 1958 г. в совхозе им. Сталина Багарякского района установили изготовленную в экспериментальном хозяйстве Уральского НИИ сельского хозяйства пневматическую сушилку. Ее стали использовать не только в период уборки трав для приготовления травяной муки, но и в течение всего года для переработки в муку лебеды, крапивы, хвои, веток лиственных деревьев, картофельной ботвы, соломы и др. [38, с. 642]. В хозяйствах стали применять машины для обработки корнеклубнеплодов, силосования картофеля, приготовления концентрированных кормов, что значительно укрепило кормовую базу отрасли.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. большое внимание при решении проблемы кормов стали уделять кукурузе, которая в зоне Южного Урала давала высокие урожаи силосной массы. Впервые же возделывание кукурузы на Урале на значительных площадях началось в 1954 г. В дальнейшем посевные площади под этой культурой возросли до десятков тысяч гектаров: если в 1958 г. в Челябинской области площади под кукурузой занимали 8,5 тыс., то в 1962 г. – уже 40,3 тыс. га. Правда, в дальнейшем ее посевы стали сокращаться, составив в 1964 г. всего 14,3 тыс. га [36, с. 190].

Нельзя также не сказать, что дополнительный импульс развитию животноводства в регионе придало такое эпохальное событие советской истории, как освоение целинных и залежных земель. В ре-

зультате уже через два года после начала целинной эпопеи регион получил богатый урожай – почти два с половиной миллиона тонн зерна. Таким образом, кормовая база животноводства была существенно улучшена, что особенно сказалось на поголовье КРС, которое за десятилетие – с 1954 по 1963 гг. – возросло на 90 %, то есть почти вдвое (табл. 1).

Больше внимания стали уделять и племенной работе. Во второй половине 1950-х гг. в области были организованы племенные заводы и хозяйств-репродукторы, в которых велась постоянная работа по улучшению пород. Племенным заводом по уральской черно-пестрой породе КРС стала Миасская племферма Черновского совхоза, а также совхозы Козыревский, Есаульский, Харинский, по симментальской породе – совхозы Магнитогорский и Полтавский, по Тагильской породе – совхозы Митрофановский и Увельский, а также хозяйство Челябинской государственной сельскохозяйственной станции. Стали внедряться искусственное осеменение КРС, в области работали Бишкильская, Верхнеуральская, Троицкая и Челябинская станции по искусственному осеменению [38, с. 539, 541].

Овцеводство на Урале получило наибольшее развитие в южных районах Курганской и Челябинской областей. Так, в 8 районах юга Челябинской области на начало 1959 г. было сосредоточено 378 тыс. овец, или 73 % имевшегося в колхозах и совхозах поголовья. В степных районах имелись крупные овцеводческие хозяйства с большим поголовьем овец, достигающих 20 и более тысяч голов. Так, в совхозе «Путь Октября» Кизильского района на 1 февраля 1959 г. имелось 21,5 тыс. овец [38, с. 591].

Отсталой подотраслью животноводства в Челябинской области являлось птицеводство. В 1957 г. в общем балансе мяса удельный вес произведенного в области птичьего мяса составлял всего 6,2 %, а средняя яйценоскость кур в колхозах составила 21 яйцо. В результате продукция птицеводства на душу населения в области составила 56 яиц и всего 2 кг мяса [38, с. 573].

В табл. 2–5 представлен цифровой материал, наглядно характеризующий динамику продукции животноводства в общественном и индивидуальном его секторах, причем по отдельности в госхозах, колхозах, а также в хозяйствах колхозников, рабочих и служащих. При этом авторы не стали отдельно представлять хозяйства единоличников (то есть жителей села, не работающих ни в госхозах, ни в колхозах) ввиду их ничтожно малой доли в валовом производстве продукции.

В таблицах 2 и 3 можно видеть динамику животноводческой продукции госхозов и колхозов, то есть государственных и коллективных хозяйств. К первой составляющей относились советские хозяйства (совхозы, то есть сельскохозяйственные предприятия государственной формы собственно-

сти), а также крупные животноводческие комплексы и птицефабрики, овощеводческие комбинаты и другие специализированные сельскохозяйственные предприятия, племенные и селекционные хозяйства, наконец, учебно-производственные хозяйства техникумов и вузов. Ко второй же (то есть к колхозам) относились предприятия, созданные для добровольно-коллективного ведения сельского хозяйства на принципах сельскохозяйственной артели.

По табл. 2 нетрудно заметить стабильный и довольно быстрый (если не сказать – стремительный) рост всех четырех исследуемых нами видов продукции животноводства в государственных хозяйствах. Конечно, это не было каким-то чудом: в основе такого прогресса лежали вполне объективные причины в виде роста государственных вложений, а также увеличения численности госхозов, в том числе и за счет преобразования в них бывших колхозов (подробнее об этом будет ниже). Поэтому неудивительно, что в 1955 г. коллективные хозяйства уступили первое место в области по объему производимой животноводческой продукции в стоимостном выражении хозяйствам рабочих и служащих, а через несколько лет – и госхозам [6, л. 3, 9, 117, 225 об.; 10, л. 16 об., 42 об., 45 об., 47 об.].

Начиная разговор об индивидуальном секторе животноводства Челябинской области, нельзя не сказать о том, что до 1954 г. данный сектор находился в угнетенном состоянии, прежде всего по причине неоправданно тяжелого налогового пресса. Тем не менее, перед началом Великой Отечественной войны треть продукции животноводства в области производили хозяйства колхозников: в 1940 г. на их долю приходилось 30,9 % валовой продукции в стоимостном выражении. В годы войны в связи с резким сокращением числа колхозного населения в области и резким ухудшением ситуации в отрасли объем производимой колхозными дворами продукции сократился почти в 4 раза [17, л. 3; 18, л. 1, 4, 13, 67 об.; 19, л. 3, 9, 117, 225 об.].

Начало позитивным изменениям положили решения Сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, и прежде всего его постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» [39, с. 303–345]. В советской историографии пленум рассматривается как важное социально-политическое событие, резко изменившее положение дел в сельском хозяйстве [29, с. 36–38]. Действительно, на пленуме впервые была подвергнута критике аграрная политика сталинского руководства и сделана попытка её реформирования. С этой целью выступивший с докладом руководитель партии Н. С. Хрущев дал резкую, но достаточно объективную оценку состояния дел в сельском хозяйстве страны, подчеркнув при этом крайне нелицеприятную для многих истину: по-

требности населения страны в продуктах питания не удовлетворяются в полной мере. В соответствии с решениями Пленума в стране в 2,5 раза был снижен сельхозналог и списаны недоимки по нему за предыдущие годы, увеличены размеры приусадебных участков в хозяйствах колхозников, повышены заготовительные цены на сельхозпродукцию, предоставлены новые возможности для развития колхозного рынка, предусмотрен ряд других мероприятий. Все эти меры дали определенный положительный эффект, что и отражают цифры в представленных нами таблицах.

Таблица 2
Производство животноводческой продукции государственными хозяйствами Челябинской области
Table 2
Production of livestock products by state farms Chelyabinsk region

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	10,1	85,3	326	2,4
1955	12,3	90,9	351	3,5
1956	8,5	91,7	264	4,7
1957	14,9	145,2	557	9,6
1958	16,9	153,2	609	14,4
1959	19,0	186,7	707	18,7
1960	26,2	240,0	947	26,9
1961	35,6	271,5	1028	40,5
1962	43,5	328,2	1084	54,0
1963	52,8	327,1	976	54,1
1964	37,5	370,9	950	54,9

* В табл. 2–7 данные по мясу приведены по всем видам животных и птицы.

Табл. 2–7 составлены по: [6, л. 1, 4, 13, 67 об.; 7, л. 3, 9, 117, 225 об.; 8, л. 114, 200, 218, 220; 9, л. 135 об., 163 об., 165 об., 172; 10, л. 18 об., 34 об., 37 об., 41 об.; 11, л. 16 об., 42 об., 45 об., 47 об.; 12, л. 128 об., 156 об., 159 об., 160 об.; 13, л. 39 об., 47 об., 50 об., 58 об.; 14, л. 65 об., 73 об., 76 об., 84 об.; 15, л. 108 об., 116 об., 118 об., 127 об.].

Таблица 3
Производство животноводческой продукции колхозами Челябинской области
Table 3
Production of livestock products by collective farms Chelyabinsk region

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	16,5	106,0	919	11,2
1955	20,3	138,8	975	10,8
1956	14,2	143,1	753	11,3
1957	12,3	140,3	632	8,7
1958	14,3	130,9	630	12,2
1959	14,3	141,2	591	15,5
1960	12,0	123,6	436	15,6
1961	10,0	83,5	272	13,5
1962	7,4	51,7	213	8,9
1963	8,5	52,7	207	9,6
1964	5,3	56,4	212	8,6

Так, например, до 1959 г. в ЛПХ колхозников росло производство мяса и до 1957 г. – молока и шерсти. Но, правда, с производством яиц «прыжка» не получилось (табл. 4). Кроме того, доля

крестьянских хозяйств в валовом производстве продукции животноводства все-таки постоянно сокращалась. Если в 1954 г. она составляла 18,2 % в стоимостном выражении, то в 1956 – 17,2, а в 1958 – 12,1% [19, л. 3, 9, 117, 225 об.; 8, л. 135 об., 163 об., 165 об., 172; 10, л. 16 об., 42 об., 45 об., 47 об.].

Таблица 4
Производство животноводческой продукции в хозяйствах колхозников Челябинской области
Table 4
Production of livestock products by collective farmers
Chelyabinsk region

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	9,7	66,4	131	52,3
1955	9,4	77,2	216	44,5
1956	11,4	87,5	264	37,9
1957	11,6	83,9	266	37,2
1958	14,0	75,9	251	37,8
1959	13,2	76,4	302	52,9
1960	10,1	62,6	233	64,9
1961	7,5	39,9	168	49,6
1962	5,2	21,1	172	28,8
1963	5,3	21,1	120	32,1
1964	4,3	22,2	125	29,4

Снижение роли хозяйств колхозников в производстве было обусловлено укреплением общественного животноводства: провозгласив в конце 1920-х гг. приоритет общественного сектора в сельском хозяйстве и объявив поголовную коллективизацию сельского хозяйства, советское государство медленно, но верно проводило целенаправленную политику, направленную на всемерное ограничение индивидуального сектора. Именно с этой целью оно направляло практически все инвестиции в общественный сектор. Поэтому, начиная примерно с 1960 г. производство продукции животноводства в хозяйствах колхозников начинает уменьшаться. Здесь, кстати, свою негативную роль сыграло и быстрое сокращение в рассматриваемый период и численности сельского населения Челябинской области.

Подключив же к анализу табл. 5, мы увидим, что объемы продукции хозяйств рабочих и служащих, несмотря на все усилия властей, в течение всего исследуемого периода стабильно росли где-то высокими темпами, где-то – меньшими.

Особенно впечатляющими темпами в этих хозяйствах росло производство шерсти, что было отличительной особенностью именно южноуральского животноводства. Причем темпы этого роста были такими, что прямо сказывались на общем объеме производства шерсти в регионе. Но что касается производства мяса, молока и яиц, то здесь хозяйства рабочих и служащих не могли серьезно повлиять на «расклад сил» в животноводстве области.

Динамика валового производства животноводческой продукции в исследуемом периоде в натуральном выражении представлена в табл. 7.

Советская статистика учитывала производство мяса в «убойном» и «живом» весе. В «живом» весе учитывались вес головы, внутренних органов, вымени, кожи и нижней части ног. Под убойным же весом понимался так называемый «чистый» вес туши животного после забоя, в которую уже не входили вышеуказанные ее части. Кроме того, в убойном весе на правах полноценного мяса советская статистика учитывало сало, удельный вес которого в общей мясной массе мог быть довольно большим.

Таблица 5
Производство животноводческой продукции в хозяйствах рабочих и служащих Челябинской области
Table 5
Production of livestock products by workers and employees in the Chelyabinsk region

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	н/д	н/д	278	н/д
1955	20,3	185,7	338	111,2
1956	24,0	186,9	373	108,8
1957	18,1	209,6	428	99,8
1958	28,1	223,6	498	107,6
1959	26,2	217,2	634	154,2
1960	24,6	221,9	752	175,7
1961	32,5	226,2	817	195,6
1962	31,5	230,6	837	198,3
1963	35,1	227,5	794	205,5
1964	23,5	232,8	794	188,1

Таблица 6
Удельный вес хозяйств граждан в валовом объеме основных видов продукции животноводства Челябинской области, %*

Table 6
The share of households in the gross volume of the main types products of animal husbandry of the Chelyabinsk region, %

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	н/д	н/д	24	н/д
1955	48	53	29	91
1956	61	54	38	90
1957	52	51	37	88
1958	57	51	38	85
1959	54	47	42	84
1960	48	44	41	85
1961	47	43	43	82
1962	42	40	44	78
1963	40	40	44	79
1964	39	37	44	77

* Рассчитано по данным табл. 2–5

Анализируя табл. 7, можно сделать несколько выводов о динамике производства мяса, молока, шерсти и яиц животноводством Челябинской области. Пожалуй, первым из них будет то, что в исследуемом периоде произошел рост производства всех четырех рассматриваемых видов продукции животноводства. При этом только по шерсти этот рост был достаточно умеренным, зато по остальным трем позициям – достаточно высо-

ким. Откровенный же провал имел место в памятном 1964 г. и только в производстве мяса.

Наконец, следует сказать о том, как в течение исследуемого периода изменялось соотношение различных типов общественных хозяйств. Особенно хорошо это видно на примере 1957 г., на протяжении которого число колхозов в области сократилось с 444 до 304, а количество совхозов возросло с 51 до 71 [23, л. 1]. Среди образованных совхозов было и 8 молочных [24, л. 141]. Всего на протяжении 1954–1960 гг. в Челябинской области на землях колхозов было организовано 30 совхозов, их земельный фонд по состоянию на начало 1961 г. составлял 1334,7 тыс. га, а среднегодовое число занятых в основном производстве работников – 35,9 тыс. человек [16, л. 46]. В последующие годы число организованных на землях колхозов советских хозяйств продолжало возрастать, достигнув в 1965 г. 43 [17, л. 2].

В то же время роль индивидуальных хозяйств населения в производстве мяса и молока постоянно снижалась: их удельный вес в производстве данных продуктов к концу исследуемого периода упал до 39 и 37 % соответственно. Правда, и в 1964 г. «частный» сектор все еще производил более $\frac{3}{4}$ яиц и почти половину шерсти, производство которой в индивидуальных хозяйствах населения значительно увеличилось (табл. 6). Данные таблицы также показывают особенность индустриально развитой Челябинской области в соотношении объемов производимой животноводческой продукции различными категориями хозяйств.

Таблица 7
Валовое производство животноводческой продукции в Челябинской области*

Table 7
Gross livestock production in the Chelyabinsk region

Годы	Виды продукции			
	Мясо в убойном весе, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.
1954	52,6	427,7	1683	170,2
1955	62,3	494,0	1882	171,2
1956	58,2	510,1	1656	163,9
1957	56,9	579,8	1884	156,3
1958	73,3	583,6	1988	172,0
1959	72,7	622,0	2237	246,4
1960	72,9	648,1	2408	284,2
1961	85,6	621,1	2285	299,2
1962	87,6	631,6	2306	290,0
1963	101,8	628,4	2097	301,3
1964	70,6	682,3	2081	281,0

Как правило, в 1940–1950-е гг. в Союзе ССР первые места среди них занимали хозяйства колхозников и колхозы. В Челябинской же области в годы Великой Отечественной войны в связи с массовым развитием огородничества и резким сокращением трудоспособного сельского населения и колхозного производства на первое место вышли хозяйства рабочих и служащих. Именно эти

хозяйства занимали в 1955–1957, 1959 и 1960 гг. первое место в области по объему продукции животноводства, пока их не оттеснили быстро развивающиеся совхозы.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что оживление животноводческой отрасли в Челябинской области (как, впрочем, и всей ее аграрной сферы) началось только после известного постановления Сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. В животноводстве это проявилось, особенно во второй половине 1950-х гг., в стабильном росте численности поголовья всех видов скота как результата укрепления прежде всего кормовой базы. Немалую роль сыграла и механизация некоторых трудоемких процессов в отрасли, а также усиление племенной работы. Как результат – вплоть до 1962 г. наблюдалось ежегодное увеличение производства.

На протяжении исследуемого периода менялась и роль отдельных категорий хозяйств в производстве продукции животноводства. Если в 1955–1956 гг. первое место по объему производства занимали хозяйства рабочих и служащих (что было уникальной особенностью развития сельского хозяйства региона), то начиная с 1957 г. резко возросла роль государственного сектора как результат преобразования в совхозы части колхозов, а также строительства новых советских хозяйств на целине. Что касается колхозов и хозяйств колхозников, то начиная с 1957 г. объемы производства в них ежегодно сокращались.

Следует отметить, что на протяжении 1959–1964 гг. продукция животноводства в области в стоимостном выражении росла, но эта положительная динамика могла бы быть более значительной, если бы не происходило постоянное снижение объемов продукции в индивидуальном секторе животноводства, тем более что в это же время наблюдался рост государственных инвестиций в сельское хозяйство в целом и животноводство в частности, не говоря уже о благоприятных природно-климатических условиях Челябинской области. При этом основными производителями животноводческой продукции были государственные хозяйства, на долю которых пришлось 41,9 % продукции отрасли. Далее в порядке убывания следовали хозяйства рабочих и служащих (37,5 %), колхозы (11,9 %) и хозяйства колхозников (8,7 %).

Таким образом, в целом в исследуемые годы индивидуальный сектор животноводства в Челябинской области играл весьма значительную роль в производстве животноводческой продукции, однако на протяжении всех послевоенных лет он постепенно сдавал свои позиции, будучи не в силах соревноваться с общественным сектором и противостоять целенаправленной политике властей.

Литература

1. Аргументы и Факты: новости России и мира // Регионы-лидеры по производству мяса, молока и яиц. – URL: https://aif.ru/money/economy/regiony_lidery_pro_proizvodstvu_myasa_moloka_i_yaic_infografika?ysclid=ls2xcr25725510250 (дата обращения: 27.01.2024).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 374. – Оп. 30. – Д. 9326.
3. ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 1499.
4. ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 31. – Д. 6746.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7486. – Оп. 21. – Д. 431.
6. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 5385.
7. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 5701.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 5969.
9. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 6209.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 6502.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 6776.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 7098.
13. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 1439.
14. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 4274.
15. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 7861.
16. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 7177.
17. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 44. – Д. 1642.
18. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 37. – Д. 1276.
19. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 5385.
20. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 1263.
21. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 4127.
22. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 337. – Д. 7711.
23. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 485. – Оп. 23. – Д. 237.
24. ОГАЧО. – Ф. 804. – Оп. 15. – Д. 815.
25. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) / М. Н. Денисевич. – Свердловск : УрО АН СССР, 1991. – 196 с.
26. Мамяченков, В. Н. Животноводство Среднего Урала в 1916–2015 годах / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 126–143.
27. Мамяченков, В. Н. Состояние трудовых ресурсов Челябинской области в 1940–1960 годах (по материалам РГАЭ) / В. Н. Мамяченков // Городские чтения : материалы двенадцатой региональной музейной конференции. – Челябинск : ОГБУК «ГИМЮУ», 2021. – С. 34–38.
28. Мотревич, В. П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.): препринт / В. П. Мотревич. – Свердловск : УрО АН СССР, 1991. – 72 с.
29. Мотревич, В. П. «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (к 60-летию аграрной реформы 1953 г.) / В. П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 8 (114). – С. 36–38.
30. Толмачева, Р. П. Колхозы Урала в 50-е годы / Р. П. Толмачева. – Томск : Изд-во ТГУ, 1980. – 190 с.
31. Томилин, В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. / В. Н. Томилин. – М. : АИРО, XXI, 2021. – 448 с.
32. Хисамутдинова, Р. Р. Аграрная политика государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.) / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПИУ, 2003. – 608 с.
33. Народное хозяйство РСФСР (1956 год) : статистический ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1957. – 364 с.
34. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году : статистический ежегодник. – М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 600 с.
35. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. – М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. – 607 с.
36. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. – М. : Статистика, 1965. – 576 с.
37. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1959. – № 30. – Ст. 493.
38. Система ведения сельского хозяйства зоны Урала. – Свердловск [б.и.], 1960. – 679 с.
39. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 16 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд. Т. 8. – М. : Политиздат, 1985. – 542 с.

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственного, муниципального управления и права, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург), e-mail: mamyachenkov@mail.ru

Поступила в редакцию 3 марта 2024 г.

**ANIMAL HUSBANDRY IN THE CHELYABINSK REGION
IN 1954–1964: LIVESTOCK COMPOSITION, PRODUCTS****V. P. Motrevich¹, V. N. Mamyachenkov²**¹*Yakovleva Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation*²*Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russian Federation*

This article presents an analysis of livestock and the production of livestock products in the Chelyabinsk region during a dynamic period in the history of the USSR (1954–1964). The novelty of the study is in the wide use of materials from the collections of one of the largest federal archives – the Russian State Archive of Economics (RGAE). Most of these materials have not been studied before. At the beginning of the period, the livestock sector of agriculture in the Chelyabinsk region was in deep crisis. In the 1950s, a number of resolutions were issued by the union authorities which had a positive impact on the development of animal husbandry. However, in the agrarian policy of the party and the government and the tendency to limit individual farms began to manifest itself more and more clearly. The contribution of various categories of farms to the production of livestock products is determined, and as a result of the state's implementation of its agrarian policy, Soviet farms became its main supplier from the late 1950s. In general, from 1954 to 1964, individual farms in the Chelyabinsk region played a significant role in the production of livestock products, however, during the period under investigation their position waned, being unable to compete with the public sector. The authors conclude that the livestock industry of the Chelyabinsk region, despite a number of objective and subjective obstacles, made a significant step forward in its development.

Keywords: Chelyabinsk region, animal husbandry, public and individual sector, milk, meat, wool, egg.

References

1. Argumenty i Fakty: novosti Rossii i mira [Arguments and Facts: News from Russia and the World] // *Regiony – lidery po proizvodstvu myasa, moloka i yaic*. URL: https://aif.ru/money/economy/regiony_lidery_pro_proizvodstvu_myasa_moloka_i_yaic_infografika?ysclid=ls2xcr25725510250 (data obrashcheniya: 27.01.2024).
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 374. Op. 30. D. 9326.
3. GARF [SARF]. F. 310. Op. 1. D. 1499.
4. GARF [SARF]. F. 374. Op. 31. D. 6746.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 7486. Op. 21. D. 431.
6. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 5385.
7. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 5701.
8. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 5969.
9. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 6209.
10. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 6502.
11. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 6776.
12. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 7098.
13. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 1439.
14. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 4274.
15. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 7861.
16. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 7177.
17. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 44. D. 1642.
18. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 37. D. 1276.
19. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 5385.
20. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 1263.
21. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 4127.
22. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 337. D. 7711.
23. Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskij oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk region (USACR)]. F. 485. Op. 23. D. 237.
24. OGACHO [USACR]. F. 804. Op. 15. D. 815.

25. Denisevich M.N. Individual'nye hozyajstva na Urale (1930–1985 gg.) [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991. 196 s.
26. Mamyachenkov V.N. Zhivotnovodstvo Srednego Urala v 1916–2015 godah [Animal Husbandry of the Middle Urals in 1916–2015] // *Nauchnyj dialog*. 2017. № 7. S. 126–143.
27. Mamyachenkov V.N. Sostoyanie trudovyh resursov Chelyabinskoy oblasti v 1940–1960 godah (po materialam RGAE) [The State of the Labor Resources of the Chelyabinsk Region in 1940–1960 (Based on the Materials of the Russian Academy of Sciences)] // *Gorohovskie chteniya: materialy dvenadcatoy regional'noj muzejnoj konferencii*. Chelyabinsk: OGBUK «GIMYUU», 2021. S. 34–38.
28. Motrevich V.P. Valovaya produkciya sel'skogo hozyajstva Urala (1941–1960 gg.) [Gross Agricultural Output of the Urals (1941–1960)]: preprint. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991. 72 s.
29. Motrevich V.P. «Novyj kurs» v sel'skom hozyajstve SSSR (k 60 letiyu agrarnoy reformy 1953 g.) [“New course” in Agriculture of the USSR (to the 60th Anniversary of the Agrarian Reform in 1953)] // *Agrarnyj vestnik Urala*. 2013. № 8 (114). S. 36–38.
30. Tolmacheva R.P. Kolhozy Urala v 50-e gody [Collective Farms of the Urals in the 50s]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1980. 190 s.
31. Tomilin V.N. Gosudarstvo i kolhozy: 1946–1964 gg. [The State and Collective Farms: 1946–1964]. M.: AIRO, XXI, 2021. 448 s.
32. Hisamutdinova R.R. Agrarnaya politika gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1945 – mart 1953 g.) [Agrarian Policy of the State in the Urals after the End of the Great Patriotic War (June 1945 – March 1953)]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2003. 608 s.
33. Narodnoe hozyajstvo RSFSR (1956 god) [The National Economy of the RSFSR (1956)]: statisticheskij ezhegodnik. M.: Gosstatizdat, 1957. 364 s.
34. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1959 godu [The National Economy of the RSFSR in 1959]: statisticheskij ezhegodnik. M.: Gosstaizdat CSU SSSR, 1960. 600 s.
35. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1962 godu [The National Economy of the RSFSR in 1962]: statisticheskij ezhegodnik. M.: Gosstatizdat CSU SSSR, 1963. 607 s.
36. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1964 godu [The National Economy of the RSFSR in 1964]: statisticheskij ezhegodnik. M.: Statistika, 1965. 576 s.
37. Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR [Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1959. № 30. St. 493.
38. Sistema vedeniya sel'skogo hozyajstva zony Urala [The System of Agriculture in the Urals Zone]. Sverdlovsk [b.i.], 1960. 679 s.
39. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986) [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)]: v 16 t. / In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 9-e izd. T. 8. M.: Politizdat, 1985. 542 s.

Vladimir P. Motrevich – D. Sc. (History), Professor of the Department of History of State and Law of the Yakovleva Ural State Law University (Ekaterinburg), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Vladimir N. Mamyachenkov – D. Sc. (History), Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of State, Municipal Administration and Law, Ural State Economic University (Ekaterinburg), e-mail: mamyachenkov@mail.ru

Received March 3, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мотревич, В. П. Животноводство Челябинской области в 1954–1964 гг.: численность, состав поголовья, продукция / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 20–29. DOI: 10.14529/ssh240203

FOR CITATION

Motrevich V. P., Mamyachenkov V. N. Animal husbandry in the Chelyabinsk region in 1954–1964: livestock composition, products. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 20–29. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240203

БРИТАНСКИЙ ИСТОРИК ЭДВАРД КАРР: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ОБЛАСТИ РУСИСТИКИ

М. Д. Пархоменко

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье предпринята попытка проанализировать трансформацию научных интересов британского историка Эдварда Карра (1892–1982). С позиций интеллектуальной истории разбираются некоторые аспекты биографии историка, способствовавшие такой трансформации. Первоначально Карр публиковал биографические труды по истории русской литературы и революционного движения в России XIX столетия. Однако затем он стал активно работать не только в области исследований международных отношений первой половины XX века, но еще и в сфере истории начального периода становления и развития Советской России. По мнению автора статьи, к основным факторам, которые повлияли на зарождение и трансформацию научных интересов Карра, можно отнести следующие. Во-первых, изучение Карром русского языка, когда он работал дипломатическим чиновником в Риге. Во-вторых, его интерес к марксистской теории и поездки в СССР (1927 г. и 1937 г.), где эта теория в определенном виде была воплощена в жизнь. В-третьих, Вторая мировая война и её последствия, роль Советского Союза в данном мировом конфликте. Не последнюю роль сыграл и круг общения Карра, где были люди левых взглядов из России.

Ключевые слова: Эдвард Карр, Russian studies, научные интересы, историография, интеллектуальная история.

Введение

Британский историк и политолог Эдвард Халид Карр (28.06.1892 – 3.11.1982) окончил университет в Кембридже, сначала около 20 лет служил в британском МИДе в качестве чиновника, затем преподавал в ряде университетов Великобритании, в том числе в Оксфордском и Уэльском. Более всего он известен как автор книг и ряда трудов по истории и теории международной политики, до сих пор актуальной работы по методологии истории [1], а также четырнадцатитомной «Истории Советской России» [2].

Цель данного исследования предполагает изучение историографического наследия Эдварда Карра и фактов его биографии с точки зрения трансформации научных интересов в сфере исследований по истории России и СССР. Под термином «научные интересы» здесь подразумевается узко специализированная тематика исследований в той или иной сфере научной деятельности. В данном случае речь идет о русской литературе как части литературоведения, а также истории России и СССР в рамках англоязычной историографии (Russian studies). Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1929 г. по 1982 г. и обусловлены датами выхода первой и последней прижизненных публикаций Карра.

Обзор литературы

Подобного рода исследований научного творчества Карра ещё не проводилось в российской историографии. При этом стоит заметить, что одна из первых работ о научной деятельности Карра появилась в советской историографии. Историк А. М. Нейман в конце 1970-х гг. написал статью о Карре как политическом философе, называя его «буржуазным», но прогрессивным мыслителем.

Его труды о международных отношениях, созданных до и после Второй мировой войны, Нейман вполне справедливо делит на публицистические и теоретические и отмечает, что их можно назвать «свидетельской историей» (eye-witnessed-history). В его статье разбираются взгляды Карра как одного из главных западных теоретиков «политического реализма», когда международные отношения трактуются и оцениваются с учетом разных особенностей развития стран, от которых зависит их внешняя политика. Концепция Карра, по мнению Неймана, опирается на принцип «реалистического критицизма» как противовес господствующей среди политиков ведущих англоязычных стран концепции «политического идеализма», основанной на рациональных принципах, связанных с идеями гуманизма и свободы. Главный вывод Карра звучит так: реалистичная политика должна строиться на компромиссе и сочетаться с силой, чтобы не допускать разрушительных военных конфликтов [3, с. 97, 99–106].

Далее советский историк делает вывод о трансформации взглядов Карра от «политического реализма» к «либерально-реформистской» концепции «нового общества». Опираясь на эту концепцию, марксист Карр утверждал, что с целью предотвращения постоянных кризисов в странах капитала, необходимо проводить более социальную политику среди населения при активной регулирующей роли государства. Нейман называет такой подход «буржуазным социализмом» [3, с. 110–111].

Безусловно, историографическое наследие Эдварда Карра значительно повлияло на зарубежных и современных российских историков с точки зрения их подходов и методов анализа советского

прошлого. В англоязычной историографии имеется несколько биографических работ о Карре. Например, британский историк Роберт Уильям Дэвис, сотрудничавший с Карром и являвшийся соавтором нескольких их книг, выпустил в начале 1980-х гг. биографическую статью о нем, уже после его кончины [4].

Более основательным и серьезным исследованием об Эдварде Карре является монография американского историка Джонатана Хэслэма, вышедшая в 1999 г. Несмотря на то что книга появилась около четверти века назад, она остаётся до сих пор едва ли не единственным историографическим исследованием научного творчества Карра в целом [5].

Через год, в 2000 году, вышел сборник статей о научной деятельности Карра, в котором имеется отдельный блок текстов о его исследованиях в сфере русистики (Russian studies). Некоторые статьи также написаны Хэслэмом и Дэвисом. Последний, в частности, рассматривает вопрос об эволюции взглядов Карра на Советский Союз с точки зрения внутреннего развития и внешней политики страны [6, р. 91–108].

Таким образом, вопрос о трансформации научных интересов Карра, который первоначально занимался историей русской литературы, а затем стал одним из известных специалистов по истории Советской России, ранее не ставился исследователями. Поэтому ответы на него представляют безусловный интерес с точки зрения реконструкции интеллектуального наследия Эдварда Карра как историка.

Методы исследования

Методология исследования основана на концепции интеллектуальной истории британца Ричарда Уотмора, который утверждает, что интеллектуальная история – это самостоятельная историческая дисциплина, которая занимается изучением интеллектуального наследия людей прошлого в широком смысле. В свою очередь интеллектуальная история включает три субдисциплины: история идей, интеллектуальная биография, история научного наследия. Данная статья ориентирована на историю научного наследия, которая предполагает следующие базовые принципы. Научное наследие неотделимо от биографии ученого, но при этом не является ее прямым следствием. Интеллектуальное наследие представляет собой комплекс научных идей, а также трансформацию научных интересов ученого в процессе его деятельности [7, 8].

Ориентация на такие принципы позволяет, на наш взгляд, эффективно изучать и интерпретировать взгляды британского историка Эдварда Карра. Но при этом, конечно, необходимо учитывать, что данное исследование ограничено лишь одним из аспектов интеллектуального наследия историка – трансформацией его научных интересов в рамках русистики (Russian studies).

Результаты и дискуссия

Свою деятельность в сфере русистики Карр начал в конце 1920-х годов. Все началось с истории русской литературы и интереса к биографиям наиболее известных в Англии русских писателей И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Вероятно, этот интерес у Карра появился в связи с изучением русского языка с середины 1920-х гг., поскольку он в это время продолжал свою деятельность в качестве дипломатического чиновника в Риге, занимая пост второго секретаря британского посольства. Там ему приходилось активно взаимодействовать с достаточно большой русской общиной, проживающей в столице Латвии. В 1927 году, находясь в отпуске, он впервые посетил СССР, побывав в Москве. В советской столице он занимался, главным образом, осмотром достопримечательностей, посещением музеев и покупкой книг.

Интересно, что первые его публикации о русских литераторах выходили в США, а не в Англии. В журнале «Slavonic and East European Review» вышли две его статьи «Тургенев и Достоевский» и «Болел ли Достоевский эпилепсией?» [9, 10]. Затем в 1931 году в США вышла его книга «Достоевский (1821–1881). Новая биография» [11]. Все эти работы были написаны в позитивистском ключе и, видимо, большого интереса у читателей не вызывали, хотя и содержали много интересных фактов.

Последующие труды Карра отличались большей основательностью. В 1933 г. вышла его работа «Романтические изгнанники: портретная галерея XIX века». В ней на биографическом материале А. И. Герцена, Н. П. Огарёва и других русских политических эмигрантов, проживавших в Лондоне, Карр попытался создать их портреты по имеющимся в его распоряжении документам [12]. Это можно считать некоторой попыткой перехода к интеллектуальной истории, которая к тому времени ещё не сформировалась как самостоятельное направление исследований.

Затем он выпустил книгу о марксизме, в которой СССР назван «оплотом марксистского фанатизма». Правда, назвать её пропагандистской всё же не представляется возможным. В книге проведён достаточно интересный разбор собственно идей Маркса и того, как они соотносятся с радикализмом его последователей, особенно в СССР [13].

В 1936 г. Карр ушел с дипломатической службы и стал профессором по международной политике в университетском колледже Уэльса в Аберистуите, где читал курсы о внешней политике ведущих стран мира. Однако он продолжал работать в сфере русистики. Вскоре выходит его книга «Михаил Бакунин», в которой Карра интересует даже не столько биография одного из основоположников анархизма, сколько бакунинская трактовка марксизма. Ко всему прочему, Бакунин представлен ещё и в контексте литературной сре-

ды русской эмиграции XIX века [14]. Этот труд, можно сказать, стал квинтэссенцией всех теоретических и исторических изысканий Карра по российской истории XIX века.

В том же году он во второй и последний раз посетил СССР, побывав в Москве и Ленинграде. На него произвела впечатление гнетущая атмосфера сталинского режима и советского общества. Он еще раз убедился в том, что настоящего социализма, согласно идеям Маркса, в этой стране нет. Особенно негативное впечатление произвело на него то обстоятельство, что нескольких человек, советских граждан, с которыми он во время своей поездки поддерживал общение, были осуждены по обвинению в шпионаже в пользу Англии, а затем казнены. Вскоре после этого он отправился в нацистскую Германию и нашел её куда более свободной страной, чем Советский Союз.

К этому времени Карр начал работу над книгой «Двадцатилетний кризис, 1919–1939», которая представляет собой его взгляды на теорию и практику внешней политики ведущих стран мира, в том числе Советской страны. Несмотря на антипатию к СССР, он критикует в этой работе доминирование Англии и Франции в европейской международной политике. С точки зрения концепции «политического реализма» Карр утверждает, что фашистская Италия, нацистская Германия и большевистская Россия имеют полное право на реализацию своих геополитических интересов. Все эти страны он ставит на один уровень, придерживаясь социал-дарвинистских взглядов и всячески одобряя войну с целью реализации определенных политических интересов. Однако затем, в ходе Второй мировой войны, его представления трансформируются. В послевоенном переиздании той же книги он признаётся, что многие его убеждения оказались ложными, поэтому ему пришлось извиняться [15].

Своеобразной «исповедью» стала его вышедшая в 1942 г. книга «Условия мира», в которой Карр предлагает идеи о том, каким образом закончить мировую войну. Для этого, по его мнению, требуется прекратить боевые действия на фронтах и пойти на территориальные уступки всем воюющим странам [16].

Еще в 1939 г. в журнале «International Affairs» вышла краткая рецензия Карра на недавно вышедшую книгу о Коминтерне, где он прямо называет эту организацию структурой, связанной с Москвой и являющейся советской агентурной сетью в зарубежных странах [17]. Затем в журнале «Soviet Studies» вышло несколько его статей по актуальной политике СССР.

После Второй мировой войны Карр продолжал активно публиковаться. Следующей научной работой Карра стала книга, название которой можно перевести как «Что дал СССР Западному миру». Она стала переломной в плане восприятия

Карром политического развития СССР. Правда, её назвать исторической нельзя, это всё же работа политологического характера [18]. По мнению советского историка А. М. Неймана, именно эта работа, основанная на его лекциях, подвигла Карра реализовать замысел создания многотомного труда о Советской России [3, с. 97].

В биографии ученого была и такая страница, как вступление в Коммунистическую партию Великобритании (Communist Party of Great Britain), в которой он оставался до конца своей жизни. Политическое кредо историка отражало социалистические идеалы, но явно не те, что были воплощены в жизнь в Советском Союзе. Свое мнение о сталинском СССР и нацистской Германии, построенные в духе «политического реализма», он пересмотрел и выпустил в 1952 г. книгу «Германо-советские отношения в 1919–1939 годах». В данной работе рассматривается и анализируется сотрудничество СССР и Германии в межвоенный период в различных сферах с осуждающими коннотациями и оценками историка. В тексте можно даже усмотреть критику сталинизма с позиции троцкизма, где особое значение уделено «предательству идеалов революции и коммунизма в угоду сотрудничеству с фашистами» [19].

Ранее, в 1951 г., вышла его книга «Новое общество», созданная по текстам одноимённой серии передач на британской радиостанции BBC, в которой Карр рассказывал о том, что из себя представляет советский общественно-политический строй начиная с 1917 года [20].

Параллельно он начал работу над своим знаменитым многотомным трудом по истории Советской страны. Всего вышло 14 томов. Первый том вышел в 1950 году, а последний в 1978 году. Некоторые из них он писал в соавторстве с другим британским историком Р. Дэвисом. В целом многотомник состоит из четырех больших частей: первая часть посвящена Российской революции; вторая – транзиту власти в период практически полной недееспособности В. И. Ленина, во время его болезни; третья часть касается плановой экономики в советском варианте; четвертая часть раскрывает трансформацию идеи мировой революции в советской политике. Здесь освещается широкий круг вопросов – внутренняя и внешняя политика Советской страны в первые десятилетия своего существования, экономика, индустриализация и быт советских граждан [2].

В этот период Карр принимал участие в создании коллективных монографий, написал ряд статей по истории взаимоотношений России и стран Западной Европы. У него появились публикации, тематически не связанные с его многотомником. Например, статья под названием «Некоторые заметки о Советской Башкирии», которая освещает проблему национализма в раннем СССР на примере становления башкирского националь-

ного движения и противодействия такому явлению со стороны советских властей. Статья была написана по материалам советских газет 1920-х годов [21].

Другая его статья, вышедшая в 1958 г., посвящена истории политического преследования советского писателя Б. А. Пильняка, которое закончилось арестом, судом и расстрелом. Это, пожалуй, единственная публикация Карра, которая напрямую касается политических репрессий в СССР при Сталине [22].

В 1969 г. Карр издал книгу «Октябрьская революция – до и после», а через десять лет – «Русская революция: от Ленина до Сталина (1917–1929)». Обе работы отличаются широтой источников и убедительными выводами. Они рассчитаны на широкий круг читателей. Правда, первая из них не получила распространения и вышла небольшим тиражом в США и Великобритании. Вторая книга стала как бы кратким изложением его «Истории Советской России» и была рассчитана на максимально широкий круг читателей [23, 24].

По сути, у Карра не было возможности для работы в архивах и библиотеках СССР, однако он имел доступ к массиву материалов в архивах США, Великобритании, Германии. Кроме того, он много общался с некоторыми эмигрантами из России и СССР, как правило, «левыми» интеллектуалами. Это накладывало определённый отпечаток на его научную и публицистическую деятельность. Близкими друзьями историка можно назвать Исаака и Тамару Дойчер, которые в свое время хорошо знали Л. Д. Троцкого [6, p. 125–165].

В 1982 году вышла очередная книга Карра с названием «Сумерки Коминтерна: 1930–1935», в которой он скорректировал свои прежние взгляды на эту организацию. Карр пришел к выводу, что до 1930 г. Коминтерн представлял собой международную во многом пропагандистскую и просветительскую организацию с целью распространения идей социализма и коммунизма за пределами Советской страны. Затем в условиях диктатуры Сталина руководители Коминтерна отошли от своих изначальных целей и стали активно заниматься шпионской деятельностью в пользу СССР [25]. По материалам рукописей в 1984 г. вышла в свет его посмертная работа «Коминтерн и гражданская война в Испании» [26]. Книгу составляла и редактировала Тамара Дойчер.

Несмотря на то что Карр являлся коммунистом, он все-таки достаточно критически относился к политическому строю в СССР, истории его построения и дальнейшему развитию. Идеологически британский историк был близок к троцкистам, выступавшим за построение социализма не по сталинскому варианту с его ускоренными темпами индустриализации и коллективизации и репрессиями, а за постепенный переход к «настоящему» социализму в контексте мировой револю-

ции. На русский язык некоторые труды Карра стали переводить в Советском Союзе только во время перестройки.

Выводы

Британский историк Эдвард Карр до сих считается одним из ведущих британских специалистов по истории СССР. Поворотными точками на научном пути, которые повлияли на зарождение и трансформацию его научных интересов к советской истории, можно отнести следующие. Во-первых, начало работы в середине 1920-х гг. в Риге в качестве дипломатического чиновника и изучение русского языка. Во-вторых, его интерес к марксизму и поездки в СССР (1927 г. и 1937 г.), где эта теория в определенном виде была воплощена в жизнь. В-третьих, конечно, Вторая мировая война, роль в ней Советского Союза и её последствия, что, безусловно, скорректировало политические убеждения Карра. Это, возможно, произошло и под влиянием его круга общения, связанного с «левыми» интеллектуалами. В итоге некоторые его представления и взгляды на советскую историю и действительность претерпели определенную эволюцию. С каждой новой работой он всё больше погружался в советское прошлое, разбирая и анализируя это прошлое как историк, его высказывания становились не столь резкими, но при этом более взвешенными, подкрепленными документальными материалами и рассуждениями.

Таким образом, Эдвард Карр прошел значительный путь от изучения биографий русских писателей и революционеров XIX в. до своего становления как одного из влиятельнейших и глубоких специалистов по истории СССР раннего периода, чьё историографическое наследие нельзя игнорировать. Изучение трансформации научных интересов Карра с позиций интеллектуальной истории является только одним из аспектов в общей реконструкции научной деятельности историка. Далее необходимо решать задачи, которые предполагают изучение подходов, стиля мышления, терминологии текстов ученого, а также критику и влияние его трудов на трактовки о Советской России в зарубежной, преимущественно западной историографии.

Литература

1. Carr, E. H. What Is History? – London : Macmillan, 1961.
2. Carr, E. H. A History of Soviet Russia / E. H. Carr, R. W. Davies. – London : Macmillan, 1950–1978. Collection of 14 volumes: The Bolshevik Revolution (3 volumes), The Interregnum (1 volume), Socialism in One Country (4 volumes), and The Foundations of a Planned Economy (6 volumes).
3. Нейман, А. М. Э. Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» / А. М. Нейман // История и историки : историографический ежегодник, 1978. – М., 1981. – С. 96–112.

4. Davies, R. W. Edward Hallett Carr, 1892–1982 / R. W. Davies // *Proceedings of the British Academy*. – 1983. – Vol. 69. – P. 473–511.
5. Haslam J. *The Vices of Integrity: E. H. Carr, 1892–1982* / J. Haslam. – Verso, 1999.
6. E. H. Carr: A Critical Appraisal / ed. by M. Cox. – Palgrave Macmillan, 2000.
7. *A companion to Intellectual History* / ed. by R. Whatmore, B. Young. – John Wiley & Sons, Ltd, 2016.
8. Уотмор, Р. Что такое интеллектуальная история? / Р. Уотмор ; пер. с англ. – М., 2023.
9. Carr, E. H. Turgenev and Dostoyevsky / E. H. Carr // *The Slavonic and East European Review*. – 1929. – Vol. 8, № 22. – P. 156–163.
10. Carr, E. H. Was Dostoyevsky an Epileptic? / E. H. Carr // *The Slavonic and East European Review*. – 1930. – Vol. 9, № 26. – P. 424–431.
11. Carr, E. H. *Dostoevsky (1821–1881): A New Biography* / E. H. Carr. – New York : Houghton Mifflin, 1931.
12. Carr, E. H. *The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery* / E. H. Carr. – London : Victor Gollancz, 1933.
13. Carr, E. H. *Karl Marx: A Study in Fanaticism* / E. H. Carr. – London : Dent, 1934.
14. Carr, E. H. *Michael Bakunin* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1937.
15. Carr, E. H. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: an Introduction to the Study of International Relations* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1946.
16. Carr, E. H. *Conditions of Peace* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1942.
17. Carr, E. H. *Review of The Communist International by Franz Borkenau* / E. H. Carr // *International Affairs*. – 1939. – Vol. 18, № 3. – P. 444–445.
18. Carr, E. H. *The Soviet Impact on the Western World* / E. H. Carr. – New York : Macmillan Company, 1947.
19. Carr, E. H. *German-Soviet Relations Between the Two World Wars, 1919–1939* / E. H. Carr. – London : Geoffrey Cumberlege, 1952.
20. Carr, E. H. *The New Society* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1951.
21. Carr, E. H. *Some Notes on Soviet Bashkiria* / E. H. Carr // *Soviet Studies*. – 1957. – Vol. 8, № 3. – P. 217–235.
22. Carr, E. H. *Pilnyak and the Death of Frunze* / E. H. Carr // *Soviet Studies*. – 1958. – Vol. 10, № 2. – P. 162–164.
23. Carr, E. H. *The October Revolution: Before and After* / E. H. Carr. – New York : Alfred A. Knopf, 1969.
24. Carr, E. H. *The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917–1929)* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1979.
25. Carr, E. H. *The Twilight of the Comintern, 1930–1935* / E. H. Carr. – London : Macmillan, 1982.
26. Carr, E. H. *The Comintern and the Spanish Civil War* / E. H. Carr. – New York : Pantheon, 1984.

Пархоменко Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mihail.ph774@gmail.com. ORCID 0009-0001-9555-2232

Поступила в редакцию 6 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240204

THE BRITISH HISTORIAN EDWARD CARR: A TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC INTERESTS IN RUSSIAN STUDIES

M. D. Parhomenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes the transformation of the scientific interests of the British historian Edward Carr (1892–1982). Some aspects of the historian's biography, which contributed to this transformation, are analyzed from the perspective of intellectual history. Initially, Carr published biographical works on the history of Russian literature and the revolutionary movement in Russia in the 19th century. However, he then began to work on research in international relations of the first half of the 20th century and on the history of the initial period of the formation and development of Soviet Russia. The main factors that influenced the transformation of Carr's scientific interests are first, Carr's study of the Russian language when he worked as a diplomatic official in Riga; second, his interest in Marxist theory and his trips to the USSR (in 1927 and 1937), where this theory was put into practice in some form; thirdly, the Second World War and its consequences and the role of the Soviet Union in this conflict; and finally, the role played by Carr's social circle, which included people of left-wing views from Russia.

Keywords: Edward Carr, Russian studies, scientific interests, historiography, Intellectual History.

References

1. Carr E.H. What Is History? London: Macmillan, 1961.
2. Carr E.H., Davies R.W. A History of Soviet Russia, London: Macmillan, 1950–1978. Collection of 14 volumes: The Bolshevik Revolution (3 volumes), The Interregnum (1 volume), Socialism in One Country (4 volumes), and The Foundations of a Planned Economy (6 volumes).
3. Nejman A.M. E.H. Carr: ot «politicheskogo realizma» k «novomu obshchestvu» [E.H. Carr: from “Political Realism” to “New Society”] // *Istoriya i istoriki: istoriograficheskij ezhegodnik*, 1978. M., 1981. S. 96–112.
4. Davies R.W. Edward Hallett Carr, 1892–1982 // *Proceedings of the British Academy*. 1983. Vol. 69. P. 473–511.
5. Haslam J. The Vices of Integrity: E.H. Carr, 1892–1982. Verso, 1999.
6. E.H. Carr: A Critical Appraisal / ed. by M. Cox. Palgrave Macmillan, 2000.
7. A companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. John Wiley & Sons, Ltd, 2016.
8. Uotmor R. Chto takoe intellektualnaya istoriya? [What is Intellectual History?]. M., 2023.
9. Carr E.H. Turgenev and Dostoyevsky // *The Slavonic and East European Review*. 1929. Vol. 8, № 22. P. 156–163.
10. Carr E.H. Was Dostoyevsky an Epileptic? // *The Slavonic and East European Review*. 1930. Vol. 9, № 26. P. 424–431.
11. Carr E.H. Dostoevsky (1821–1881): A New Biography. New York: Houghton Mifflin, 1931.
12. Carr E.H. The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. London: Victor Gollancz, 1933.
13. Carr E.H. Karl Marx: A Study in Fanaticism. London: Dent, 1934.
14. Carr E.H. Michael Bakunin. London: Macmillan, 1937.
15. Carr E.H. The Twenty Years’ Crisis, 1919–1939: an Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946.
16. Carr E.H. Conditions of Peace. London: Macmillan, 1942.
17. Carr E.H. Review of The Communist International by Franz Borkenau // *International Affairs*. 1939. Vol. 18, № 3. P. 444–445.
18. Carr E.H. The Soviet Impact on the Western World. New York: Macmillan Company, 1947.
19. Carr E.H. German-Soviet Relations Between the Two World Wars, 1919–1939. London: Geoffrey Cumberlege, 1952.
20. Carr E.H. The New Society. London: Macmillan, 1951.
21. Carr E.H. Some Notes on Soviet Bashkiria // *Soviet Studies*. 1957. Vol. 8, № 3. P. 217–235.
22. Carr E.H. Pilnyak and the Death of Frunze // *Soviet Studies*. 1958. Vol. 10, № 2. P. 162–164.
23. Carr E.H. The October Revolution: Before and After. New York: Alfred A. Knopf, 1969.
24. Carr E.H. The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917–1929). London: Macmillan, 1979.
25. Carr E.H. The Twilight of the Comintern, 1930–1935. London: Macmillan, 1982.
26. Carr E.H. The Comintern and the Spanish Civil War. New York: Pantheon, 1984.

Mihail D. Parhomenko – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mihail.ph774@gmail.com

Received March 6, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пархоменко, М. Д. Британский историк Эдвард Карр: трансформация научных интересов в области русистики / М. Д. Пархоменко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 30–35. DOI: 10.14529/ssh240204

FOR CITATION

Parhomenko M. D. The British historian Edward Carr: a transformation of scientific interests in Russian studies. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 30–35. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240204

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. А. Сергеев

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В данной статье проводится обзор и анализ историографии, освещающей деятельность городского православного прихода горнозаводского Урала в годы Великой Российской революции, Гражданской войны и становления советской власти начала XX века. Главное внимание уделяется исследованиям, вышедшим в свет начиная с 1990-х годов по настоящее время. Выявляются особенности подходов авторов к изучению вопросов деятельности прихода как элемента организационной формы бытия церкви, тесно связанного с конкретной территорией, его места и роли в социуме и государстве. Несмотря на обширность территории горнозаводского Урала, основной акцент ставится на изучении историографии деятельности православных приходов крупных окружных центров, получивших городской статус к началу исследуемого хронологического отрезка. В статье подчеркивается, что, несмотря на рост интереса к истории Русской Православной церкви, современные исследования вновь остались на позициях недостаточного комплексного освещения темы роли православного прихода как определенной территориальной структурной единицы церкви, в жизни городов горнозаводского Урала. Освещение многогранности приходской жизни, осмысление целостности исторической картины религиозной жизни горнозаводского Урала продолжают оставаться проблемой будущего.

Ключевые слова: православный приход, горнозаводской Урал, Русская Православная церковь, историография, Великая Российская революция, Гражданская война в России.

Введение

Два первых десятилетия XX века оставили глубокий след в государственном и общественном устройстве России. Этот исторический этап был отмечен разрешением политических и социально-экономических конфликтов, накопившихся к началу столетия. Через горнило вооруженных столкновений и социальных взрывов произошли изменения в формах правления, государственных устройствах и политических режимах, в общем направлении развития и социальной структуре.

В процессы трансформации был вовлечен и такой крупный социокультурный институт, как Русская Православная церковь. Изменения затронули ее политическую и общественную деятельность. Иными стали как внутрицерковные, так и церковно-государственные отношения. Вынужденный выбор, который сделала церковь в этот период, предопределил ее дальнейшие шаги, отразился на ее судьбе. Несмотря на то что эпоха диктатора «зоны комфорта» дореволюционного строя осталась в прошлом, среди исследователей по сей день остается интерес к тому, как такая сложно организованный социальный институт смогла найти выход, сохранить себя в нестандартных и меняющихся условиях переломного момента истории.

Современные исследования о деятельности Русской Православной церкви в начале XX века включают несколько основных направлений. Основные из них связаны с вопросами церковно-государственных отношений [1, с. 3], с развитием

института духовенства и церковнослужителей, с богослужебной практикой, с анализом и дополнением биографий выдающихся религиозных деятелей, с архитектурными особенностями храмовых зданий. Все это стало возможным благодаря широкому доступу исследователей к архивным материалам, официальным документам и отчетам органов власти.

В то же время вне указанных направлений остается недостаточно раскрытой тема главного потенциала церкви – простых прихожан, миллионов жителей городов и сел многомиллионной страны, объединенных понятием «приход».

В канонической правовой традиции церкви приход всегда играл особую роль как элемент организационной формы ее существования, основанной на территориально-государственной структуре. Именно тесная связь прихода с территорией через спектр горизонтальных связей позволяет по-новому взглянуть на известные исторические события через призму локальной истории.

Одной из таких уникальных и самобытных территорий, сформировавшихся в начале XVIII века в процессе освоения Урала и успешно просуществовавших до начала XX века, является горнозаводской Урал [2, с. 10]. К началу рассматриваемого периода на горнозаводском Урале существовало 22 горных округа с развитой горнозаводской инфраструктурой (более 100 заводов и поселений) [2, с. 241], которые сохранились до 1917 года [3]. Населенные пункты, получившие статус города

до начала рассматриваемого периода или в его ходе, включают Кушву, Екатеринбург, Пермь, Златоуст, Ижевск, Нижний Тагил, Алапаевск, Ирбит, Невьянск, Омутнинск, Надеждинск (ныне Серов) и Белорецк [4; 5, с. 103, 213–217, 219].

Обзор литературы

Историография деятельности городского православного прихода горнозаводского Урала в первое десятилетие советской власти сегодня находится в состоянии активного формирования. В своем большинстве обобщенные обзоры современных исторических исследований присутствуют в работах, касающихся той или иной темы деятельности Русской Православной церкви. Здесь можно выделить общие историографические обзоры А. Л. Беглова [6], С. Н. Петрова [7], Д. Б. Павлова [8], ежегодный анализ статей научного богословского портала Московской Духовной академии. На территориях Южного, Среднего и Северного Урала – фрагментарно они присутствуют в работах А. И. Конюченко [9], М. Г. Нечаева [10], Н. П. Агафонова [11], Н. Т. Абдулова [12] и других.

Так или иначе, историография деятельности городского православного прихода горнозаводского Урала нуждается в дополнительной систематизации. В данном случае настоящая статья представляет собой такой опыт системного и специального изучения исторических исследований деятельности православного прихода конкретной территории.

Методы исследования

Исследование базируется на общенаучных методах классификации и систематизации с использованием аспектного, критического и проблемного анализа научных публикаций и литературы.

Результаты и дискуссия

Современный (постсоветский) период формирования научной исследовательской базы, начавшийся в первой половине 1990-х гг., характеризуется переосмыслением роли и места церкви в обществе и государстве на разных исторических отрезках. Процессы демократизации и отсутствия идеологического надзора создали предпосылки для объективного осмысления истории России, в том числе и такого ее сектора, как история русского православия. В эти годы меняется государственно-политический строй, исчезает идеологический прессинг, ликвидируется надзорный орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Появляется возможность исследовать ранее закрытые для работы архивные источники. Наряду со светскими исследователями в процесс изучения истории включаются священнослужители, представители церковной образовательной среды. Это переводит интерес к изучению истории Русской Православной церкви на новый уровень, который характеризуется количественным и качественным ростом работ, и, как следствие, разнообразием подходов, проблематики и методик [13, с. 8].

Формально весь массив исследований, посвященный тематике городского православного прихода, можно разделить на две группы: общероссийские и региональные.

К первой группе наиболее крупных работ можно отнести исследования М. И. Одинцова [14], М. В. Шкаровского [15], протоиерея Владислава Цыпина [16], протоиерея Георгия Митрофанова [17], С. Л. Фирсова [18]. Книги указанных ученых, как правило, содержат богатый фактический материал, отличаются живостью изложения, содержат систематическое описание истории церкви в различных государственных моделях. Вопрос о приходской жизни либо выводится отдельной главой, либо включается в раздел несколькими абзацами. Приход включается в общую ленту описания событий и фактов, часто без учета особенностей территориального компонента.

Исключением в обзорной историографии о приходской жизни является исследование А. В. Журовского «Приход в Русской Православной Церкви. XX век» [18], где подробно и взвешенно рассмотрены все стороны жизни прихода: мировоззрение и религиозность прихожан, особенности богослужebной жизни, качество пастырского служения. Замечательно дополняют картину приходской жизни публикации М. С. Желтова и протоиерея Сергия Правдолюбова об особенностях приходского богослужения [20]. Рассмотрение прихода как экономической единицы, в основе которой заложен принцип эффективного менеджмента, выгодно выделяет монографию экономиста, преподавателя Московской Духовной Академии О. В. Шведова [21]. Описание проблемы пастырского служения на приходе в предреволюционные годы и первые десятилетия советского периода, трудности, связанные с этим, правовое положение этой категории людей замечательно представлены в работах протоиерея Владимира Воробьева [22] и М. И. Лавицкой [23]. Особый статус, связанный с новыми подходами в изучении белого (приходского) духовенства, а именно, как особой социальной группы, подчиняющейся социологическим и демографическим измерениям, следует присвоить исследованиям доктора исторических наук А. И. Конюченко [24, 25]. Выводы, сделанные автором на богатом документальном материале, позволяют увидеть специфику положения духовенства определенных территорий и сравнить его с общероссийскими показателями. К сожалению, хронологические рамки исследования не позволяют увидеть изменения, произошедшие в анализируемой социальной группе за годы социальных потрясений. Подобную ситуацию можно наблюдать в монографии доктора исторических наук А. Л. Беглова, внесшего огромный вклад в изучение русского православного прихода «Православный приход на закате Российской империи. Состояние, дискуссии, реформы» [6]. Большая часть работы посвящена

изучению эволюции политики властей в отношении приходских институтов, реконструкции этапов дискуссий о приходе, рассмотрению проектов преобразований с конца XIX века. Также несомненной ценностью работы является четкое структурирование исследовательского поля, где приход изучается в трех аспектах: как социальная структура, как предмет общественных дискуссий и как объект политического реформирования со стороны светских и церковных властей. Автор вводит в научный оборот обширный архивный и статистический материал, в заключительном параграфе дает общий обзор истории прихода в советский период.

Проблеме отношения приходского православного духовенства к политическим изменениям в стране посвящены исследования М. А. Бабкина «Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в.–конец 1917 г.)» [26] и «Духовенство Русской православной церкви и политическая символика (весна 1917 г.)» [27], в которых автор предлагает для изучения комплекс архивных материалов, раскрывающих отношение духовенства Православной Российской церкви к свержению монархии в Феврале 1917 года, характеризует в положительном свете реакцию этой сословной группы на изменения в политическом поле страны и ее ожидания.

Попытка расширения взглядов на вопросы эволюции церковно-государственных и церковно-общественных отношений непосредственно в сложный период становления советской власти (1917–1928 гг.) была предпринята в работах Н. И. Наумовой [28], протоиерея Георгия Митрофанова [29, 30], О. Ю. Васильевой «Русская православная церковь в 1917–1927 годах» [31], А. Н. Кашеварова «Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922 гг.)» [32], Н. С. Морозова [33], С. М. Беляева [34] и др.

Из зарубежных исследователей можно выделить работы таких ученых, как Д. В. Поспеловский [35], Г. Шульц [36], А. Дикинсон [37] и др. Центральной темой исследований двух первых авторов является изучение деятельности Поместного Собора Православной российской церкви, проходившего в Москве с 15 августа 1917 по 20 сентября 1918 года. Несмотря на огромный спектр обсуждаемых вопросов, члены Собора серьезнейшим образом отнеслись к проблеме места и роли православного прихода в жизни общества и страны, оказавшихся условиях новой реальности. Так, канадский историк Д. В. Поспеловский видит церковь как аполитичную структуру, нейтральную к политическим процессам. Однако она вынуждена защищаться. В постановлениях Собора и посланиях Патриарха Тихона усматривается прямой призыв к немедленной активизации членами приходов (мирянами) действий в защиту своих храмов, повышению общего уровня присутствия

в церковной жизни и противостоянию атаке воинствующего атеизма. Важнейшим же документом, выработанным в ходе заседаний, позволившим адаптировать приход к новым условиям, стал новый приходской устав – «Определение о православном приходе» [35, с. 49–60].

Об особой роли мирян и приходов в церковной жизни в новых атеистических условиях отмечает немецкий славянист Г. Шульц. По его мнению, именно прихожане сберегли в России христианскую веру и саму церковь. Например, свое несогласие с обнародованным большевиками декретом об отделении церкви от государства члены приходов выражали путем массовых крестных ходов [38, с. 7–19]. Автор отмечает высокий авторитет Поместного Собора среди миллионов верующих. Тем не менее, Собор призывал верующих и к поиску компромисса с новой властью [39, с. 10–26].

Интересный, на наш взгляд, подход в изучении деятельности православных приходов в первое постреволюционное время предлагает А. Дикинсон. В своих исследованиях автор приходит к выводу о том, что с момента перехода власти большевиками сразу был взят курс на антирелигиозную борьбу, которая больше всего ударила по обычным приходам. Центральным местом в репрессивном воздействии в период 1917–1928 гг. являлось закрытие церквей, так как оно не только лишало верующих возможности совершать богослужения в обычном контексте, но и обезпечивало физическое отражение официального обмена религиозных ценностей на светские. В то же время процесс ликвидации храмов шел неравномерно и зависел от региона и суровости, методичности антирелигиозной политики местных властей [37, с. 327]. Так, в традиционных православных регионах у верующих было больше свободы отправления культа [37, с. 330]. Причем рост арестов и уголовного преследования священников пришелся на конец 30-х годов [37, с. 333].

Социальный аспект обновленчества, выражающийся реакцией членов приходов на нововведения в повседневной практике, рассматривается в работах Г. Фриза [40] и Э. Рослофа [41]. Пристальное внимание зарубежные исследователи проявляют к таким новейшим течениям в историографии, как гендерная история («феминизация» приходской жизни и усиление роли женщин в церкви [42]) и история повседневности [43].

В начале и середине 10-х годов XXI века в изданиях разных форматов появляются публикации и исследования, посвященные непосредственно предметному региональному сектору истории. Расширяются границы изучения церковно-государственных отношений конкретных территорий, основой которого стал богатый документальный материал местных архивов. Локально-исторический подход серьезно дополнил событийную картину горнозаводского Урала эпохи соци-

альных потрясений начала XX века. К этой группе можно отнести труды таких ученых, как М. Г. Нечаев [10], Н. П. Агафонов [11], Н. Т. Абдулов [12], Н. А. Киреева [44], М. В. Булавин [45], Н. А. Зорина [46] и др. Однако и здесь православный приход не выделялся в отдельный объект исследования несмотря на то, что он являлся самой многочисленной единицей церковного организма. Биографические сведения о подвижниках православия Уральского края, пострадавших в годы социальных потрясений, документы, воспоминания и фотографии представлены в многотомном сборнике «Пострадавшие в годы гонений. Портреты и судьбы» [47].

Из наиболее удачных изданий, характеризующих важную составляющую приходской жизни, являются справочники о храмах Уфимской епархии [48], Пермского края [49], Южного Урала [50], Свердловской области [51]. В указанных изданиях составители в краткой форме предлагают читателям познакомиться с историей каждого храма региона, особенно старой дореволюционной постройки. Однако ограниченность и краткость материала не позволяют объективно судить о полноте приходской жизни.

Кроме строительства храмов, такие аспекты приходской жизни, как почитание святых, проведение массовых мероприятий (крестных ходов), значение культа в жизни жителей горнозаводского Урала стали объектом исследования таких авторов, как Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова [52], Е. Д. Королева [53, 54]. Среди исследований подобного типа особый интерес вызывают работы Ю. Д. Коробкова, которые связаны с исследованием социокультурного облика рабочих горнозаводского Урала рубежа XIX–XX веков [55] и М. А. Мордасовой, интересующейся праздничной культурой Южного Урала в 1917–1941 гг. [56]. Первый исследователь, несмотря на обозначенные хронологические рамки, на основе привлечения широкого круга источников и их междисциплинарного синтеза дает комплексную характеристику социокультурному облику рабочих горнозаводского Урала, в том числе и после первых революционных событий 1917 года. Автор делает вывод о специфической религиозности горнозаводского населения, характеризующейся резким обращением в новую веру (социализм) с разрывом со старой устоявшейся традицией. В отношении уральских рабочих к религии вводится понятие эффекта «двойного дна сознания», в котором религиозность составляла его внешний слой, а реальное отношение – привычка к молитве, иллюзия и отрицательное отношение к служителям церкви [57, с. 199–203]. Второй исследователь приводит противоположное утверждение, основанное на том, что, несмотря на смену государственного курса и, как следствие, мировоззренческой картины, на действия властей в идеологическом поле в 1920–30-е гг., некоторая часть уральцев продол-

жала сохранять свою религиозную идентичность, не всегда афишируя ее. Люди продолжали соблюдать религиозные обряды, иногда не выходя из дома. Антирелигиозная пропаганда не справилась с поставленной перед ней задачей [58, с. 180–198].

Социальные, демографические измерения городского горнозаводского населения, миграционные процессы исследуемого периода подробно раскрываются в монографиях профессора Южно-Уральского государственного университета В. А. Журавлевой «Градостроительство на Урале в 20–30 гг. XX века» [59] и «Городское население Урала в 1920–1930-е гг.» [5]. В работах отмечены процессы урбанизации, место культовых сооружений в новых планах, специфика населения, его движение, влияние экономических факторов на миграционные процессы и на культурно-бытовой уровень, а также итоги переписей населения. Учитывая, что приход не рассматривается в работах как предмет исследования, жители городов, как потенциальные участники жизни прихода являются частью демографических и социальных процессов.

Следующая группа работ посвящена развитию обновленческого раскола на Урале. К ним можно отнести исследования Н. А. Киреевой [60], Л. М. Ишкуватовой [61] и екатеринбургского историка протоиерея Валерия Лавринова [62]. В работах затрагивается один из наиболее болезненных моментов церковной истории, отразившийся непосредственно на приходской жизни городов и сел горнозаводского Урала. Исследования основаны на богатом архивном материале, воспоминаниях очевидцев. В них описывается картина приходской жизни, взаимоотношения жителей разных религиозных групп одного населенного пункта, факты вынужденного сосуществования в одном храмовом здании разных религиозных течений.

Среди работ историков и краеведов, изданных в населенных пунктах, получивших статус города до начала исследуемого периода (а также в течение самого периода), и так или иначе повествующих о жизни православных приходов, истории храмовых сооружений, имеющих биографические сведения, можно выделить следующие. Крупным изданием является «История Екатеринбургской епархии» [63]. В книге на обширном документальном материале показывается развитие Екатеринбургской епархии как составной части многовекового процесса становления и упрочения православия на территории Среднего Урала. В исторической ретроспективе рассматривается широкий круг вопросов: церковно-административное устройство, строительство храмов и монастырей, повседневная приходская и монашеская жизнь, просветительская, миссионерская и благотворительная деятельность церкви. Издание богато иллюстрировано, в том числе редкими фотографиями, снабжено картами и справочным аппаратом.

Дополняют историческую картину в некоторых вопросах деятельности приходов Екатеринбург: «Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы» [64], «Храмы Екатеринбурга» [65], Кушвы и прилегающих территорий – «Кушва православная. Страницы святой летописи» [66]. Деятельность приходов Нижнего Тагила в дни развития обновленческого раскола 1920-х годов отражена в работы М. В. Булавина [67, 68]. История храмовых зданий, фотографии дореволюционного периода Невьянска отражены в таких краеведческих изданиях, как «Демидовские гнезда: Невьянск, Верхний Тагил, Нижний Тагил» [69], «Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы (к 300-летию города)» [70] и «Очерки истории Невьянска», в последней используются материалы и фотографии из фондов Невьянского государственного историко-архитектурного музея [71]. Следует отметить большое количество изданий по истории православных храмовых сооружений Ирбита. Это позволяет оценить условия и объединяющий фактор в организации приходской жизни на разных этапах ее истории. Наиболее информативным, на наш взгляд, является сборник документов, подготовленный специалистами государственного архива в городе Ирбите «Храмы Ирбита: взгляд сквозь время» [72], где опубликованы документы, характеризующие исторический облик старинного Ирбита, украшенного Богоявленским собором, православными церквями, и место религии и судьбу зданий религиозного культа в советский период 1920–1960-х гг. Тема храмоздания подробно раскрывается в работах В. С. Аникина [73], Я. Л. Герштейна [74], Р. В. Козлова [75], Д. С. Степанова [76, 77]. Частично история храмов Алапаевска раскрыта в книге «Уездные столицы: [культурно-исторические очерки]: Ирбит. Алапаевск. Камышлов. Красноуфимск» [78].

В конце XX века начинается процесс развития церковно-исторического сектора локальной истории в таком старом промышленном центре горнозаводского Урала, как Златоуст. К изданиям, содержащим сведения о приходской жизни, судьбе храмов, некоторых традициях можно отнести следующие: «В граде святого Иоанна Златоуста» [79], рассказывающее об обычаях коренных златоустовцев и строительстве Свято-Троицкого собора; «Златоустовская энциклопедия», содержащая краткие сведения о православных приходах города [80]; «Златоуст в 1920–1930-е гг.» [81, с. 147–151], затрагивающий религиозную сторону жизни женского городского социума; сборник авторских статей о православных традициях города и развитии приходов «Златоустовские купола» [82]; «Город Златоуст в фотографиях и почтовых открытках» [83, 84], визуализирующее быт, традиции, внешний облик духовенства и горожан; научно-популярное издание «Златоуст и златоустовцы»

[85]; «Дом Божий» – монография, посвященная истории железнодорожной Симеоновской церкви [86]. Ежегодно научная база пополняется за счет исследований участников научно-практических конференций разного уровня [87, 88, 89].

Ценным источником информации, содержащим биографические сведения о черном и белом духовенстве, служившем в храмах города Перми, является специализированное издание Пермской Епархии Русской Православной церкви «Собор святых, в земле Пермской просиявших» [90]. История Свято-Преображенского кафедрального собора проиллюстрирована в работе М. А. Гмызиной [91], где на богатом документальном материале архивов и музеев автор показал этапы развития культурного пространства центрального храма края. Фундаментальным научным исследованием, посвященным комплексному обзору истории православия в Пермском крае, является труд российского историка, специалиста в области истории Русской церкви В. В. Вяткина «История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения» [92], где в контексте государственной политики в области религии и церкви дается характеристика и приходской жизни 1917–1928 гг.

В Ижевске первой и пока единственной книгой по истории епархии на протяжении всего XX века является книга доктора исторических наук Е. Ф. Шумилова «Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век» [93], где на основе документов трех крупных архивов республики была восстановлена общая картина развития церковной жизни как в республике, так и в самом Ижевске. Обширная справочная информация о храмах Ижевска представлена в сборнике архивных документов: «Православные храмы Удмуртии» [94]. Новые данные о методах атеистической пропаганды в Удмуртии и административных мерах, направленных против церкви, священнослужителей и мирян приводятся в работе С. А. Секретарева [95]. История церковью Омутинска и Белорецка отражена в работах В. А. Пыхтевой [96], А. Р. Ширгазина [97] и В. В. Мохова [98], а также в справочной литературе [99].

Выводы

Таким образом, деятельность городского православного прихода горнозаводского Урала в первое десятилетие советской власти в современной (постсоветской) историографии отмечена рядом положений. С одной стороны, в результате общего роста интереса к истории Русской Православной церкви наблюдается качественный количественный рост исследований о роли и месте православного прихода и его членов в жизни общества, государства и самой церкви как социокультурного института. Исследования становятся более точными и содержательными ввиду отсутствия идеоло-

гического давления и наличия доступности архивных документов для широкого круга исследователей (в том числе зарубежных). Тенденция изучения прихода в контексте общей церковной истории продолжает развиваться.

С другой стороны, современная историография осталась на позиции недостаточности комплексного освещения темы роли православного прихода как определенной территориальной структуры церкви в жизни городов горнозаводского Урала. При большом количестве публикаций тема многогранности приходской жизни: повседневная практика, социальные отношения, гендерный аспект, взаимодействие с государственной властью на местном уровне и т. д. – остается нерешенной, что позволяет продолжить проведение исследований в этой области.

Литература

1. Зин, Н. В. Государство и церковь во Владимирском крае в 1943–1953 гг. : монография / Н. В. Зин. – Владимир : Собор, 2010. – 193 с.
2. Вяткин, М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. / М. П. Вяткин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 400 с.
3. Горные округа, горнозаводские округа. Челябинская область. Chel-portal.ru. – URL: http://chel-portal.ru/enc/gornye_okruga.
4. Кондратьева, И. Города России : энциклопедия / И. Кондратьева – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1994. – URL: <https://rus-city-of-russia.slovaronline.com>.
5. Журавлева, В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: монография / В. А. Журавлева. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – 217 с.
6. Беглов, А. Л. Православный приход на закате Российской империи. Состояние, дискуссии, реформы / А. Л. Беглов – М. : Индрик, 2021. – 1048 с.
7. Петров, С. Н. Отношение Православной Российской Церкви к большевикам в 1917–1918 гг. в современной историографии / С. Н. Петров // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – № 3 (64). – С. 31–43.
8. Павлов, Д. Б. Русская Православная церковь, государство и общество первой четверти XX века в зарубежной историографии / Д. Б. Павлов // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 163–172.
9. Конюченко, А. И. Взаимоотношения духовенства и светских властей в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. И. Конюченко // Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие : материалы Всероссийской научно-практической конференции. VIII Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Вып. II. Часть I.; сост. И. Н. Морозова. – Челябинск, 2010. – С. 38–47.
10. Нечаев, М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 : монография / М. Г. Нечаев. – Пермь, 2004. – 334 с.
11. Агафонов, Н. П. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг.: на материале Пермской епархии : дис. ... канд. ист. наук / Н. П. Агафонов. – Пермь, 2002. – 259 с.
12. Абдулов, Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н. Т. Абдулов. – Уфа, 2006. – 303 с.
13. Королева, Е. Д. Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX–начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Д. Королева. – Челябинск, 2007. – 26 с.
14. Одинцов, М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М. И. Одинцов. – М. : ЦИНО, 2002. – 310 с.
15. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече: Лепта, 2010. – 478 с.
16. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005) / В. Цыпин – 4-е изд. – М., 2010. – 816 с.
17. Митрофанов, Г. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века / Г. Митрофанов. – М. : Практика, 2021. – 528 с.
18. Фирсов, С. Л. Русская церковь накануне перемен: (Конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М., 2002. – 623 с.
19. Журавский, А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX в. / А. В. Журавский // Православная энциклопедия ; под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Ненумер. том: Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 276–294.
20. Желтов, М. С. Богослужение Русской Православной Церкви. X–XX вв. / М. С. Желтов, С. Правдолюбов // Православная энциклопедия ; под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Ненумер. том: Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 485–517.
21. Шведов, О. В. Энциклопедия церковного хозяйства: экономика и право в Церкви : настольная книга для священнослужителей, старост и мирян / О. В. Шведов. – М. : Ковчег, 2003. – 731 с.
22. Воробьев, В. Пастырское служение в Русской Православной Церкви. XX в. / В. Воробьев // Православная энциклопедия ; под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Ненумер. том: Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 295–304.
23. Лавицкая, М. И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX вв. / М. И. Лавицкая // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 8 (76) – С. 335–343.
24. Конюченко, А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX – начало XX

- вв.) / А. И. Конюченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – № 7 (47) – С. 56–67.
25. Конюченко, А. И. Взаимоотношения в церковном причте РПЦ (вторая половина XIX – начало XX века) / А. И. Конюченко // Духовно-нравственная культура России: православное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 1. (VII Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура»). – Челябинск, 2009. – С. 91–96.
26. Бабкин, М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) : монография. / М. А. Бабкин. – М., 2007. – 530 с.
27. Бабкин, М. А. Духовенство Русской Православной церкви и политическая символика (весна 1917 г.) / М. А. Бабкин // Православие в судьбе Урала и России: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2010. – С. 267–270.
28. Наумова, Н. И. Православная Церковь в условиях белогвардейских режимов / Н. И. Наумова // Историческая наука. – 2005 – № 1 – С. 159–164.
29. Митрофанов, Г. История Русской Православной Церкви. 1900–1927 / Г. Митрофанов – М. : Сатис, 2002. – 550 с.
30. Митрофанов, Г. Н. Русская православная церковь на историческом перепутье XX века / Г. Н. Митрофанов. – М. : Арефа: Лепта, 2011. – 271 с.
31. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в 1917–1927 годах / О. Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 40–54.
32. Кашеваров, А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922 гг.) / А. Н. Кашеваров. – М., 2005. – 375 с.
33. Морозов, Н. С. Русская Православная Церковь в годы «великих потрясений»: 1917–1922 гг. / Н. С. Морозов // Мир Евразии. – 2013. – № 1 (20). – С. 47–52.
34. Беляев, С. М. Церковь и общество в период революционных событий 1917–1918 гг. (по дневниковым записям бежецкого протоиерея Иоанна Постникова) / С. М. Беляев // Церковный историк. – 2023. – № 2 (12). – С. 56–68.
35. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке: [Перевод] / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 509 с.
36. Schulz, G. Das Landeskoncil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18–ein unbekanntes Reformpotential; Archivbestande und Editionen; Struktur und Arbeitsweise; Einberufung und Verlauf; Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung / G. Schulz. – Göttingen. 1995. – 212 p.
37. Dickinson, A. Quantifying Religions Oppression: Russian Orthodox Church Closures and Repression of Priests 1917–41 / A. Dickinson // Religion, State & Society. – 2000. – Vol. 28, № 4. – P. 327–335
38. Шульц, Г. Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской Православной Церкви. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Первая сессия / Г. Шульц. – М., 2002. – 449 с.
39. Шульц, Г. Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской Православной Церкви. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Третья сессия / Г. Шульц – М., 2000. – 430 с.
40. Freeze, G. L. Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 / G. L. Freeze // Slavic Review. – 1995. – Vol. 54, № 2. – P. 305–339
41. Roslof E. The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP / E. Roslof // Slavic Review. – 1996. – Vol. 55, № 3. – P. 614–635.
42. Engel, B. A. Women in Russia, 1700–2000 / B. A. Engel, Cambridge, 2004. – 275 p.
43. Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars and Beyond / ed. by V. A. Kivelson and R. H. Greene. University Park, 2003. – 291 p.
44. Киреева, Н. А. Русская Православная Церковь и советское государство с октября 1917 по 1928 год: на материалах Уфимской губернии – Башкирской АССР : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Киреева. – Оренбург, 2009. – 267 с.
45. Булавин, М. В. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг.: На материале Пермской епархии : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Булавин. – Пермь, 2002. – 259 с.
46. Зорина, Н. А. Становление государственно-церковных отношений на Урале: 1917–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Зорина. – М., 2003. – 206 с.
47. Пострадавшие в годы гонений. Портреты и судьбы : в 3 т. – Екатеринбург ; СПб., 2016. – 485 с.
48. Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справочник-путеводитель / авт.-сост. П. В. Егоров, Л. Г. Рудин ; под общ. ред. архиепископа Никона. – М., 2005. – 671 с.
49. Храмы Пермского края: фотоальбом / науч. ред. М. Г. Нечаев ; фото А. А. Долматов. – Пермь, 2010. – 383 с.
50. Бацан, С. В. Где Церковь, там и Дух Божий: очерки православной жизни Южного Урала. 1918–2018 гг.: живые страницы истории: к 100-летию Челябинской епархии / С. В. Бацан, О. М. Давыдов, А. В. Ермолюк. – Челябинск, 2018. – 111 с.
51. Бурлакова, Н. Н. Забытые храмы Свердловской области / Н. Н. Бурлакова. – Екатеринбург : Сократ, 2011. – 229 с.
52. Миненко, Н. А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М. : Наука, 2006. – 380 с.
53. Королева, Е. Д. Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. Д. Королева. – Челябинск, 2007. – 186 с.

54. Королева, Е. Д. Благочестие в цифрах (об уровне религиозности православных Южного Урала Вторая половина XIX – начала XX вв.) / Е. Д. Королева // Православие на Урале исторический аспект, актуальность развития и управления письменности и культуры материалы симпозиума с международным участием V Славянский науч. собор «Урал в диалоге культур» в 2 ч. – Челябинск, 2007. – С. 171–176.
55. Коробков, Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века) / Ю. Д. Коробков. – М. : Слово, 2003. – 310 с.
56. Мордасова, М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / М. А. Мордасова – Челябинск, 2005. – 210 с.
57. Коробков, Ю. Д. Отношение уральских рабочих к религии на рубеже XIX–XX вв. / Ю. Д. Коробков // Уральские Бирюковские чтения : сборник научных статей. – Вып. 1. Часть 2. Актуальные вопросы краеведения. – Челябинск, 2003. – С. 199–203.
58. Мордасова, М. А. Религиозные праздники и антирелигиозная пропаганда в Челябинской области в 1917–1941 гг. / М. А. Мордасова. // Уральские Бирюковские чтения : сборник научных статей. – Вып. 1. Часть 2. Актуальные вопросы краеведения. – Челябинск, 2003. – С. 180–198.
59. Журавлева, В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. : монография / В. А. Журавлева. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 133 с.
60. Киреева, Н. А. Обновленческий раскол в Уфимской епархии (1922–1929 гг.) / Н. А. Киреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 60. – С. 131–137.
61. Ишкуватова, Л. М. Обновленческое движение в истории Русской Православной Церкви на Урале в 1905–1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л. М. Ишкуватова. – Магнитогорск, 2010. – 202 с.
62. Лавринов, В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945) / В. Лавринов. – М., 2007. – 308 с.
63. История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая и др. – Екатеринбург : Сократ, 2010. – 551 с.
64. Лавринов, В. Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы / В. Лавринов. – Екатеринбург, 2001. – 334 с.
65. Ворошилин, С. И. Храмы Екатеринбурга / С. И. Ворошилин. – Екатеринбург, 1995. – 100 с.
66. Кушва православная. Страницы святой летописи / ред.-сост. Н. В. Калганова. – Кушва, 2017. – 84 с.
67. Булавин, М. В. Обновленчество на территории Тагильского округа в 1925–27 гг. / М. В. Булавин // Первые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург, 1997. – С. 177–180.
68. Булавин, М. В. Православные общины Тагильского округа и церковный раскол 1920-х годов / М. В. Булавин // Тагильский край в панораме веков : материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1997. – С. 91–96.
69. Слукин, В. М. Демидовские гнезда: Невьянск, Верх. Тагил, Ниж. Тагил: культурно-исторические очерки / В. Слукин, Е. Арапова, Т. Кононова. – Екатеринбург : Сократ, 2001. – 299 с.
70. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы: к 300-летию города / В. И. Байдин, С. А. Белобородов, О. П. Губкин и др. – Екатеринбург, 2001. – 248 с.
71. Очерки Невьянска / сост. Н. И. Медовщикова, В. М. Мешкова. – Екатеринбург, 2008. – 128 с.
72. Храмы Ирбита: взгляд сквозь время. Сборник документов / сост. Е. С. Тихонова, И. В. Субботина. – Ирбит, 2019. – 46 с.
73. Аникин, В. К. Свято-Троицкая кладбищенская церковь / В. К. Аникин. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 201 с.
74. Герштейн, Я. Л. Православная церковь. / Я. Л. Герштейн // Край наш ирбитский: краеведческие очерки. – Екатеринбург. 1997. – 264 с.
75. Козлова, Р. В. Храм в честь Святой Живоначальной Троицы. Ирбит: путеводитель по городу / Р. В. Козлова. – Ирбит. 2003. – 223 с.
76. Степанова, Д. С. История Сретенского Собора / Д. С. Степанова // Сретенский вестник. – 2010. – № 1. – С. 3–5.
77. Степанова, Д. С. Храмы Ирбита / Д. С. Степанова // Ирбитская жизнь. – 2013. – 20 марта. – С. 7.
78. Уездные столицы: культурно-исторические очерки: Ирбит. Алапаевск. Камышлов. Красноуфимск / под общ. ред. В. В. Нестерова. – Екатеринбург : Сократ, 2002. – 367 с.
79. В граде святого Иоанна Златоуста : сборник / под ред. В. Г. Глыбовского и М. А. Тарынина. – Златоуст : Маховик, 1991. – 116 с.
80. Златоустовская энциклопедия / ред.-сост. А. В. Козлов, Н. А. Косиков, В. В. Чабаненко. Т. I, II. – Златоуст : Златоустовский рабочий, 1994, 1997.
81. Журавлева, В. А. Златоуст в 1920–1930-е гг. : монография / В. А. Журавлева, М. И. Мирошниченко. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2019. – 167 с.
82. Златоустовские купола / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева, М. А. Тарынин. – Златоуст, 2001 – 127 с.
83. Волокитин, С. Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1870–1917) / С. Волокитин, В. Толкач – Челябинск : ТЕТА, 2016. – 320 с.
84. Волокитин, С. Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1917–1950) / С. Волокитин, В. Толкач. – Златоуст, 2018. – 360 с.
85. Окунцов, Ю. П. Златоуст и златоустовцы: исторические очерки: Т. 3 / Ю. П. Окунцов. – Златоуст : ФотоМир, 2018. – 414 с.
86. Сергеев, С. Дом Божий. История храма во имя Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудоворца города Златоуста Челябинской

и Златоустовской епархии (1901–1960) / С. Сергеев. – Златоуст, 2006. – 192 с.

87. Канаева, Л. В. К вопросу о реальных масштабах Свято-Троицкого собора в г. Златоусте / Л. В. Канаева // Золотые россыпи былого : сборник материалов IV краеведческой конференции. – Златоуст, 2010. – С. 89–92.

88. Сергеев, С. А. Время надежд и разочарований. Страницы провинциальной церковной жизни в годы социальных потрясений (город Златоуст 1917–1919 гг.) / С. А. Сергеев // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XII Региональной научной конференции. – Челябинск, 2019. – С. 62–67.

89. Сергеев, С. А. История пушки Симеоновской церкви / С. А. Сергеев // Бушуевские чтения : сборник материалов III научно-практической конференции. Секция «Во славу российского оружия» ; сост. А. Н. Малахова. – Златоуст, 2018. – С. 49–51.

90. Собор святых, в земле Пермской просиявших / сост. : монахиня Сергия (Королёва). – Пермь, 2015. – 363 с.

91. Гмызина, М. А. Пермский Спасо-Преображенский Кафедральный собор / М. А. Гмызина. – Пермь, 2020. – 251 с.

92. Вяткин, В. В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения : дис. ... канд. ист. наук / В. В. Вяткин. – Пермь, 2005. – 316 с.

93. Шумилов, Е. Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии, XX в. / Е. Ф. Шумилов. – Ижевск, 1996. – 176 с.

94. Православные храмы Удмуртии : справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / сост. : О. И. Васильева и др. – Ижевск, 2017. – 606 с.

95. Секретарев, С. А. Атеистическая пропаганда в Удмуртской республике в период хрущевских гонений / С. А. Секретарев // Церковный историк. – 2023. – № 2 (12). – С. 97–121.

96. Пыхтеева, В. А. История церкви Александра Невского г. Омутнинска / В. А. Пыхтеева // Богатство финно-угорских народов : материалы III Международного финно-угорского студенческого форума / В. А. Пыхтеева. – Йошкар-Ола, 2016. – С. 251–253.

97. Ширгазин, А. Р. Православные храмы Башкирии: история и архитектура : каталог-справочник / А. Р. Ширгазин. – Уфа, 1995. – 159 с.

98. Мохов, В. В. Мученический и исповеднический путь церкви в Уфимской епархии (1917–1987 гг.) / В. В. Мохов, Н. П. Зимина // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ : материалы 1992–1996 гг. – М., 1996. – С. 341–351.

99. Белоречская энциклопедия / сост. А. В. Апрельков и др. ; гл. ред. Ф. А. Фаизова. – Белоречск, 2007. – 255 с.

Сергеев Сергей Александрович – аспирант кафедры истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: zlatoust8@mail.ru. ORCID 0009-0006-7288-218X

Поступила в редакцию 25 января 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240205

THE ACTIVITY OF THE URBAN ORTHODOX PARISH OF THE MINING URALS IN THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER IN MODERN HISTORICAL RESEARCH

S. A. Sergeev

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russian Federation

This article provides an overview and analysis of the historiography of the activities of the urban Orthodox parish of the mining Urals during the Great Russian Revolution, the Russian Civil War, and the formation of Soviet power at the beginning of the 20th century. The main focus is on research published since the 1990s. The peculiarities of the approaches to the study of parish activities in the organization of the church, closely related to a specific territory, and its place and role in society and the state are revealed. Despite the vastness of the territory of the mining Urals, the main emphasis is placed on studying the historiography of the activities of Orthodox parishes of large district centers which had received urban status by the beginning of the period under study. The article emphasizes that despite the growing interest in the history of the Russian Orthodox Church, modern research has been insufficiently comprehensive on the role of the Orthodox parish as a territorial structural unit of the church in the life

of the cities of the mining Urals. The versatility of parish life and the integrity of the historical picture of the religious life of the mining Urals continue to be understudied.

Keywords: Orthodox parish, Mining Urals, Russian Orthodox Church, historiography, Great Russian Revolution, Russian Civil War.

References

1. Zin N.V. Gosudarstvo i tserkov' vo Vladimirskom krae v 1943–1953 gg.: monografiya [The State and the Church in the Vladimir Region in 1943s–1953s]. Vladimir: Sobor, 2010. 193 s.
2. Vyatkin M.P. Gornozavodskiy Ural v 1900–1917 gg. [Mining and Factory Urals in 1900s–1917s]. M.; L.: Nauka, 1965. 400 s.
3. Gornye okruga, gornozavodskie okruga. Chelyabinskaya oblast' [Mining Districts, Mining Districts. Chelyabinsk Region]. URL: http://chel-portal.ru/enc/gornye_okruga.
4. Kondrat'eva I. Goroda Rossii [Cities of Russia]: entsiklopediya. M.: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. 1994. Rus-city-of-russia.slovaronline.com. URL: <https://rus-city-of-russia.slovaronline.com>.
5. Zhuravleva V.A. Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg. [Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]: monografiya. Chelyabinsk, 2012. 217 s.
6. Beglov A.L. Pravoslavnyy prikhod na zakate Rossiyskoy imperii. Sostoyanie, diskussii, reform [Orthodox Parish at the Sunset of the Russian Empire. Status, Discussions, Reforms]. M.: Indrik, 2021. 1048 s.
7. Petrov S.N. Otnoshenie Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi k bol'shevikam v 1917–1918 gg. v sovremennoy istoriografii [The Attitude of the Orthodox Russian Church to the Bolsheviks in 1917s–1918s in Modern Historiography] // *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2015. № 3 (64). S. 31–43.
8. Pavlov D.B. Russkaya Pravoslavnaya tserkov', gosudarstvo i obshchestvo pervoy chetverti XX veka v zarubezhnoy istoriografii [The Russian Orthodox Church, State and Society of the First Quarter of the 20th Century in Foreign Historiography] // *Rossiyskaya istoriya*. 2011. № 5. S. 163–172.
9. Konyuchenko A.I. Vzaimootnosheniya dukhovenstva i svetskikh vlastey v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Relations between the Clergy and Secular Authorities in Russia (Second Half of the XIX – Early XX Centuries)] // *VIII Slavyanskiy nauchnyy sobor: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2010. S. 38–47.
10. Nechaev M.G. Tserkov' na Urale v period velikikh potryaseniy: 1917–1922 [The Church in the Urals in the Period of Great Upheavals: 1917s–1922s]: monografiya. Perm', 2004. 334 s.
11. Agafonov N.P. Evolyutsiya gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v 1920–1929 gg.: na materiale Permskoy eparkhii [Evolution of State-Church Relations in 1920s–1929s: on the Material of the Perm Diocese]: dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 2002. 259 s.
12. Abdulov N.T. Ufimskaya eparkhiya v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy: 1917–1991 gg. [The Ufa diocese in the system of state-church relations: 1917s–1991s]: dis. ... kand. ist. nauk. Ufa, 2006. 303 s.
13. Koroleva E.D. Tserkovno-obshchestvennaya zhizn' pravoslavnogo naseleniya Orenburgskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Church-Social Life of the Orthodox Population of the Orenburg Province in the Second Half of the XIX – Beginning of the XX Centuries]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2007. 26 s.
14. Odintsov M.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, Relations with the State and Society]. M., 2002. 310 s.
15. Shkarovskiy M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the XX century]. M.: Veche: Lepta, 2010. 478 s.
16. Tsylin V. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Sinodal'nyy i noveyshiyy periody (1700–2005) [History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Modern Periods (1700s–2005s)]. M., 2010. 816 s.
17. Mitrofanov G. Ocherki po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KhKh veka [Essays on the History of the Russian Orthodox Church of the 20th Century]. M.: Praktika, 2021. 528 s.
18. Firsov S.L. Russkaya tserkov' nakanune peremen: (Konets 1890-kh–1918 gg.) [The Russian Church on the Eve of Change: (Late 1890s–1918)]. M., 2002. 623 s.
19. Zhuravskiy A.V. Prikhod v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. XX v. [Parish in the Russian Orthodox Church. XX century] // *Pravoslavnaya entsiklopediya. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. M., 2000. S. 276–294.
20. Zheltov M.S., Pravdolyubov S. Bogosluzhenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. X–XX vv. [Divine Service of the Russian Orthodox Church. X–XX centuries] // *Pravoslavnaya entsiklopediya. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. M., 2000. S. 485–517.

21. Shvedov O.V. Entsiklopediya tserkovnogo khozyaystva: ekonomika i pravo v Tserkvi [Encyclopaedia of Church Economy: Economics and Law in the Church]: nastolnaya kniga dlya svyashchennosluzhiteley, starost i miryan. M.: Kovcheg, 2003. 731 s.
22. Vorob'ev V. Pastyrskoe sluzhenie v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. XX v. [Pastoral Ministry in the Russian Orthodox Church. XX Century] // *Pravoslavnaya entsiklopediya. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. M., 2000. S. 295–304.
23. Lavitskaya M.I. Pravovoe polozhenie dukhovnogo sosloviya v Rossii v XIX – nachale XX vv. [Legal Status of the Clergy in Russia in the XIX – Early XX Centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 8 (76). S. 335–343.
24. Konyuchenko A.I. Pravoslavnoe beloe dukhovenstvo Rossii v sotsial'no-demograficheskikh izmereniyakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Orthodox White Clergy of Russia in Socio-Demographic Dimensions (Second Half of XIX – Beginning of XX Centuries)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 7 (47). S. 56–67.
25. Konyuchenko A.I. Vzaimootnosheniya v tserkovnom prichte RPTs (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Mutual Relations in the ROC Church Parish (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century)] // *VII Slavyanskiy nauchnyy sobor: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2009. S. 91–96.
26. Babkin M.A. Dukhovenstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.) [The Clergy of the Russian Orthodox Church and the Overthrow of the Monarchy (Early 20th Century – Late 1917)]: monografiya. M., 2007. 530 s.
27. Babkin M.A. Dukhovenstvo Russkoy Pravoslavnoy tserkvi i politicheskaya simbolika (vesna 1917 g.) [The Clergy of the Russian Orthodox Church and Political Symbolism (Spring 1917)] // *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost'*: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 2010. S. 267–270.
28. Naumova N.I. Pravoslavnaya Tserkov' v usloviyakh belogvardeyskikh rezhimov [The Orthodox Church under the White Guard regimes] // *Istoricheskaya nauka*. 2005. № 1. S. 159–164.
29. Mitrofanov G. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 1900–1927 [History of the Russian Orthodox Church. 1900–1927]. M.: Satis, 2002. 550 s.
30. Mitrofanov G.N. Russkaya pravoslavnaya tserkov' na istoricheskom pereput'e XX veka [The Russian Orthodox Church at the Historical Crossroads of the 20th Century]. M.: Arefa: Lepta, 2011. 271 s.
31. Vasil'eva O.Y. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 1917–1927 godakh [The Russian Orthodox Church in 1917s – 1927s] // *Voprosy istorii*. 1999. № 8. S. 40–54.
32. Kashevarov A.N. Pravoslavnaya Rossiyskaya Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922 gg.) [The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922)]. M., 2005. 375 s.
33. Morodov N.S. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody «velikikh potryaseniy»: 1917–1922 gg. [The Russian Orthodox Church in the Years of «Great Upheavals»: 1917–1922] // *Mir Evrazii*. 2013. № 1 (20). S. 47–52.
34. Belyaev S.M. Tserkov' i obshchestvo v period revolyutsionnykh sobyтий 1917–1918 gg. (po dnevnikovym zapisyam bezhetskogo protoiereya Ioanna Postnikova) [Church and Society during the Revolutionary Events of 1917–1918 (Based on Diary Entries of Bezhets Archpriest John Postnikov)] // *Tserkovnyy istorik*. 2023. № 2 (12). S. 56–68.
35. Pospelovskiy D.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the XX century]. M.: Respublika, 1995. 509 s.
36. Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18–ein unbekanntes Reformpotential; Archivbestande und Editionen; Struktur und Arbeitsweise; Einberufung und Verlauf; Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Gottingen. 1995. 212 p.
37. Dickinson A. Quantifying Religions Oppression: Russian Orthodox Church Closures and Repression of Priests 1917–41 // *Religion, State & Society*. 2000. Vol. 28, № 4. P. 327–335
38. Shul'ts G. Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. i ego mesto v istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg.: Obzor deyaniy. Pervaya sessiya [The Local Council of 1917–1918 and its place in the history of the Russian Orthodox Church. The Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918: Review of Acts. First Session]. M., 2002. 449 s.
39. Shul'ts G. Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. i ego mesto v istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg.: Obzor deyaniy. Tret'ya sessiya [The Local Council of 1917–1918 and its Place in the History of the Russian Orthodox Church. The Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918: Review of Acts. Third Session]. M., 2000. 430 s.
40. Freeze G.L. Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, № 2. P. 305–339.
41. Roslof E. The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55, № 3. P. 614–635.

42. Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, 2004. 275 p.
43. Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars and Beyond / ed. by V.A. Kivelson and R.H. Greene. University Park, 2003. 291 p.
44. Kireeva N.A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo s oktyabrya 1917 po 1928 god: na materialakh Ufimskoy gubernii – Bashkirskoy ASSR [The Russian Orthodox Church and the Soviet state from October 1917 to 1928: on the materials of Ufa province – Bashkir ASSR]: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2009. 267 s.
45. Bulavin M.V. Evolyutsiya gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v 1920–1929 gg.: Na materiale Permskoy eparkhii [Evolution of State-Church Relations in 1920–1929: On the Material of the Perm Diocese]: dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 2002. 259 s.
46. Zorina N.A. Stanovlenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy na Urale: 1917–1925 gg. [Formation of State-Church Relations in the Urals: 1917–1925]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 206 s.
47. Postradavshie v gody gonenyi. Portrety i sud'by [Victims of the Years of Persecution. Portraits and Fates]: v 3 t. Ekaterinburg; SPb., 2016. 485 s.
48. Ufimskaya eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: spravochnik-putevoditel' [Ufa Diocese of the Russian Orthodox Church: a Guidebook] / avt.- sost. P.V. Egorov, L.G. Rudin; pod obshch. red. arkhiepiskopa Nikona. M., 2005. 671 s.
49. Khramy Permskogo kraja [Temples of the Perm Territory]: fotoal'bom / nauch. red. M.G. Nechaev; foto A.A. Dolmatov. Perm', 2010. 383 s.
50. Batsan S.V. Gde Tserkov', tam i Dukh Bozhiy: ocherki pravoslavnoy zhizni Yuzhnogo Urala. 1918–2018 gg.: zhivye stranitsy istorii: k 100-letiyu Chelyabinskoy eparkhii [Where the Church is, there is the Spirit of God: Sketches of Orthodox Life in the South Urals. 1918–2018: Living Pages of History: to the 100th Anniversary of the Chelyabinsk Diocese]. Chelyabinsk, 2018. 111 s.
51. Burlakova N.N. Zabytye khramy Sverdlovskoy oblasti [Forgotten Temples of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg, Sokrat, 2011. 229 s.
52. Minenko N.A. Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Daily Life of the Ural Town in the 18th – Early 20th Century]. M.: Nauka, 2006. 380 s.
53. Koroleva E.D. Tserkovno-obshchestvennaya zhizn' pravoslavnoy naseleniya Orenburgskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Church and Social Life of the Orthodox Population of the Orenburg Province in the Second Half of XIX – Beginning of XX Centuries]: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2007. 186 s.
54. Koroleva E.D. Blagochestie v tsifrah (ob urovne religioznosti pravoslavnykh Yuzhnogo Urala Vtoraya polovina XIX – nachala XX vv.) [Piety in Figures (on the Level of Religiosity of the Orthodox of the Southern Urals Second Half of the XIX – Early XX Centuries)] // V Slavyanskiy nauchnyy sobor: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chelyabinsk, 2007. S. 171–176.
55. Korobkov Y.D. Sotsiokul'turnyy oblik rabochikh gornozavodskogo Urala (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Socio-Cultural Image of Workers in the Mining and Factory Urals (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century)]. M.: Slovo, 2003. 310 s.
56. Mordasova M.A. Prazdnichnaya kul'tura Yuzhnogo Urala v 1917–1941 gg. [Holiday culture of the Southern Urals in 1917–1941]: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2005. 210 s.
57. Korobkov Y.D. Otnoshenie ural'skikh rabochikh k religii na rubezhe XIX–XX vv. [The Attitude of the Urals Workers to Religion at the Turn of the XIX–XX Centuries] // Ural'skie Biryukovskie chteniya: sbornik nauchnykh statey. Chelyabinsk, 2003. S. 199–203.
58. Mordasova M.A. Religioznye prazdniki i antireligioznaya propaganda v Chelyabinskoy oblasti v 1917–1941 gg. [Religious Holidays and Anti-Religious Propaganda in the Chelyabinsk Oblast in 1917s–1941s] // Ural'skie Biryukovskie chteniya: sbornik nauchnykh statey. Chelyabinsk, 2003. S. 180–198.
59. Zhuravleva V.A. Gradostroitel'stvo na Urale v 20–30-e gg. XX v. [Town-Planning in the Urals in the 20–30s of the XX Century]: monografiya. Chelyabinsk, 2007. 133 s.
60. Kireeva N.A. Obnovlencheskiy raskol v Ufimskoy eparkhii (1922–1929 gg.) [The Renewal Schism in the Ufa Diocese (1922–1929)] // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2008. № 60. S. 131–137.
61. Ishkuvatova L.M. Obnovlencheskoe dvizhenie v istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi na Urale v 1905–1929 gg. [Renewal Movement in the History of the Russian Orthodox Church in the Urals in 1905–1929]: dis. ... kand. ist. nauk. Magnitogorsk, 2010. 202 s.
62. Lavrinov V. Ocherki istorii obnovlencheskogo raskola na Urale (1922–1945) [Essays on the History of the Renewal Schism in the Urals (1922–1945)]. M., 2007. 308 s.
63. Istoriya Ekaterinburgskoy eparkhii [History of the Ekaterinburg Diocese] / E.M. Glavatskaya i dr. Ekaterinburg, Sokrat, 2010. 551 s.
64. Lavrinov V. Ekaterinburgskaya eparkhiya: Sobytiya. Lyudi. Khramy [Ekaterinburg Diocese: Events. People. Temples]. Ekaterinburg, 2001. 334 s.

65. Voroshilin S.I. Khramy Ekaterinburga [Temples of Yekaterinburg]. Ekaterinburg, 1995. 100 s.
66. Kushva pravoslavnyaya. Stranitsy svyatoy letopisi [Kushva Orthodox. Pages of the Holy Chronicle] / red.-sost. N.V. Kalganova. Kushva, 2107. 84 s.
67. Bulavin M.V. Obnovlenchestvo na territorii Tagil'skogo okruga v 1925–27 gg. [Renewalism in the Tagil District in 1925—27 years] // *Pervye Tatishchevskie chteniya*. Ekaterinburg, 1997. S. 177–180.
68. Bulavin M.V. Pravoslavnye obshchiny Tagil'skogo okruga i tserkovnyy raskol 1920-kh godov [Orthodox Communities of the Tagil District and the Church Schism of the 1920s] // *Tagil'skiy kray v panorame vekov: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ekaterinburg, 1997. S. 91–96.
69. Slukin V.M. Demidovskie gnezda: Nev'yansk, Verkh. Tagil, Nizh. Tagil: kul'tur.-ist. ocherki [Demidov's Nests: Nevyansk, Verkhny Tagil, Nizhny Tagil: Cultural and Historical Essays]. Ekaterinburg, Sokrat, 2001. 299 s.
70. Ocherki istorii kul'tury i byta starogo Nev'yanska: Lyudi, pamyatniki, dokumenty: k 300-letiyu goroda [Sketches of the History of Culture and Life of Old Nevyansk: People, Monuments, Documents: to the 300th Anniversary of the City]. Ekaterinburg, 2001. 248 s.
71. Ocherki Nev'yanska [Essays on Nevyansk] / sost. N.I. Medovshchikova, V.M. Meshkova. Ekaterinburg, 2008. 128 s.
72. Khramy Irbita: vzglyad skvoz' vremya [Irbit Temples: a Look through Time. Collection of Documents]: sbornik dokumentov / sost. E.S. Tikhonova, I.V. Subbotina. Irbit. 2019. 46 s.
73. Anikin V.K. Svyato-Troitskaya kladbishchenskaya tserkov' [The Holy Trinity Cemetery Church]. Ekaterinburg, Sokrat, 2008. 201 s.
74. Gershteyn Y.L. Pravoslavnyaya tserkov' [Orthodox Church] // *Kray nash irbitskiy: kraevedcheskie ocherki*. Ekaterinburg, 1997. 264 s.
75. Kozlova R.V. Khram v chest' Svyatoy Zhivonachal'noy Troitsy. Irbit [Church in Honour of the Holy Life-Giving Trinity. Irbit]: putevoditel' po gorodu. Irbit. 2003. 223 s.
76. Stepanova D.S. Istoriya Sretenskogo Sobora [History of the Sretensky Cathedral] // *Sretenskiy vestnik*. 2010. № 1. S. 3–5.
77. Stepanova D.S. Khramy Irbita [Temples of Irbit] // *Irbitskaya zhizn'*. 2013. 20 marta. S. 7.
78. Uezdnye stolitsy: kul'turno-istoricheskie ocherki: Irbit. Alapaevsk. Kamyshlov. Krasnoufimsk [District Capitals: Cultural and Historical Sketches: Irbit. Alapaevsk. Kamyshlov. Krasnoufimsk] / pod obsh. Red. V.V. Nesterova. Ekaterinburg: Sokrat, 2002. 367 s.
79. V grade svyatogo Ioanna Zlatousty [In the City of St John Chrysostom. Compendium]: sbornik / pod red. V.G. Glybovskogo i M.A. Tarynina. Zlatoust: Makhovik, 1991. 116 s.
80. Zlatoustovskaya entsiklopediya [Zlatoust Encyclopaedia] / red.-sost. A.V. Kozlov, N.A. Kosikov, V.V. Chabanenko. T. I, II. Zlatoust: Zlatoustovskiy rabochiy, 1994, 1997.
81. Zhuravleva V.A., Miroshnichenko M.I. Zlatoust v 1920–1930-e gg. [The City of Zlatoust in the 1920s–1930s.]: monografiya. Chelyabinsk, 2019. 167 s.
82. Zlatoustovskie kupola [Zlatoust Domes] / sost. A.V. Kozlov, L.P. Zaeva, M.A. Tarynin. Zlatoust, 2001. 127 s.
83. Volokitin S., Tolkach V. Gorod Zlatoust na fotografiyakh i pochtovykh otkrytkakh (1870–1917) [The City of Zlatoust on Photos and Postcards (1870–1917)]. Chelyabinsk, TETA, 2016. 320 s.
84. Volokitin S., Tolkach V. Gorod Zlatoust na fotografiyakh i pochtovykh otkrytkakh (1917–1950) [The City of Zlatoust on Photos and Postcards (1917–1950)]. Zlatoust, 2018. 360 s.
85. Okuntsov Y.P. Zlatoust i zlatoustovtsy [Zlatoust and Zlatoust Citizens]: istoricheskie ocherki. T. 3. Zlatoust: FotoMir, 2018. 414 s.
86. Zhuravleva V.A., Miroshnichenko M.I. Zlatoust v 1920–1930-e gg. [The City of Zlatoust in the 1920s–1930s.]: monografiya. Chelyabinsk, 2019. 167 s.
87. Zlatoustovskie kupola [Zlatoust Domes] / sost. A.V. Kozlov, L.P. Zaeva, M.A. Tarynin. Zlatoust, 2001. 127 s.
88. Volokitin S., Tolkach V. Gorod Zlatoust na fotografiyakh i pochtovykh otkrytkakh (1870–1917) [The City of Zlatoust on Photos and Postcards (1870–1917)]. Chelyabinsk, TETA, 2016. 320 s.
89. Volokitin S., Tolkach V. Gorod Zlatoust na fotografiyakh i pochtovykh otkrytkakh (1917–1950) [The City of Zlatoust on Photos and Postcards (1917–1950)]. Zlatoust, 2018. 360 s.
90. Okuntsov Y.P. Zlatoust i zlatoustovtsy [Zlatoust and Zlatoust Citizens]: istoricheskie ocherki. T. 3. Zlatoust: FotoMir, 2018. 414 s.
91. Gmyzina M.A. Permskiy Spaso-Preobrazhenskiy Kafedral'nyy sobor [Perm Spaso-Preobrazhensky Cathedral]. Perm', 2020. 251 s.
92. Vyatkin V.V. Istoriya Permskoy eparkhii v XIX – nachale XXI veka: formy i metody tserkovnoy deyatel'nosti, gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya [History of the Perm Diocese in the XIX – Early XXI Century: Forms and Methods of Church Activity, State-Church Relations]: dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 2005. 316 s.

93. Shumilov E.F. Pravoslavnaya Udmurtiya. Istoriya Izhevskoy i Udmurtskoy eparkhii, XX v. [Orthodox Udmurtia. History of the Izhevsk and Udmurtian Diocese, XX century]. Izhevsk, 1996. 176 s.
94. Pravoslavnye khramy Udmurtii [Orthodox Churches of Udmurtia]: spravochnik-ukazatel' po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoy Respubliki / sost.: O.I. Vasil'eva i dr. Izhevsk, 2017. 606 s.
95. Sekretarev S.A. Ateisticheskaya propaganda v Udmurtskoy respublike v period khrushchevskikh goneniy [Atheist Propaganda in the Udmurt Republic during Khrushchev's Persecutions] // *Tserkovnyy istorik*. 2023. № 2 (12). S. 97–121.
96. Pykhteeva V.A. Istoriya tserkvi Aleksandra Nevskogo g. Omutninska [History of the Alexander Nevsky Church of Omutninsk] // *Bogatstvo finno-ugorskiikh narodov: materialy III Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma*. Yoshkar-Ola, 2016. S. 251–253.
97. Shirgazin A.R. Pravoslavnye khramy Bashkirii: istoriya i arkhitektura [Orthodox Churches of Bashkiria: History and Architecture]: katalog-spravochnik. Ufa, 1995. 159 s.
98. Mokhov V.V. Muchenicheskiy i ispovednicheskiy put' tserkvi v Ufimskoy eparkhii (1917–1987 gg.) [Martyrdom and Confession of the Church in the Ufa Diocese (1917–1987)] // *Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya PSTBI: materialy 1992–1996 gg. M.*, 1996. S. 341–351.
99. Beloretskaya entsiklopediya [Beloretsk encyclopaedia] / sost. A.V. Aprelkov i dr.; gl. red. F.A. Faizova. Beloretsk, 2007. 255 s.

Sergey A. Sergeev – Postgraduate Student of the Department of History, Museology, and Documentation, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: zlatoust8@mail.ru

Received January 25, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сергеев, С. А. Деятельность городского православного прихода горнозаводского Урала в первое десятилетие советской власти в современных исторических исследованиях / С. А. Сергеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 36–49. DOI: 10.14529/ssh240205

FOR CITATION

Sergeev S. A. The activity of the urban Orthodox parish of the mining Urals in the first decade of Soviet power in modern historical research. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 36–49. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240205

САМО КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ «Я» ЖАН-МИШЕЛЯ БАСКИИ

М. Э. Вильчинская-Бутенко

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье на основе обобщения многих отдельных фактов биографии Жан-Мишеля Баскии с использованием историко-биографического и индуктивного метода последовательно доказываются решающая значимость раннего, догалерейного этапа творчества художника для становления и дальнейшего развития уникальности его стиля. Отмечается, что самобытная, оригинальная манера работы художника имеет свои истоки в уличном искусстве. Доказывается, что на становление его художественного «я» повлиял не столько граффити-период биографии с сопутствующими граффити-движению атрибутами (выбором ника SAMO, выходом на улицы города с целью диалога с городским сообществом), сколько другие факторы, также характерные граффити и стрит-арту: тесная связь с повседневностью (слова или фразы из обыденного контекста, показавшиеся художнику значительными, подталкивали его к созданию работы), склонность к автобиографичности (создание образов, извлекаемых из личного опыта), отношение к слову как к образу и источнику творчества (смешение изображений и текстов на условиях равноправности или даже доминирования текста в картинах). Отмечается также, что на работы Баскии большое влияние оказал принцип «копируй и вставляй», производный из совокупности техник: метода «нарезки» Брайона Гайсина и Уильяма Берроуза, сосредоточенности на языковом материале, характерном для «конкретной поэзии», и формирующегося в 1980-е годы разговорного жанра хип-хопа.

Ключевые слова: Жан-Мишель Баския, уличное искусство, граффити, неоэкспрессионизм, становление художественного стиля.

Введение

Определение и признание искусства резко расширяются с каждым десятилетием. Эти радикальные изменения во многом провоцируются неординарным творчеством личностей, бросающих вызов общественному мнению в попытке продвинуть мир искусства и то, что считают искусством, на шаг вперед. Жан-Мишель Баския является одним из них. С тех пор как Баския в начале 1980-х годов стал одной из ключевых фигур арт-сцены Нью-Йорка, ему приписывают решающую роль в искусстве второй половины XX века. В 1982 году, в возрасте 21 года, Баския был приглашен принять участие в Documenta 7 в Касселе, став самым молодым художником в истории выставки на тот момент; его работы выставлялись наряду с работами Джозефа Бойса, Ансельма Кифера, Герхарда Рихтера и других признанных мастеров. Спустя более трех десятков лет после смерти Баскии его работы продолжают привлекать большое внимание как коллекционеров, так и, что более важно, искусствоведов. Его творчество часто сопоставляют с работами мастеров классического модернизма и послевоенной эпохи, а имя рассматривается в том же пантеоне художников, что и Эдвард Мунк, Энди Уорхол и Сай Твомбли. Он стал источником вдохновения для молодого поколения, включая Рашида Джонсона, Хосе Парлу и Оскара Мурильо.

При этом искусство Баскии, по сути, представляет собой лишь коллаж, не лишенный собственной оригинальности, но в основном скомпи-

лированный из других изображений и текстов разных художников и авторов, которые он «присваивал», называл «своими» в произведенном арт-объекте. Собственно, это напоминает работу Энди Уорхола с образами политиков и поп-звезд и заставляет задуматься о том, является ли Баския подлинным художником или просто плагиатором. Ответ кроется в истории становления его как художника и в самих его произведениях.

Обзор литературы

Анализ становления творчества Жан-Поля Баскии в отечественном искусствоведении представлен крайне малым числом публикаций, среди которых можно назвать работы А. Р. Апресяна, Е. Д. Могиленко, А. М. Новочадовой, Е. В. Паламарчук, Е. О. Толобовой, В. А. Кулешковой, М. В. Стрельниковой, О. А. Ярцевой. Более весомый и аналитический материал содержится главным образом в работах зарубежных исследователей, среди которых Антон Штубер, Киан Трейнор, Филип Аффлек, Эстебан Джефферсон, Ричард Маршалл, Клаус Кертесс, Грег Тейт, Нэрн Элеонор, Дитер Буххарт. Особый интерес представляют биографические исследования (Леонард Эммерлинг, Эрик Фретц) и мемуарная литература (Дженнифер Клемент), проливающие свет, помимо прочего, на начальный этап творчества Баскии.

Методы исследования

Основным методом, определившим ход настоящего исследования, был историко-биографический метод, благодаря которому стало возмож-

но достижение изначально поставленной цели; кроме того, использование индуктивного метода позволило на основе обобщения многих отдельных фактов биографии Баскии сделать выводы о значимости раннего этапа творчества художника для становления и дальнейшего развития его стиля, оказавшего влияние на основные художественные тенденции неоекспрессионизма конца XX века.

Результаты и дискуссия

В научных статьях, как правило, творческий путь Жан-Мишеля Баскии рассматривается в хронологическом порядке восхождения по лестнице признания его таланта: от момента, когда дитя улиц «пробовало перо» граффитиста, до момента, когда Баския стал фактически иконой неоекспрессионизма.

В изобразительном искусстве движение неоекспрессионизма сосредоточивалось на том, чтобы запечатлеть яркие реакции с помощью мощного цвета, динамичной композиции, искажений формы и стремления к самовыражению. На пике своего развития в начале 1980-х годов неоекспрессионизм представлял собой сдвиг в направлении авангардного искусства, в сторону от концептуалистских деконструкций, феминистской политики и антиэстетической дематериализации, которые на предыдущем этапе превратили фигуративную живопись в ретроградный модернизм. Неоекспрессионизм стал ответом на отстраненное, интровертированное, высокоинтеллектуализированное абстрактное искусство 1970-х годов и включал в себя разнообразнейшие группы молодых художников, которые вернулись к изображению человеческого тела и других узнаваемых объектов. Это движение было связано и частично порождено новыми и агрессивными методами продаж, продвижения в средствах массовой информации и маркетинга со стороны дилеров и галерей. Неоекспрессионизм вызывал споры как по сильно коммерциализированным аспектам представления художественной продукции покупающей искусство публике, так и по ее качеству.

Сами картины неоекспрессионистов хотя и были разнообразны по внешнему виду, обладали определенными общими чертами. К таковым, в частности, можно отнести отказ от традиционных стандартов композиции и дизайна; использование ярких, но раздражающе банальных цветовых гармоний; амбивалентный и часто хрупкий эмоциональный тон, отражающий современную городскую жизнь и ценности; общее отсутствие стремления к идеализации изображения; одновременно напряженную и игривую подачу объектов в примитивистской манере, которая передает ощущение внутреннего беспокойства, тревожности, отчуждения и двусмысленности [1]. Среди главных художников движения были американцы Джулиан Шнабель и Дэвид Салле, итальянцы Сандро Чиа и Франческо Клементе, а также немцы Ансельм Кифер и Георг Базелиц.

Баския, работающий в неоекспрессионистской манере – с примитивизмом формы, использо-

ванием базовых материалов и цветов, контрастирующих и выделяющихся в свойственной уличному искусству манере, – представлял собой типичного художника, осуществившего быстрый и неожиданный переход «из грязи в князи». Карьеру художника его биограф Эрик Фретц разделяет на три периода, отмеченных изменениями в художественном стиле [2]. Первый, с 1980 по начало 1982 года, характеризуется переходом с «улицы» в студию и переносом опыта граффити на картины с акцентным вниманием на теме смерти. Уровень визуальной дерзости и энтузиазма, запечатленных в работах Баскии, достиг своего пика в 1982 году, иллюстрация тому – череда персональных выставок по всему миру и свобода от давления рынка, от которого в последние несколько лет его короткой жизни Баския уже не мог избавиться. Второй, с конца 1982 по 1985 годы, – период разрозненных изображений и пристального внимания художника к своей этнической идентичности. К 1984 году Баския стал ощущать сильное давление со стороны дилеров и начал с ними препираться, временами это переходило в психическую напряженность и невозможность сосредоточиться. Наконец, с 1986 по 1988 год Баския в коллаборации с Энди Уорхолом, а также находясь под растущим воздействием наркотиков, создавал характерные живописные фигуры на простом фоне.

В рамках данной статьи интерес представляет все-таки первый, самый ранний этап творчества художника. Именно уличные граффити определили самобытность художественного стиля Баскии и впоследствии – перенос своеобразного примитива улицы в пространство галереи.

С 1977 по конец 1978 года Баския вместе со своим другом Аль Диасом занимались нанесением граффити в центре Манхэттена под псевдонимом SAMO©. Диас уже имел опыт граффитиста и работал под псевдонимом «Бомба-1» [3]. В тот период смысл рейтинга сводился к тому, чтобы растиражировать имя райтера и его номер по всему городу – соревнование, которое в конце 1970-х годов стало весьма обыденным. Фраза «SAMO» была придумана Баскией и Диасом, когда кто-то из них назвал марихуану, которую они курили, «same old shit»¹ [4]. Затем они сократили фразу до «Same Old» и, в конечном счете, до «SAMO», добавив знак авторского права. Вначале они нарисовали серию карикатур для своей школьной газеты, на которых были изображены лица людей до и после использования SAMO с различными забавными комментариями в духе рекламных слоганов типа «я был ламо [игрок, который плохо играет в ту или иную компьютерную игру], пока не начал использовать SAMO». Далее этимология слова SAMO© совершила метафизический скачок в своем следующем проявлении – коротком придуманном

¹ «Same old shit» = «то же старое дерьмо».

рассказе о человеке, ищущем религию, и магазине под названием Религомат, где продавец с профессиональной улыбкой объясняет покупателям плюсы и минусы популярных брендов: буддизма, христианства, иудаизма и т. д. В конце продавец достает SAMO© – религию, свободную от чувства вины, и объясняет простой механизм ее работы: человек делает на земле все, что хочет, а затем, столкнувшись лицом к лицу со своими деяниями у небесных врат, просто говорит Богу: «А я не знал».

В мае 1978 года Баския и Диас вышли на улицы и стали писать концептуальные и политически заряженные фразы фломастерами в основном на зданиях, в лифтах, общественных туалетах и в поездах линии D нью-йоркского метро. У привычных для нью-йоркцев надписей в пространстве города внезапно появилось нечто большее, чем просто ник и номер. Как отмечает Филип Аффлек, американцы к тому моменту привыкли не только к примитивным тегам, но и к трафаретным лозунгам типа «Хиппи, уроды Иисуса» или «Мунисты – это правительство», но кто когда-нибудь писал, что «каждые 10 минут насилуют одну женщину насильники-кастраты» или рисовал мелом очертания упавших тел с ярко-красными пятнами крови? [4] Сопровождаемые значком авторского права и обычно перемежаемые призывом ДУМАТЬ!, сотни содержательных афоризмов SAMO© были размещены в избранных местах на востоке и западе города: «SAMO© спасает идиотов», «SAMO© может спасти среднестатистического Джо», «SAMO© как конгломерат дремлющих гениев». Тексты привлекали внимание не только из-за характерного стиля письма, но и потому, что были загадочными, сбивающими с толку, зашифрованными, вызвали любопытство. Часто надписи выглядели так, будто были составлены из набора слов, скомбинированных случайным образом: «SAMO© как альтернатива Богу, “Звёздному пути” и Красному № 2»². Иногда их местоположение проясняло содержание, например, сообщения, написанные на стенах рядом с церковью («SAMO© как конец религии, промывающей мозги, политике в никуда и фальшивой философии») или художественной галереей («SAMO© для так называемого авангарда», «SAMO© как форма неомодернизма новой волны»).

Ходили разные предположения о том, кто является автором этих высказываний, в частности, предполагали, что это пишет пожилой недовольный художник-концептуалист. 21 сентября 1978 года газета «Soho Weekly News» опубликовала фотографию одного из афоризмов SAMO© с призывом к автору связаться с редакцией и ответом в виде коллажа: «SAMO© как средство привлечения внимания к незначительному... мы свяжемся с вами». В конечном итоге, Баския и Диас были

разоблачены Филипом Фафликом 11 декабря 1978 года в еженедельнике «The Village Voice», что стало концом их сотрудничества – после опубликованного интервью Баския оставил надпись: «SAMO© умер» на территории размещения своих предыдущих граффити. Стратегия таинственности была уничтожена. Баския пришлось искать другие способы выразить себя словами. Однако теперь, когда это имя принесло ему определенную известность, Баския не отказался от него, продолжая подписывать свои картины в течение некоторого периода времени в 1980-х годах, и часто его называли «SAMO», а не «Жан-Мишель».

Эксперименты с граффити, как отмечает О. А. Ярцева [5, с. 338], позволили начинающему художнику сделать первые шаги на художественной сцене Нью-Йорка. В статьях, посвященных творчеству Баскии, граффити действительно упоминается лишь как фактор, благодаря которому Жан-Мишель обрел ник и голос. Дальнейший его творческий путь связывается с влиянием и поддержкой известных художников, в частности, Энди Уорхола. Все это так, однако, несмотря на то что Баскии не приписывают статус стрит-артиста, считая увлечение граффити юношеской причудой, неповторимость его художественного стиля была выработана улицей и определена ее философией.

Прежде чем репутация Баскии на нью-йоркской сцене была закреплена, он пытался заработать на жизнь продажей открыток перед зданием Метрополитен-музея, проставляя на них тег SAMO©, чтобы привлечь к своему творчеству как можно больше внимания. Постоянно нуждаясь в деньгах, он мечтал о богатстве и упорно пробовал свои силы в разных видах искусства. Манхэттенские улицы Сохо и Трайбека в конце 1970-х годов были местом бурной контркультурной сцены, которая постепенно привлекла Баскию в компанию, среди прочих, Дэвида Боуи, Деборы Энн Харри (Блонди) и Мадонны Луизы Чикконе (Мадонны). Конец 1970-х годов также был эпохой, когда хип-хоп, смесь рэпа, брейк-данса и граффити, вначале вырвался на арт-сцену в Бронксе, самом северном и бедном районе Нью-Йорка, а затем добрался до Манхэттена и, в частности, до клуба Mudd, где одна из ключевых фигур хип-хопа – граффити-художник Фред Брейтуэйт (Fab 5 Freddy) – курировал шоу с некоторыми работами Баскии. В апреле 1979 года Баския «исполнил» свою первую картину – граффити из баллончика на холсте, прикрепленном к стене, во время записи программы «The Guy’s Big Party» в «Canal Zone» художника Стэна К. Пескетта. Как музыкант Баския выступал в составе группы «Grau» с Майклом Холманом, Винсентом Галло и Николасом Тейлором. Одновременно он продолжал работать над коллажами, открытками, перформансами и музыкой, прежде чем зарекомендовал себя как выдающегося художника своего поколения.

В силу разнонаправленности интересов Баскии отличительной чертой его миропонимания

² В начале 1970-х годов учеными СССР было проведено исследование, связывающее красный пищевой краситель амарант (также известный как Красный № 2) с развитием рака у людей.

стало смешение высокой и низкой культуры. Даже если бы он не работал аэрозольной краской, не имел опыта граффити и ника SAMO©, его все равно бы идентифицировали как райтера или уличного художника. На это обращает внимание М. В. Стрельникова, говоря, что в творчестве Баскии «...элементы стритстайла просматриваются на всех этапах его художественных поисков. Это отражается в манере покрывать холсты широкими мазками краски, подобно неаккуратно покрашенным стенам. Испещрять полотно многочисленными рисунками и надписями, перекрывающими друг друга, как это можно наблюдать на уличных стенах, где граффитисты оставляют свои тэги поверх старых. Неровные подрамники, сколоченные из найденных на улице досок даже в те периоды, когда у художника была возможность обеспечить себя качественными материалами» [6, с. 31].

Важно отметить, что отношение Баскии к граффити и «низкой культуре» полностью отделяет его творчество от двух преобладающих, канонизированных стилей того времени: поп-музыки и минимализма. Граффити было искусством, предназначенным для жителей центра, жителей суровых кварталов бедноты, а не для истеблишмента из благополучных пригородов. В интервью «The Village Voice» 1978 года молодой Баския сам озвучил это разделение, поясняя свою враждебную реакцию по отношению к «буш-ва», т. е. среднему классу, тем, что они пытаются выглядеть так, будто у них нет денег, будто они разгуливают с ценниками, прикрепленными к их головам степлером. Баския объяснял свои граффити попыткой донести до «буш-ва» необходимость жить более духовно [4]. Его позиция очень точно отражает суть, идеи, принципы и интересы граффити-движения, хотя впоследствии Баския был более склонен к поиску всего того, что отрицал на догалерейном этапе, – славы и денег.

Особенность творческого подхода Баскии на раннем этапе состояла в том, чтобы черпать вдохновение из всех слоев современной культуры Нью-Йорка и мировой истории, объединяя и миксуя их в работах. При этом формировался сугубо личный стиль живописи, который предполагал полный отказ от доминирующих и ставших каноническими работ того времени, никогда не касавшихся личных повествований или эмоций [7]. Для современного художника, как отмечает Т. Ю. Серикова, «...основная цель создания произведения заключается в познании окружающей действительности и самого себя» [8, с. 58]. Это справедливо и для Баскии. Нобелевский лауреат Джеральд М. Эдельман отмечал, что Баския превратил граффити времен своей юности в «...обезоруживающе неистовую эlegantность» [9, с. 151]; его «проба пера» демонстрировала легкость, с которой художник использовал буквы, слова, цифры, фразы в качестве неотъемлемых компонентов своей работы. Как отмечает Клаус Кертесс, Баския использовал сло-

ва, подобно мазкам кисти: «В начале его творения было слово. Он любил слова за их смысл, за их звучание и за их внешний вид; он дал словам глаза, уши, рот – и душу» [10, с. 51–52].

1980 год стал точкой начала перехода Баскии с «улицы» в направлении высокого искусства. Альтернативой стен для художника стали блокноты. Они не использовались Баскией как традиционные альбомы для скетчинга – блэббуки. Он заполнял страницы фразами, похожими на рекламные тексты («среднестатистический мужчина смеется 15 раз в день»), очень короткими рассказами, интимными переживаниями, списками (например, список всех людей, которые оказали на него влияние, или список названий глав «Моби Дика»), ассоциативными сравнениями, бессмысленными на взгляд постороннего читателя восклицаниями без какого-либо контекста («синие костюмы маргаритовых мужчин»), описаниями идей и так далее. Было много текстов и совсем мало изображений. Но важно отметить, что Баския заполнял страницы блэббука только с одной стороны, оставляя оборот чистым. Как будто написанный текст уже есть законченная художественная работа, которую можно разместить в рамке на стене.

В живописи Баския тоже собирал воедино аспекты своего повседневного окружения, поскольку считал, что для работы ему постоянно нужен исходный материал. Сюзанна Маллук вспоминала, что он подбирал «...книги, коробки из-под хлопьев, газеты или все, что попадает под руку. Он находит слово или фразу и рисует их на своей доске или холсте» [11]. Именно это присвоение повседневного, случайного, а также кажущегося ему значительным, делало стиль Баскии таким самобытным.

Вероятно, следует добавить к этому еще влияние на Баскию разных художественных направлений, в круговороте которых он находился, в частности, его восхищение литературным творчеством Уильяма Берроуза, «методом нарезки», «конкретной поэзией» и джазом. Все перечисленное – производное от копирования и микса, и все имеет отношение к апроприации как общепринятой и популярной практике 1980-х годов, последователем которой был не только Баския, но и Ричард Принс с присвоением рекламных образов ковбоя Мальборо, Энди Уорхол с его «Банками с супом Кэмпбелл», Джон Балдессари и его игра с образами массовой культуры, Синди Шерман и ее черно-белые «Кадры из фильма без названия», Шерри Левин и серия ее фотографий «После Уокера Эванса». Не менее важно и то, как именно Баския впитывал окружающий его мир. Он выцеплял слова и предложения, услышанные по радио и телевидению, он хорошо знал уличную и печатную рекламу, коллекционировал книги по искусству, благодаря чему познакомился с работами художников дадаизма и поп-арта.

Присвоение и миксование по принципу «копировать и вставлять», спровоцировавшие в кругах крити-

ков вопрос о Баскии-плагиаторе, по смыслу переключаются с ранним анонимным граффити: «Работает только хехо, ты – всего лишь копия». Элеонора Нэрн и Дитер Буххарт отмечают, что техника «нарезки» была заимствована Баскией из опыта художника-сюрреалиста Брайона Гайсина и писателя Уильяма Берроуза [12], которые любили составлять коллажи из слов и предложений. В коротком эссе «Осталось несколько минут» [13] Уильям Берроуз, Грегори Корсо, Брайон Гайсин и Синклер Бейлз демонстрируют неортодоксальное отношение к текстам: выбор любых писем, газет, журналов, рекламы или книг (прозы, стихов, Библии, Корана, Бхагавад-гиты и т. п.) и нарезка их на произвольные части и слова затем предполагают перестановку отдельных фрагментов для получения нового текста. В контексте зарождающейся хип-хоп культуры этот «метод нарезок», возникший в среде дадаистов и взятый в начале 1980-х годов на вооружение битниками (писателем Уильямом Берроузом, художником-сюрреалистом Брайоном Гайсином, музыкантом Дэвидом Боуи), в полной мере соответствовал постмодернистскому восприятию искусства «обществом копирования». Баския сознательно копировал и преобразовывал найденные материалы в свою собственную эстетику. При этом он – безусловный актер «общества копирования», в котором жизнь рассматривается как постоянное и безжалостное разделение, нарезка, а сам процесс копирования является ключевым культурным приемом. Нарезка в понимании Баскии была ближе к фактам человеческого восприятия, чем линейное повествование. Буквы, слова, знаки и фигуры в работах Баскии создают живописный ритм, сравнимый с акустическими стихами дадаистов, например, Курта Швиттера [14].

В своих последующих работах Баския активно использует нарезки текстов, в некоторых случаях начиная с них и накладывая поверх них изображения («Без названия», рис. 1), в других – смешивая изображения и тексты на условиях равноправности («Группа экспертов», рис. 2).

В обеих картинах художник использует плоские, двумерные, похожие на палочки фигуры и устраняет перспективу для создания плоскостного повествования, напоминающего детский рисунок. Он рисует первобытными, раскованными, оригинальными штрихами, подобными которым мир не видел ни ранее, ни позже, создает индивидуальный художественный язык с помощью известных символов, фигур, брендов и образов (дома, утки, птицы, облака, короны). В «Группе экспертов» сильный контраст между черным и белым привлекает внимание к тексту и изображениям, а также к акцентам основных цветов. Баския сочетает акриловую краску и масляную пастель в многослойной манере, в несколько слоев, нанесенных один поверх другого. Он начинает с набросков фигур, а затем использует черный фон, который частично перекрывает рисунок. Наконец, он пишет текст, в кото-

ром «мультфильм», «сахар» и «кукурузные хлопья в сахарной глазури» сопровождаются символом авторского права – это продукты потребления, чьи права защищены (как у творческих объектов) обществом потребления. Имена в левом верхнем углу панели – «Венера» и «Мадонна» (последнее тоже со знаком авторского права) относятся не только к общественному, но и к личному опыту художника. Это не столько популярные символы сакрального и светского искусства, сколько отсылка к поп-звезде Мадонне, с которой Баския был хорошо знаком, а также его подруге Сюзанне Малук по прозвищу «Венера». Таким образом, и в картине «Без названия», и в «Группе экспертов» прослеживается характерная черта, присущая всему творчеству Баскии, – автобиографичность. Они напоминают страницу из блэббука, и это «мэшап» до того, как мэшапы стали обычным делом.

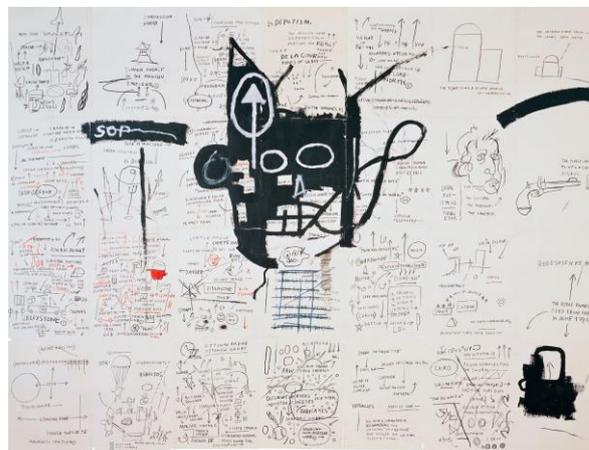

Рис. 1. Жан-Мишель Баския. Без названия, 1982–1983.
Коллекция Фреда Хоффмана
Fig. 1. Jean-Michel Basquiat. Untitled, 1982–1983.
Fred Hoffman Collection

Рис. 2. Жан-Мишель Баския. Группа экспертов. 1982.
Монреальский музей изящных искусств
Fig. 2. Jean-Michel Basquiat. Group of Experts. 1982.
Montreal Museum of Fine Arts

Выводы

Обращение к биографии и художественному наследию Жан-Поля Баскиа позволяет говорить о том, что самобытная, оригинальная манера работы художника имеет свои истоки в уличном искусстве, поэтому и на последующих этапах «галерейного» творчества он демонстрировал свою приверженность стритстайлу. Доказательством этого, помимо непродолжительного граффити-периода в биографии Баскиа, о котором упоминают все искусствоведы, служат несколько аргументов.

Во-первых, работа в стиле «лоскутного одеяла», игнорирование формальных элементов пропорции и перспективы, сосредоточение внимания на различных схемах и повторяющихся символах, а также тесная связь с повседневностью является определяющей характеристикой граффити и стрит-арта. Закончить «кусок» быстро, пока не приехала полиция, при этом сказать все, что хочешь донести миру, – вот основная цель уличного художника и райтера. В условиях дефицита времени и адреналинового выброса стиль, техника, композиция – все уходит на задний план, остается лишь стремление донести глубину идеи зрителю, пусть даже схематично и примитивно. Стрит-арт как художественная практика, отличная от высокого искусства, не нацелена удовлетворять утонченную чувственность немногих избранных, а напротив, обладает способностью без усилий в доступной форме доносить массам свой месседж благодаря мастерству, оригинальности, глубине смысла и специфической эстетике повседневности. Подобно художнику и композитору Джону М. Кейджу, признанному пионеру в области алеаторики, Баския тоже брал «сэмплы» из окружающего его мира и привносил в свои работы случайные элементы из повседневности. Этот стритстайл Баскиа на протяжении всего периода творчества был неизменен, и мы можем утверждать, что его истоки лежат в плоскости уличного граффити-опыта, сформированного эстетикой улицы.

Во-вторых, характерным признаком творчества Баскиа была автобиографичность, что также выступает одной из важных черт стрит-арта [15]. Уличное искусство часто можно рассматривать как инструмент продвижения личной повестки дня художника, связанной с современными социальными проблемами, при этом городские фасады играют ту же роль, что и блэкбук. Улица – это место, где художник может выразить мнение по множеству вопросов, начиная от политики и защиты окружающей среды и заканчивая консюмеризмом и потреблением. На догалерейном этапе, как было показано, Баския перевоплощался в SAMO, что позволяло ему говорить миру улицы все, что его волновало. Однако с момента, когда SAMO умер, Баския остается верен себе и выносит свои примитивные по форме, но сложные по содержанию картины на суд широкой публики,

представляя свои творения как страницы журнала, оставленного открытым для чтения посторонними.

Третий аргумент в пользу того, что творчество Баскиа является производным от уличного искусства, состоит в его отношении к слову. Искусство Баскиа можно рассматривать в пространстве между техникой «нарезки» Гайсина и Берроуза, «конкретной поэзией» и формирующимся в 1980-е годы разговорным жанром хип-хопа. Слово у Баскиа становится образом, одним из источников, которые он «присваивает». Все эти работы являются результатом творчества любознательного молодого художника, «информационного обжоры», который собирает все, что видит, слышит и читает, а затем создает коллажи из отобранных элементов в своеобразной, оригинальной, индивидуализированной форме.

Литература

1. Олива, А. Б. Искусство на исходе второго тысячелетия / А. Б. Олива ; [пер. с итал.: Г. Курьева, К. Чекалов]. – М. : Художественный журнал, 2003. – 214 [1] с.
2. Fretz, E. Jean-Michel Basquiat: A Biography / E. Fretz. – Santa Barbara : Bloomsbury Academic, 2010. – 199 p.
3. Traynor, C. The wild story of Basquiat's original partner in crime / C. Traynor // Huck 61. 27 October, 2017. – URL: <https://www.huckmag.com/article/al-diaz-bomb-one-graffiti-pioneer> (дата обращения: 24.10.2023).
4. Affleck, Ph. Jean-Michel Basquiat and the Birth of SAMO / Ph. Affleck // Villagevoice. 20 March, 2019. – URL: <https://www.villagevoice.com/jean-michel-basquiat-and-the-birth-of-samo/> (дата обращения: 24.10.2023).
5. Ярцева, О. А. Жан-Мишель Баския и нью-йоркская художественная сцена 1980-х годов / О. А. Ярцева // Искусство Евразии. – 2020. – № 1 (16). – С. 335–343. – URL: <https://readymag.com/u50070366/1745169/36/> (дата обращения: 24.10.2023).
6. Стрельникова, М. В. Направления исследования творчества Жан-Мишеля Баскиа в современном искусствознании / М. В. Стрельникова // Молодежный Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 2 (12). – С. 30–34.
7. Jefferson, E. On Jean-Michel Basquiat, Graffiti, and Tradition / E. Jefferson // Estebanjefferson. 14 May, 2016. – URL: <http://www.estebanjefferson.com/essays/basquiatsmall.pdf> (дата обращения: 24.10.2023).
8. Серикова, Т. Ю. Производство искусства как результат коммуникации художника и зрителя (на примере творчества А. Г. Поздеева, А. Н. Осиповой и З. Б. Доржиева) / Т. Ю. Серикова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 58–65.

9. Edelman, G. M. *Bright Air, Brilliant Fire: On The Matter Of The Mind* / G. M. Edelman. – New York : Basic Books, 1992. – 304 p.

10. Marshall, R. *Jean-Michel Basquiat* / R. Marshall, K. Kertess, G. Tate. – Whitney : Whitney Museum of Art, 1992. – 272 p.

11. Clement, J. *Widow Basquiat: A Love Story* / J. Clement. – Swindon, UK : Shearsman Books, 2010. – 144 p.

12. Nairne, E. *Basquiat: Boom for Real* / E. Nairne, D. Buchhart. – Munich : Prestel Publ., 2020. – 296 p.

13. *Minutes to Go* / S. Beiles, W. Burroughs, G. Corso, B. Gysin. – San Francisco, California : Beach Books, Texts & Documents, 1968. – 63 p. – URL: [https://monoskop.org/images/6/67/Beiles_Burroughs_](https://monoskop.org/images/6/67/Beiles_Burroughs_Corso_Gysin_Minutes_to_Go_1968.pdf)

[Corso_Gysin_Minutes_to_Go_1968.pdf](https://monoskop.org/images/6/67/Beiles_Burroughs_Corso_Gysin_Minutes_to_Go_1968.pdf) (дата обращения: 24.10.2023).

14. Гречушникова, Т. В. Литература «на всех каналах» III – возврат к изустному / Т. В. Гречушникова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – № 5. – С. 22–29. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74270632.pdf> (дата обращения: 24.10.2023).

15. Вильчинская-Бутенко, М. Э. Режимы визуализации урбанистического искусства: стрит-арт vs паблик-арт / М. Э. Вильчинская-Бутенко // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 18–34.

Вильчинская-Бутенко Марина Эдуардовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории дизайна и медиакommunikаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург), e-mail: marina.gutd@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8874-4527

Поступила в редакцию 17 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240206

SAMO AS AN ARTISTIC “I” BY JEAN-MICHEL BASQUIAT

M. E. Vilchinskaya-Butenko

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation

This article is based on the biography of Jean-Michel Basquiat using the historical-biographical and inductive method and proves the decisive importance of the early, pre-gallery stage of the artist’s work for the formation and further development of the uniqueness of his style. The origins of the artist’s work are in street art and his artistic “I” was influenced not so much by the graffiti period of his biography with the attributes accompanying the graffiti movement (the choice of the nickname SAMO, going out on the streets of the city for the purpose of dialogue with the urban community), as by other factors also characteristic of graffiti and street art. Firstly, a close connection with everyday life (words or phrases from an ordinary context, which seemed significant to the artist, inspired him to create artworks). Secondly, the tendency to autobiography (the creation of images extracted from personal experience). Thirdly, the attitude to the word as an image and a source of creativity (mixing images and texts in equal terms or even the dominance of text in paintings). It is also noted that Basquiat’s works were greatly influenced by the principle of “copy paste”, derived from a combination of techniques: the “cut-up” technique by Brian Gysin and William Burroughs, focusing on linguistic material characteristic of “concrete poetry”, and the spoken hip-hop genre that was formed in the 1980s.

Keywords: Jean-Michel Basquiat, street art, graffiti, neo-expressionism, formation of an artistic style.

References

1. Oliva A.B. *Iskusstvo na iskhode vtorogo tysyacheletiya* [Art at the End of the Second Millennium]; per. s ital.: G. Kur’erova, K. Chekalov. M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 2003. 214, [1] s.
2. Fretz E. *Jean-Michel Basquiat: A Biography*. Santa Barbara: Bloomsbury Academic, 2010. 199 p.
3. Traynor C. The Wild Story of Basquiat’s Original Partner in Crime // *Huck 61*. 27 October, 2017. URL: <https://www.huckmag.com/article/al-diaz-bomb-one-graffiti-pioneer> (data obrashcheniya: 24.10.2023).

4. Affleck Ph. Jean-Michel Basquiat and the Birth of SAMO // *Villagevoice*. 20 March, 2019. URL: <https://www.villagevoice.com/jean-michel-basquiat-and-the-birth-of-samo/> (data obrashcheniya: 24.10.2023).
5. Yarceva O.A. Zhan-Mishel' Baskia i n'yorkskaya khudozhestvennaya stsena 1980-kh godov [Jean-Michel Basquiat and the New York Art Scene of the 1980s] // *Iskusstvo Evrazii*. 2020. № 1 (16). S. 335–343. URL: <https://readymag.com/u50070366/1745169/36/> (data obrashcheniya: 24.10.2023).
6. Stre'nikova M.V. Napravleniya issledovaniya tvorchestva Zhan-Mishelya Baskiya v sovremennom iskusstvovoznani [Directions of Research of Jean-Michel Basquiat's Creativity in Contemporary Art Studies] // *Molodezhnyj Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta ku'tury*. 2019. № 2 (12). S. 30–34.
7. Jefferson E. On Jean-Michel Basquiat, Graffiti, and Tradition // *EstebanJefferson*. 14 May, 2016. URL: <http://www.estebanjefferson.com/essays/basquiatsmall.pdf> (data obrashcheniya: 24.10.2023).
8. Serikova T.Y. Proizvedenie iskusstva kak rezu'tat kommunikacii hudozhnika i zritelya (na primere tvorchestva A.G. Pozdeeva, A.N. Osipovoj i Z.B. Dorzhieva) [A Work of Art as a Result of Communication between the Artist and the Viewer (on the Example of the Work of A.G. Pozdeev, A.N. Osipova and Z.B. Dorzhiev)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2022. T. 22, № 2. S. 58–65.
9. Edelman G.M. *Bright Air, Brilliant Fire: on The Matter of the Mind*. New York: Basic Books, 1992. 304 p.
10. Marshall R., Kertess K., Tate G. *Jean-Michel Basquiat*. Whitney: Whitney Museum of Art, 1992. 272 p.
11. Clement J. *Widow Basquiat: A Love Story*. Swindon, UK: Shearsman Books, 2010. 144 p.
12. Nairne E., Buchhart D. *Basquiat: Boom for Real*. Munich: Prestel Publ., 2020. 296 p.
13. Beiles S., Burroughs W., Corso G., Gysin B. *Minutes to Go*. San Francisco, California: Beach Books, Texts & Documents, 1968. 63 p. URL: https://monoskop.org/images/6/67/Beiles_Burroughs_Corso_Gysin_Minutes_to_Go_1968.pdf (data obrashcheniya: 24.10.2023).
14. Grechushnikova T.V. Literatura «na vseh kanalah» III – vozvrat k izustnomu [Literature “on all channels” III – return to the oral] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2013. № 5. S. 22–29. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74270632.pdf> (data obrashcheniya: 24.10.2023).
15. Vilchinskaya-Butenko M.E. Rezhimy vizualizacii urbanisticheskogo iskusstva: strit-art vs publik-art [Modes of Visualization of Urban Art: Street Art vs Public Art] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2022. № 47. S. 18–34.

Marina E. Vilchinskaya-Butenko – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of Design and Media Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg), e-mail: marina.gutd@gmail.com

Received November 17, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Вильчинская-Бутенко, М. Э. SAMO как художественное «Я» Жан-Мишеля Баскьи / М. Э. Вильчинская-Бутенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 50–57. DOI: 10.14529/ssh240206

FOR CITATION

Vilchinskaya-Butenko M. E. SAMO as an artistic “I” by Jean-Michel Basquiat. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 50–57. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240206

ХУДОЖНИК И НЕЙРОСЕТЬ: КОНФЛИКТ, ДИАЛОГ, СОТРУДНИЧЕСТВО?

А. А. Дружинина

Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова, г. Москва, Российская Федерация

Цель статьи состоит в исследовании сложных отношений между миром искусства и стремительно развивающимся искусственным интеллектом, который за относительно короткое время успел прочно закрепиться во многих сферах, даже таких консервативных, как музейное дело и арт-рынок. В статье рассмотрены некоторые из наиболее заметных примеров произведений, созданных с использованием нейронных сетей, а также способы, с помощью которых художник взаимодействует с этими алгоритмами. В дополнение к расширению творческих границ рассмотрены не менее значимые процессы сохранения и восстановления культурного наследия, в которых искусственный интеллект играет важную роль: цифровая реставрация и цифровая аутентификация. Также представлены примеры творческой синергии искусственного интеллекта и робототехники.

Помимо этого, в статье, несмотря на освещение положительного вклада технологии в творческие процессы, поднимаются вопросы относительно степени влияния искусственного интеллекта и поиска баланса между человеческим и машинным вкладом в произведение. Актуальность исследования того, как искусственный интеллект воздействует на профессиональную художественную среду, требует внимательного рассмотрения и постоянного диалога, что поможет в построении крепких симбиотических отношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, цифровое искусство, цифровая реставрация, цифровая аутентификация, роботизированное искусство, NFT-арт, искусство на блокчейне.

Введение

Художники всегда проявляли особенный интерес к новым технологиям, прежде всего рассматривая их возможности для творческих экспериментов. Идея применения различных видов медиа, не предназначенных для художественных целей, не нова: уже в 1950-е гг. Бен Лапоски представил минималистичные «Электронные абстракции», созданные с применением осциллографа [1, с. 13], а в 1960-х гг. инженеры Майкл Нолл и Кен Ноултон проводили первые эксперименты с генеративной графикой. Современные цифровые технологии, в том числе и искусственный интеллект, подвиды которого мы рассмотрим в данной статье, не стали исключением. Более того, произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта, можно отнести к представителям «искусственного искусства» (artificial art) – процесса создания художественных произведений, в котором не всегда предполагается участие человека [2].

Однако активные исследования творческого потенциала современных технологий не только привели к новым визуальным решениям, но и подняли ряд острых вопросов, которые вызвали ожесточенные споры и конфликты.

Один из таких – вопрос авторства: кого в итоге считать автором произведения и кому принадлежат права собственности, ведь запрос (так называемый «промт») формулирует человек и результат тоже отбирает человек, а весь остальной процесс остается за нейросетью. Наиболее ожесточенно этот вопрос стал обсуждаться после весьма

резонансного случая, произошедшего в 2022 г. на конкурсе начинающих цифровых художников в штате Колорадо. Высшую награду получила работа Джейсона Аллена «Пространственный театр оперы» (рис. 1), которая была выполнена с помощью нейросети Midjourney и увеличена в размерах с помощью другой – Gigapixel. Это событие вызвало яростную реакцию со стороны сообщества художников, которые обвинили г-на Аллена в обмане, а членов жюри в некомпетентности [3].

Рис. 1. Джейсон Аллен «Пространственный театр оперы», 2022

Fig. 1. Jason Allen “Théâtre D’opéra Spatial”, 2022

Другой, не менее животрепещущий вопрос – это согласие на использование данных для непосредственного обучения нейросетей. Например, Midjourney была обучена на десятках тысяч изображений, созданных художниками и размещенных в сети Интернет [4], после чего нейросеть может повторить стиль любого художника в считанные минуты. В старых версиях нейросети даже были

видны водяные знаки с подписями разных авторов [5]. Это вызвало всплеск недовольства, вылившийся в протестные акции художников по всему миру. Одна из таких акций получила широкое освещение в прессе: художники, выставившие работы на известной платформе Artstation, стали массово удалять свои портфолио и призывали не только бойкотировать работы, сделанные с применением искусственного интеллекта, но и вовсе запретить обучение алгоритмов на работах художников [6].

События, вызвавшие общественный резонанс, породили в художественной среде опасения, что нейросети смогут вытеснить труд людей-художников, и это, в свою очередь, приведет к потере не только рабочих мест, но и вообще какой бы то ни было эмоциональной связи с произведениями искусства. Но следует заметить, что подобное в человеческой истории случалось не раз: с началом промышленной революции многие профессии были автоматизированы и видоизменены или вообще исчезли. Углубляясь в историю цифровизации, можно вспомнить о процессе внедрения в повседневную жизнь человека автоматизированных ткацких станков, который вызвал серию бунтов и актов вандализма (движение луддитов) [7, с. 34], а также появление репортажной фотосъемки, лишившей работы, в том числе, многих художников-графиков, ведь до этого немногочисленные книжные и газетные иллюстрации изготавливались в технике гравюры [8]. Комплексно оценивая развитие технического прогресса, мы вряд ли будем отрицать пользу всех нововведений. Даже если не углубляться в историю, многие современные программы и плагины предназначены для упрощения человеческого труда, нацелены на расширение именно творческих возможностей и избавление от рутинной работы.

Неоспоримым фактом является то, что для преодоления сложившегося конфликта необходима включенность в процесс не только профессиональных сообществ, но и самих компаний-разработчиков, а также оперативное правовое регулирование на государственном уровне.

Обзор литературы

Роль искусственного интеллекта в творческом процессе человека пока не получила достаточного освещения в научной литературе ввиду новизны явления.

Общие историко-культурные сведения о становлении цифровизации представлены в «Краткой истории цифровизации» М. Буркхарда.

Аналитическая часть работы опирается на труды докторов философии МГУ А. С. Мигунова и С. В. Ерохина, исследующих проблематику использования цифровых компьютерных технологий в искусстве, критический научный труд заведующего кафедрой новых медиа факультета изящных искусств в Белграде Деяна Грба [9], а также ряд авторитетных цифровых изданий: журнал, посвященный компьютерным и цифровым технологиям

The Verge, официальные отчеты, размещенные на сайте аукционного дома Sotheby's, а также цифровое издание газеты The New York Times.

Методы исследования

В рамках статьи были применены типологически-системный, историко-культурный и историко-социальный методы исследования.

Результаты и дискуссия

Несмотря на все существующие противоречия, мы видим множество художников, которые наладили с нейросетями плодотворное сотрудничество. Давайте рассмотрим творчество некоторых из них.

В числе первых – Робби Баррат (Robbie Barrat, род.1999) [10] – художник, значимая фигура в среде цифрового искусства, который прославился нестандартным подходом к работе с искусственным интеллектом. Стоит упомянуть, что история известности Баррата началась со скандала, разгоревшегося после продажи «Портрета Эдмонда Белами» (рис. 2) на аукционе Christie's в 2018 г. за рекордные 432,5 тысячи долларов [11]. Дело в том, что портрет был полностью создан нейросетью под творческим надзором арт-группы Obvious, но на основе открытого кода, написанного Барратом. Уже тогда были подняты актуальные на сегодняшний день вопросы.

Рис. 2. Obvious «Портрета Эдмонда Белами», 2018
Fig. 2. Obvious “Edmond de Belamy”, 2018

NFT-технология дала художнику возможность превратить творчество в источник дохода. «Отчеканив» (от англ. mint «чеканка») несколько своих работ [12], Баррат быстро стал одним из самых продаваемых авторов, и сохраняет этот статус до сих пор [13]. Тем не менее, в начале 2021 г. он заявил о том, что больше не заинтересован в NFT из-за «...экологических и спекулятивных аспектов этого пространства» [14].

Другим видным представителем данного направления является Рефик Анадол (Refik Anadol, р. 1985) – выдающийся медиахудожник современности. Он известен своими инсталляциями, глубоко погружающими зрителя в мир, сочетающий в себе искусство, научные и технологические достижения, касающиеся области искусственного интеллекта и машинного обучения [15]. Его масштабные произведения исследуют гибридные отношения между архитектурой, пространством и медиаискусством, стирая границы между цифровыми и физическими объектами [16]. Например, художественная составляющая серии захватывающих иммерсивных инсталляций или, как называет их сам автор, «информационных скульптур», «Машинные галлюцинации» (2016 – н. вр.) создается нейросетью в режиме реального времени, основываясь на анализе различных данных, полученных от объектов природы, архитектуры, космоса и пр. Зритель становится свидетелем «размышления» машины, причудливо преобразующей большие объемы данных в «галлюцинации».

Эти проекты имеют свое цифровое продолжение и реализованы как NFT: помимо цифровых двойников самих инсталляций на аукционах представлены и другие произведения, созданные ИИ на основе тех же данных. На сайте студии их называют «иммерсивными NFT» [17]. В 2021 г. на аукционе Sotheby's был представлен проект «Машинные галлюцинации – Космос: Метавселенная» (Machine Hallucinations – Space: Metaverse). Проект такого рода был представлен аукционным домом впервые [18].

В начале 2022 г. художник анонсировал создание собственной Метавселенной Dataland [19] – «...масштабного междисциплинарного проекта, объединяющего ведущих мировых нейробиологов, архитекторов, пионеров в области искусственного интеллекта, а также инновационные компании, среди которых NVIDIA, Google, LG Displays, Epson и другие» [20]. Концептуальная основа Dataland подразумевает развитие мультисенсорности внутри виртуального пространства Метавселенной, но подробности проекта держатся в строжайшем секрете.

Говоря о машинном обучении, нельзя не упомянуть студию Ouchhh, базирующуюся в Стамбуле и получившую международное признание за новаторскую работу, объединяющую искусство, науку и технологии. Весной 2022 г. студия представила масштабную иммерсивную инсталляцию, визуальный ряд которой был сгенерирован генеративно-состязательной нейронной сетью (GAN), обученной на произведениях Винсента Ван Гога. Зритель погружается внутрь фантастического пространства картин художника, составленного из 12 миллионов частиц, имитирующих мазки кистью [21].

Еще один художник, один из пионеров нейронных сетей и машинного обучения, активно

использующий в своем творчестве код и алгоритмы, – Марио Клингеманн (Mario Klingemann, род. 1970), иногда также встречается под ником Квазимондо (Quasimondo). В своей серии «Воспоминания о прохожих I», представленной на аукционе Sotheby's 6 марта 2019 г. в Лондоне [22], Клингеманн использовал алгоритм GAN для создания изображений лиц, которые в режиме реального времени создаются и причудливо объединяются с другими изображениями, создавая сюрреалистические композиции. Полученные работы бросают вызов нашему традиционному пониманию портретной живописи и побуждают задуматься о влиянии машин на формирование нашего представления о личности и памяти.

Еще одним знаковым проектом для Марио Клингеманна является создание ИИ-художника Ботто (Botto) [23], который создает произведения искусства, основываясь на обратной связи от общества – BottoDAO (DAO – сокр. decentralized autonomous organization, с англ. децентрализованная автономная организация). Botto еженедельно представляет на рассмотрение 350 работ, созданных алгоритмом с открытым исходным кодом, а члены сообщества выбирают лучшую из них, которая будет выпущена как токен и представлена на онлайн-аукционе. Марио Клингеманн отмечает, что Botto – это гибридное существо, наполовину ИИ и наполовину коллективный разум [24].

В контексте плодотворного сотрудничества рассматривает искусственный интеллект и китайско-канадская художница Соугвен Чанг (Sougwen Chung, р. 1985) [25]. Ее практика охватывает перформанс, инсталляцию и сам процесс рисования непосредственно, стремясь найти общие черты между человеком и машиной, а также раскрыть творческие возможности искусственного интеллекта. Основным фокусом внимания Чанг стало создание прототипа робота DOUG, способного имитировать движения руки художницы. Чанг устраивает живые выступления, на которых она пишет абстрактные полотна вместе с роботами [26].

С появлением нейронных сетей роботизированное искусство получает больше возможностей для экспериментов. Помимо Чанг, на сегодняшний день существует еще несколько популярных роботов-художников, среди них роборука Ai Norn, собранная энтузиастами из Москвы [27], роборука Фрида, запрограммированная исследователями из Университета Карнеги-Меллона (Пенсильвания, США) [28], человекоподобный робот София, который не только рисует, но и ведет невероятно насыщенную социальную жизнь [29], а также человекоподобный робот AI-Da [30]. При помощи нейросетей роботы способны самостоятельно придумывать сюжеты и писать картины.

Не менее интересным является и другое направление, получившее активное развитие благодаря нейросетям – цифровая реставрация. Сего-

дня сфера IT активно используется в процессах восстановления и сохранения культурного наследия, о чем свидетельствуют следующие примеры.

Венский музей Бельведер в коллаборации с Google Arts & Culture при помощи нейросетей восстановил цветовое содержание «Факультетских картин» [31] Густава Климта (см. рис. 3), уничтоженных пожаром во время Второй мировой войны: от произведений сохранились лишь цветная репродукция «Медицины», черно-белые фотографии, а также некоторые эскизы и текстовые описания [32], на основе которых и была обучена нейронная сеть. Очень подробно процесс восстановления описан на онлайн-портале «Климт против Климта: Человек противоречий», который был создан в 2021 г. благодаря инициативам Google Arts & Culture [33]. Более того, на основе собранного материала была создана виртуальная галерея, которую может посетить любой пользователь сети Интернет. «Виртуальный посетитель» может не только участвовать в тематических турах, но и взаимодействовать со всеми изображениями и видеороликами [34].

Рис. 3. Восстановленные цвета «Факультетских картин»
Г. Климта, 2021

Fig. 3. Restored colors of Klimt's "Faculty Paintings", 2021

С участием искусственного интеллекта было реализовано несколько проектов, связанных с наследием Рембрандта. Обучение нейросетей на работах художника началось еще в 2016 г. совместно с Microsoft, после чего на 3D-принтере была напечатана картина «Следующий Рембрандт» (Next Rembrandt) [35]. Для того чтобы реализовать эту задумку, с помощью искусственного интеллекта были проанализированы все доступные произведения Рембрандта, классифицированы более 400 лиц, и на основе этих данных нейросеть научилась создавать портреты в стиле Рембрандта. Для перехода в 3D-измерение пришлось использовать 3D-сканы картин, с которых и были сняты карты высот для детального понимания рельефа. Печать производилась специальными УФ-чернилами на основе краски на специально изготовленном 3D-принтере Canon, который был создан специально для восстановления картин [36]. Данный эксперимент проложил маршрут для дальнейших восстановительных работ.

В рамках проектов, связанных с исследованием возможностей применения искусственного ин-

теллекта в реставрационных целях, была также восстановлена картина Рембрандта «Ночной дозор» (1642 г.) (см. рис. 4), которая была произвольно обрезана с четырех сторон в 1715 г. при перемещении в новый зал. Оригинальные полосы, к большому сожалению, не сохранились. Но была найдена уменьшенная репродукция картины, выполненная Герритом Люнденсом (Gerrit Lundens, 1622 – 1686) приблизительно в период между 1642 и 1655 гг. [37]. Эти данные и были использованы при обучении нейронной сети, и утраченные части картины были полностью восстановлены [38]. Сейчас полноценная версия выставляется в «Галерее почета» в Рейксмузее в Амстердаме [39]. Также фонд «Наследие Рембрандта» выпустил коллекцию «Мета Рембрандт», состоящую из фрагментов «Ночного дозора», которая предлагала коллекционерам стать основателями виртуального музея в Метавселенной – все средства, вырученные от продажи, планируется направить на его создание. Представители фонда планируют представить в экспозиции около 306 работ мастера [40, с. 64].

Рис. 4. Совмещение живописного стиля Рембрандта
и Г. Люнденса при помощи нейросетей
Fig. 4. Combining the styles of Rembrandt and Lundens
using neural networks

В 2019 г. исследователи использовали искусственный интеллект для анализа рентгеновских снимков Гентского алтаря (1432 г.) братьев Ван Эйк. Панели Гентского алтаря расписаны с обеих сторон, поэтому стандартная процедура изучения рентгеновских снимков, используемая для реставрации, была затруднена [41].

Выводы

Как мы уже упоминали выше, нейросети с легкостью воссоздают стиль любого художника, что, с одной стороны, помогает восстанавливать культурное наследие, но с другой – может привести к неразберихе и даже к мошенничеству. Для предотвращения таких конфликтов существует еще одно, не менее интригующее применение искусственного интеллекта – аутентификация картин. Рынок оценки произведений часто сталкивается с проблемой атрибуции, особенно если работа или ее часть выполнена не самим художником, а кем-то из его мастерской. С помощью сверточных нейронных сетей (CNN) можно реконстру-

ровать «стиль» автора [42]. Несомненно, эта технология крайне полезна. Она не только способна предотвратить подделку произведений искусства, но и может помочь в датировке и атрибуции [43].

В заключение следует сказать, что нейронные сети уже кардинальным образом изменили мир искусства и все существующие художественные практики, что привело к более глубоким дискуссиям о роли человека в акте творческого самовыражения. Более того, использование нейронных сетей выходит за рамки отдельных художественных начинаний и играет ключевую роль в сохранении богатого культурного наследия. Таким образом, союз искусства и технологий стал силой культурного возрождения, гарантируя, что наше культурное достояние сохранится для будущих поколений. Нейронные сети предлагают беспрецедентные возможности, но в конечном итоге они являются именно инструментами, используемыми человеком и его творческой волей. И именно благодаря симбиотическим отношениям мы выходим за границы известного. В каждом штрихе, каждом пикселе и каждой строке кода мы только подтверждаем бесконечную способность человеческого духа формировать наш мир, преодолевая ограничения времени и пространства.

Литература

1. Ерохин, С. В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. – СПб. : Алетей, 2011. – 188 с.
2. Мигунов, А. С. Алгоритмическая эстетика : монография / А. С. Мигунов, С. В. Ерохин. – СПб. : Алетей, 2010. – 280 с.
3. An, A. I. Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy / A. I. An // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (дата обращения: 30.09.2023).
4. The scary truth about AI copyright is nobody knows what will happen next // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/23444685/generative-ai-copyright-infringement-legal-fair-use-training-data> (дата обращения: 30.05.2023).
5. Artists Voice Concerns Over The Signatures In Viral LensaAI Portraits // ARTnews. – URL: <https://www.artnews.com/art-news/news/signatures-lensa-ai-portraits-1234649633/> (дата обращения: 30.05.2023).
6. ArtStation is hiding images protesting AI art on the platform // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/2022/12/23/23523864/artstation-removing-anti-ai-protest-artwork-censorship> (дата обращения: 30.05.2023).
7. Буркхард, М. Краткая история цифровизации: пер. с нем / М. Буркхард ; пер. с нем. Н. Андреева. – М. : Ад Маргинем Пресс : ABCdesign, 2021. – 184 с.
8. History of Periodical Illustration // NC State University. – URL: <https://clck.ru/3A5gBr> (дата обращения: 30.05.2023).
9. Deep Else: A Critical Framework for AI Art/ Dejan Grba // NC State University. – URL: https://www.academia.edu/67610891/Deep_Else_A_Critical_Framework_for_AI_Art (дата обращения: 30.09.2023).
10. Robbie Barrat, 2018–2020 // Avant Galerie. – URL: <https://avant-galerie.com/en/robbie-barrat-2018-2022> (дата обращения: 23.05.2023).
11. Искусство искусственного интеллекта: кого считать автором в эпоху творчества нейросетей // НОЖ. – URL: <https://knife.media/ai-art-main-question/> (дата обращения: 23.05.2023).
12. Robbie Barrat // Super Rare. – URL: <https://superrare.com/videodrome> (дата обращения: 25.05.2023).
13. Most Expensive Artworks // CryptoArt. – URL: <https://cryptoart.io/> (дата обращения: 25.05.2023).
14. In 2018, Christie's Gave Away 300 Free NFTs. A Few People Who Didn't Throw Them Out Are Now Selling Them for Over \$10,000 // Artnet. – URL: <https://news.artnet.com/opinion/christies-nft-giveaway-1952860> (дата обращения: 25.05.2023).
15. Refik Anadol // Refik Anadol Blog. – URL: <https://blog.refikanadol.com/aboutrefikanadol/> (дата обращения: 23.09.2023).
16. Refik Anadol // Refik Anadol. – URL: <https://refikanadol.com/works/machine-hallucinations-space-metaverse/> (дата обращения: 03.10.2023).
17. Refik Anadol // Refik Anadol. – URL: <https://refikanadol.com/information/> (дата обращения: 03.10.2023).
18. Machine Hallucinations – Space: Metaverse // Sotheby's. – URL: <https://www.sothebys.com/en/digital-catalogues/machine-hallucinations-space-metaverse> (дата обращения: 03.07.2023).
19. Dataland // Dataland. – URL: <https://dataland.art/> (дата обращения: 30.04.2023).
20. Refik Anadol launches metaverse project with AV partners // AV Magazine. – URL: <https://clck.ru/3A5gG7> (дата обращения: 30.04.2023).
21. AI Van Gogh /AI data paintinG Immersive Experience // Ouchhh Studio. – URL: https://ouchhh.tv/AI-VAN-GOGH_IMMERSIVE-DATA-PAINTING (дата обращения: 03.07.2023).
22. Mario Klingemann | Memories of Passersby I // Sotheby's. – URL: <https://goo.su/Z2dozzI> (дата обращения: 24.05.2023).
23. Botto is a decentralized autonomous artist // Botto. – URL: <https://www.botto.com/> (дата обращения: 24.05.2023).
24. Meet the man behind AI artist, Botto // Euronews. – URL: <https://clck.ru/3A5gJA> (дата обращения: 24.05.2023).
25. Sougwen Chung // Sougwen. – URL: <https://sougwen.com/> (дата обращения: 24.05.2023).
26. Sougwen Chung: Human and machine col-

laboration // SuperRare. – URL: <https://superrare.com/magazine/2021/06/07/sougwen-chung-human-and-machine-collaboration/> (дата обращения: 24.05.2023).

27. A Robot That Learns To Paint. The Union of Human and Artificial Intelligence in Painting // AI_NORN. – URL: <https://ainorn.art/> (дата обращения: 24.05.2023).

28. This Robot Can Paint. But Is It Art? // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/02/science/ai-creativity-paintbot.html> (дата обращения: 24.05.2023).

29. Sophia // Hanson Robotics. – URL: <https://www.hansonrobotics.com/sophia/> (дата обращения: 24.05.2023).

30. Ai-Da // Ai-Darobot. – URL: <https://www.ai-darobot.com/> (дата обращения: 24.05.2023)

31. Google Arts & Culture And Belvedere Museum Trained An AI To Color Like Klimt // Jing Daily Culture. – URL: <https://jingculturecrypto.com/google-arts-and-culture-klimt-ai/> (дата обращения: 25.05.2023).

32. Klimt Foundation // Klimt Foundation. – URL: <https://www.klimt-foundation.com/en/klimt-info/places/faculty-paintings-vienna-university/> (дата обращения: 25.05.2023).

33. The Stories Behind Klimt's Faculty Paintings // Google Arts & Culture. – URL: https://artsandculture.google.com/story/nwWxIZNv_3ZAIA (дата обращения: 23.07.2023).

34. Klimt vs Klimt // Google Arts & Culture. – URL: <https://artsandculture.google.com/pocketgallery/kAUxTZBD8McZyQ> (дата обращения: 23.07.2023).

35. The Next Rembrandt Project // The Next Rembrandt. – URL: <https://www.nextrembrandt.com/> (дата обращения: 25.05.2023).

36. The Next Rembrandt: bringing the Old Master back to life // Medium. – URL: <https://clck.ru/3A5gLR> (дата обращения: 25.05.2023).

37. Artificial Intelligence in Artworks and Restoration: Contributing to the Art World // Artificial Paintings. – URL: <https://artificialpaintings.com/blog/2022/01/18/artificial-intelligence-in-artworks-and-restoration-contributing-to-the-art-world/> (дата обращения: 03.05.2023).

38. Rembrandt's The Night Watch painting restored by AI // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/technology-57588270> (дата обращения: 25.05.2023).

39. Operation Night Watch. Closer than ever // Rijksmuseum. – URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/whats-on/exhibitions/operation-night-watch> (дата обращения: 25.05.2023).

40. Дружинина, А. А. Расширение концепции современного музея в интернет-пространстве с помощью технологий на базе блокчейна / А. А. Дружинина // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2023. – № 2. Ч. 2. – С. 56–67.

41. (Art)ificial intelligence – Creation, destruction, restoration // Analytics India Magazine. – URL: <https://analyticsindiamag.com/artificial-intelligence-creation-destruction-restoration/> (дата обращения: 25.05.2023).

42. The art of attribution and the attribution of art // The Critic. – URL: <https://thecritic.co.uk/issues/november-2019/the-art-of-attribution-and-the-attribution-of-art/> (дата обращения: 22.07.2023).

43. How AI Could Help Preserve Art // Datanami. – URL: <https://towardsdatascience.com/how-ai-could-help-preserve-art-f40c8376781d> (дата обращения: 23.05.2023).

Дружинина Александра Александровна – преподаватель кафедры истории искусств и гуманитарных наук, Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (Москва), e-mail: prof.druzhinina.a@gmail.com. ORCID: 0000-0003-2351-7718

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240207

ARTIST AND NEURAL NETWORK: CONFLICT, DIALOGUE OR COOPERATION?

A. A. Druzhinina

Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation

This article explores the complex relationship between the art world and artificial intelligence (AI), which in a short time has managed to firmly establish relations with many institutions, even such conservative ones as the museum business and the art market. This article looks into some of the most notable examples of works created using neural networks, and the ways in which the artist interacts with these algorithms. Besides the expanding creative boundaries, the roles of AI in the preservation, restoration, and authentication of cultural heritage are considered.

Examples of the creative synergy between AI and robotics are also presented. In addition, the article, while highlighting the contribution of technology to creative processes, raises questions about the extent of human artificial intelligence and determining the balance between human and machine contributions to creativity. The impact of AI on the world of professional art requires careful consideration and constant dialogue, which will help in building strong, mutually beneficial, relationships.

Keywords: neural networks, AI-art, artificial intelligence art, digital art, robotic art, digital restoration, NFT art, blockchain art, digital restoration, digital authentication.

References

1. Erokhin S.V. Tsifrovoye komp'yuternoe iskusstvo [Digital Art]. SPb.: Aleteyya, 2011. 188 s.
2. Migunov A.S., Erokhin S.V. Algoritmicheskaya estetika [Algorithmic Aesthetics]: monografiya. SPb.: Aleteyya, 2010. 280 s.
3. An A.I. Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (data obrashcheniya: 30.09.2023).
4. The scary truth about AI copyright is nobody knows what will happen // *The Verge*. URL: <https://www.theverge.com/23444685/generative-ai-copyright-infringement-legal-fair-use-training-data> (data obrashcheniya: 30.09.2023).
5. Artists Voice Concerns Over The Signatures In Viral LensaAI Portraits // *ARTnews*. URL: <https://www.artnews.com/art-news/news/signatures-lensa-ai-portraits-1234649633/> (data obrashcheniya: 30.09.2023).
6. ArtStation is hiding images protesting AI art on the platform // *The Verge*. URL: <https://www.theverge.com/2022/12/23/23523864/artstation-removing-anti-ai-protest-artwork-censorship> (data obrashcheniya: 30.09.2023).
7. Burkhardt M. Kratkaya istoriya tsifrovizatsii [A Short History of Digitalization]. M.: Ad Marginem Press, 2021. 184 s.
8. History of Periodical Illustration // *NC State University*. URL: <https://clck.ru/3A5gBr> (data obrashcheniya: 30.09.2023).
9. Deep Else: A Critical Framework for AI Art/ Dejan Grba // *NC State University*. URL: https://www.academia.edu/67610891/Deep_Else_A_Critical_Framework_for_AI_Art (data obrashcheniya: 30.09.2023).
10. Robbie Barrat, 2018–2020 // *Avant Galerie*. URL: <https://avant-galerie.com/en/robbie-barrat-2018-2022> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
11. Iskusstvo iskusstvennogo intellekta: kogo schitat' avtorom v epokhu tvorchestva neyrosetey [The Art of Artificial Intelligence: who should be Considered the Author in the Era of Neural Network Creativity] // *KNIFE*. URL: <https://knife.media/ai-art-main-question/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
12. Robbie Barrat // *Super Rare*. URL: <https://superrare.com/videodrome> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
13. Most Expensive Artworks // *CryptoArt*. URL: <https://cryptoart.io/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
14. In 2018, Christie's Gave Away 300 Free NFTs. A Few People Who Didn't Throw Them Out Are Now Selling Them for Over \$10,000 // *Artnet*. URL: <https://news.artnet.com/opinion/christies-nft-giveaway-1952860> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
15. Refik Anadol // *Refik Anadol Blog*. URL: <https://blog.refikanadol.com/aboutrefikanadol/> (data obrashcheniya: 23.09.2023).
16. Refik Anadol // *Refik Anadol*. URL: <https://refikanadol.com/works/machine-hallucinations-space-metaverse/> (data obrashcheniya: 23.09.2023).
17. Refik Anadol // *Refik Anadol*. URL: <https://refikanadol.com/information/> (data obrashcheniya: 23.10.2023).
18. Machine Hallucinations – Space // *Sotheby's*. URL: <https://www.sothebys.com/en/digital-catalogues/machine-hallucinations-space-metaverse> (data obrashcheniya: 23.10.2023).
19. Dataland // *Dataland*. URL: <https://dataland.art/> (data obrashcheniya: 23.10.2023).
20. Refik Anadol launches metaverse project with AV partners // *AV Magazine*. URL: <https://clck.ru/3A5gG7> (data obrashcheniya: 14.04.2023).
21. AI Van Gogh /AI data painting_ Immersive Experience // *Ouchhh Studio*. URL: https://ouchhh.tv/AI-VAN-GOGH_IMMERSIVE-DATA-PAINTING (data obrashcheniya: 14.04.2023).
22. Mario Klingemann | Memories of Passersby // *Sotheby's*. URL: <https://goo.su/Z2dozzI> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
23. Botto is a decentralized autonomous artist // *Botto*. URL: <https://www.botto.com/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
24. Meet the man behind AI artist, Botto // *Euronews*. URL: <https://clck.ru/3A5gJA> (data obrashcheniya: 25.05.2023).

25. Sougwen Chung // *Sougwen Chung*. URL: <https://sougwen.com/> (accessed 25.05.2023).
26. Sougwen Chung: Human and machine collaboration // *SuperRare*. URL: <https://superrare.com/magazine/2021/06/07/sougwen-chung-human-and-machine-collaboration/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
27. A Robot That Learns To Paint. The Union of Human and Artificial Intelligence in Painting // *AI_NORN*. URL: <https://ainorn.art/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
28. This Robot Can Paint. But Is It Art? // *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/02/science/ai-creativity-paintbot.html> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
29. Sophia // *Hanson Robotics*. URL: <https://www.hansonrobotics.com/sophia/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
30. Ai-Da // *Ai-Darobot*. URL: <https://www.ai-darobot.com/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
31. Google Arts & Culture And Belvedere Museum Trained An AI To Color Like Klimt // *Jing Daily Culture*. URL: <https://jingculturecrypto.com/google-arts-and-culture-klimt-ai/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
32. Klimt Foundation // *Klimt Foundation*. URL: <https://www.klimt-foundation.com/en/klimt-info/places/faculty-paintings-vienna-university/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
33. The Stories Behind Klimt's Faculty Paintings // *Google Arts & Culture*. URL: https://artsandculture.google.com/story/nwWxIZNv_3ZAIA (data obrashcheniya: 23.07.2023).
34. Klimt vs Klimt // *Google Arts & Culture*. URL: <https://artsandculture.google.com/pocketgallery/kAUxTZBD8McZyQ> (data obrashcheniya: 23.07.2023).
35. The Next Rembrandt Project // *The Next Rembrandt*. URL: <https://www.nextrembrandt.com/> (data obrashcheniya: 23.05.2023).
36. The Next Rembrandt: bringing the Old Master back to life // *Medium*. URL: <https://medium.com/@DutchDigital/the-next-rembrandt-bringing-the-old-master-back-to-life-35dfb1653597> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
37. Artificial Intelligence in Artworks and Restoration: Contributing to the Art World // *Artificial Paintings*. URL: <https://artificialpaintings.com/blog/2022/01/18/artificial-intelligence-in-artworks-and-restoration-contributing-to-the-art-world/> (data obrashcheniya: 03.05.2023).
38. Rembrandt's The Night Watch painting restored by AI // *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-57588270> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
39. Operation Night Watch. Closer than ever // *Rijksmuseum*. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/whats-on/exhibitions/operation-night-watch> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
40. Druzhinina A.A. Rasshirenie kontseptsii sovremennogo muzeya v internet-prostranstve s pomoshch'yu tekhnologiy na baze blokcheyna [Expanding the Concept of a Modern Museum in the Internet Space Using Blockchain-Based Technologies] // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGKhPU im. S.G. Stroganova*. 2023. № 2. Ch. 2. S. 56–67.
41. (Art)ificial intelligence – Creation, destruction, restoration // *Analytics India Magazine*. URL: <https://analyticsindiamag.com/artificial-intelligence-creation-destruction-restoration/> (data obrashcheniya: 25.05.2023).
42. The art of attribution and the attribution of art // *The Critic*. URL: <https://thecritic.co.uk/issues/november-2019/the-art-of-attribution-and-the-attribution-of-art/> (data obrashcheniya: 22.07.2023).
43. How AI Could Help Preserve Art // *Datanami*. URL: <https://towardsdatascience.com/how-ai-could-help-preserve-art-f40c8376781d> (data obrashcheniya: 23.05.2023).

Aleksandra A. Druzhinina – Lecturer at the Department of History of Art and Humanities, Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), e-mail: prof.druzhinina.a@gmail.com

Received March 10, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дружинина, А. А. Художник и нейросеть: конфликт, диалог, сотрудничество? / А. А. Дружинина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 58–65. DOI: 10.14529/ssh240207

FOR CITATION

Druzhinina A. A. Artist and neural network: conflict, dialogue or cooperation? *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 58–65. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240207

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ИСКУССТВЕ Н. К. РЕРИХА

С. А. Жук, О. Н. Кузнецова

Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация

В настоящей статье в очередной раз актуализируется вопрос понимания мировоззренческих смыслов в искусстве символизма, художественный язык которого носит условно-символический характер. В связи с тем, что «языковой» материал в символизме представляет собой систему символов, со свойственной ей семантической закрытостью, в статье актуализируется проблема метода прочтения глубинных, мировоззренческих смыслов.

В связи с проявлением в современных, научных публикациях факта семантической несогласованности в трактовке понятия «символ» и абстрагированием от его конструирующей функции следует акцентировать тот факт, что в данной работе в качестве теории символа позиционируется «логика символа» А. Ф. Лосева, где «символ» трактуется как функция и одновременно как художественный метод.

Именно с этих терминологических и методологических позиций исследуется художественный материал, представленный в статье работами русского художника-символиста Н. К. Рериха. В качестве метода выявления глубинных мировоззренческих смыслов в картинах художника в статье используются некоторые приемы герменевтической логики. С учетом характера рассматриваемых в статье проблем, где вопросы о художественном методе (символ как функция) и научном методе (герменевтическая логика) выступают как ключевые, можно указать на то, что данная работа в целом носит теоретический, методологический характер.

Ключевые слова: искусство, символизм, миропонимание, мировоззренческие смыслы, методология, герменевтика.

Введение

С самого начала осмысления комплекса проблем, которые находят отражение в данной статье, во главу угла выдвигается тезис о том, что тема символизма в искусстве никогда не утратит своей актуальности, поскольку в искусствоведении и в философской теории искусства продолжают дискуссии о методах и подходах к пониманию смыслов, «проговариваемых» условно-символическим языком. С указанной точки зрения можно выделить две основные методологические позиции.

Первый подход представляет собой декларирование основных признаков данного искусства: образы, «подобные снам», «туманным видениям», «грезам», культ мифа, свобода ассоциаций, абстрактная ритмизация форм, цвет, отчужденный от реальности, философский характер. То есть такой подход исчерпывает себя фактом «узнавания» и «называния» указанных черт. При этом даже упоминание о философском характере символизма выступает привычным штампом, не требующим развернутого объяснения. «Внешний», формальный характер подобного анализа не способствует выявлению мировоззренческих, философских смыслов в «заумном» искусстве символизма, но, напротив, затрудняет их понимание.

Второй подход, сугубо мировоззренческий, противостоит формальному взгляду на искусство, апеллируя к философским учениям А. Шопенгауэра [1] и Ф. Ницше [2], выступающим теоретической, мировоззренческой базой искусства символизма, обуславливая иррационализм миров в творчестве художников-символистов, требующий

от исследователя его рационализации и расшифровки. В современных науках об искусстве можно констатировать недостаточный характер исследования мировоззренческого, собственно философского аспекта в искусстве символизма, требующего его соотнесения напрямую с философией немецких философов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

Поэтому в статье актуализируется вопрос о недопустимости в научных исследованиях, а также в преподавании дисциплин, связанных с теорией и историей искусства, «вытеснения» из искусства символизма глубинных, мировоззренческих смыслов и замещения их «внешними», описательными методиками.

Именно с этих позиций рассматривается в статье творчество русского художника-символиста Н. К. Рериха, чьи мировоззренческие установки формировались в лоне философии Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, а также под влиянием «космизма» русской философии (Вл. Соловьев) [3], кроме того, с учетом ортодоксальных идей религиозно-философских учений Индии. Поэтому основная задача данной работы – выявить мировоззренческие, философские смыслы картин Н. К. Рериха. При этом необходимо преодолеть кажущуюся калейдоскопичность этих смыслов, выстраивая их в один связный «текст», используя для этой цели приемы герменевтической логики.

Обзор литературы

По итогам обзора научных публикаций, посвященных творчеству Н. К. Рериха, можно отметить, что во многом их характер обусловлен хронологическим фактором. Так, в научной литературе

60–70-х годов анализ живописных работ художника носил *формальный характер* (особенности колорита, тонкое чувство природы, народность и патриотизм), при этом с необходимостью указывается на *«ошибочный идеализм»* художника, согласно требованиям идеологических штампов того времени. Ярким примером такой литературы могут служить монографии В. П. Князевой [4], Е. И. Поляковой [5], изданные в указанный период.

Для публикаций последующих лет, конца 80–90-х гг., вполне легальным и характерным для научной литературы становится тема религиозно-философских и оккультных «духовных» предпочтений Рериха, отразившихся в его творчестве. Однако эта тема ограничивается у авторов формальным указанием на ту или иную теорию, легшую в основу творчества художника, без необходимой расшифровки ее мировоззренческих глубин, ее сути. В этом случае можно сослаться на публикации известного исследователя творчества художника Л. В. Короткиной [6].

О новом подходе к осмыслению наследия художника, обнаружившем себя в публикациях 2000-х годов, можно говорить в связи с выходом в свет работ В. А. Росова [7], где автор предпринимает попытку дать многоплановый, системный анализ многогранной творческой деятельности Н. К. Рериха: его философских, политических и собственно художественных исканий.

Следует также отметить, что по-прежнему издаются работы традиционно искусствоведческого плана о творчестве художника, но с включением их в расширенный спектр научной проблематики. Так, можно отметить книгу одного из авторов данной статьи С. А. Жука, где картины Рериха рассматриваются в контексте проблемы формирования горного пейзажа в русской живописи [8].

Поскольку данная статья имеет методологическую направленность, то второй блок литературы, определившей характер нашей работы, представлен методологическими исканиями в трудах М. Хайдеггера [9], П. Рикера [10], М. Бахтина [11], Н. Бердяева [12], В. Г. Кузнецова [13]. Именно эти ученые внесли значимый вклад в развитие науки герменевтики, а также в формирование герменевтического метода, учитывающего специфику гуманитарных наук. В настоящее время сформированный герменевтический методологический стандарт выступает методологической основой научных работ автора данной статьи О. Н. Кузнецовой [14].

К источникам по вопросам методологии изучения искусства относятся труды российского философа А. Ф. Лосева [15], *обосновавшего* научную теорию *символа, понимаемого как функция* (не прекращающийся процесс ассоциативного потока образов) и в то же время как *художественный метод* в искусстве символизма. Созвучна теории символа А. Ф. Лосева [15] и мировоззренческая концепция теоретика символизма А. Белого, обос-

нованная автором в книге «Символизм как миропонимание» [16].

Методы исследования

Наряду с традиционными, общенаучными методами, в статье используется герменевтическая логика, выступающая в качестве основной методологической базы настоящей работы. Дело в том, что *герменевтическая методологическая система* с широким спектром ее методологического инструментария («диалогически-понимающие» методики, реконструкционные гипотезы, приемы «вчувствования», *абстрагирования – отвлечение* от несущественного, *идеализации* – выделение особенного) позволяет (на «законных основаниях») брать во внимание и адекватно трактовать внелингвистические и внерациональные компоненты условно-символического искусства для выявления и *адекватного понимания его глубинных мировоззренческих доминант*.

Кроме того, важная составляющая часть методологической базы статьи представлена научной концепцией *символа*, обоснованной А. Ф. Лосевым [15], где символ понимается не как статичный знак, но как *функция*. В качестве общей мировоззренческой основы искусства символизма выступает теория символизма как способа миропонимания А. Белого [16].

Следует также указать на то, что в качестве основного научного подхода используется *системный подход*, а данное исследование носит *комплексный* характер. Именно эти методологические позиции являются основополагающими в нашей работе.

Результаты и дискуссия

Идеи символизма, мировоззренческую базу которого представляет иррациональный идеализм учений А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, оказали значительное влияние на творчество многих зарубежных и русских художников рубежа XIX–XX веков. В России возникли целые творческие объединения художников-символистов: «Голубая роза» в Москве, «Мир искусства» в Санкт-Петербурге. Знаменитые «дягилевские сезоны» в Париже открыли для Европы именно *философский* символизм русских художников, тогда как символизм французских живописцев, условно говоря, в это время уходит в основном в форматворчество орнаменталистики.

Символизм как мировосприятие, как особый способ понимания и переживания мира оказался созвучным внутреннему, духовному складу таких самобытных художников России, как М. К. Чюрленис, М. А. Врубель, Н. К. Рерих. Вполне сформировавшейся, зрелой личностью, носителем идей *символизма* выступает в своем творчестве Николай Константинович Рерих (1874–1947), несмотря на все его «эксперименты» с некоторыми религиозными увлечениями. Поэтому все проявления феномена «запредельного» (Шопенгауэр, Ницше) преломляются у Рериха в призме его изобразительного символизма. И уже в этом, символист-

ском преломлении «запредельное» находит свое отражение в картинах художника.

Так, особенностью картин Н. К. Рериха является то, что массовому зрителю, а зачастую и специалистам, оказывается недоступным понимание скрытых смыслов, зашифрованных художником в его работах. Необходимо учитывать то, что творчество художника с самого начала и до конца осуществлялось в «русле» символизма – художественно-эстетического течения, где основным тезисом позиционировалась мысль о том, что подлинная, *запредельная* сущность бытия сокрыта под обманчивым «покрывалом» материального мира.

Следует отметить, что основную часть живописных полотен художника, в которых отражена картина мира, представляют горы. Образ гор в картинах художника-символиста, безусловно, выступает в качестве символа. Традиционно в специальной литературе, воспринимая горы в работах Рериха как символ, авторы соотносят их, как правило, с образом «лестницы», трактуют как вертикаль бесконечных ступеней духовного восхождения человека. При этом акцентируется то, что гора является точкой слияния духовного и физического миров. Эта аналогия не нова: это – и «лестница» преподобного Иоанна Лествичника, и «лестница Иакова». Вот только в символизме все не так просто, не так прецедентно и не настолько «внешне», поскольку в символизме посредником между мирами: духовным и материальным, является *символ*, но он – не конкретный знак и не конкретный образ.

Рис. 1. Рерих Николай Константинович «Гималаи. Розовые горы», 1933, холст, темпера, 74x118 см. Музей Н. К. Рериха, Нью-Йорк

Fig. 1. Nikolai Roerich “Himalayas. Pink Mountains” 1933, tempera on canvas, 74x118 cm. Nicholas Roerich Museum, New York

Символ – это всего лишь намек, имеющий индифферентный характер, который требует разгадки. Поэтому символизм в искусстве, мировоззренческой базой которого является иррациональная философия символизма, по определению не соответствует «истинности» рационального познания. Рациональному методу, тем более рассудочному подходу символизм противопоставляет интуитивное знание иррациональной природы, рассматривая его как единственно адекватный способ постижения глубинных тайн ми-

роздания, тайн *сакрального мира*, недоступного для рационального восприятия.

Следует сказать, что в искусстве символизма *символ* – не статичный знак, но постоянное, непрекращающееся *ассоциативное движение*, как *поток-символизация*. Символ рождается и длится там, где *исходное* (форма, звук, цвет) говорит не о себе самом, но всегда *о чем-то ином*, семантически выходя за пределы себя самого. Именно «подвижностью» и иррационально-идеалистической природой символа объясняется ассоциативная образность и семантическая «размытость», которые свойственны художественному миру и узнаваемой, субъективной эстетике картин Н. К. Рериха.

Поэтому *символ-гора* на картинах Рериха не совпадает с самим изображением горы. *Символ горы*, рассматриваемый как поток ассоциаций, включает в себе совершенно *иной смысл*, нежели простое повествование о реальном мире. Горы Рериха как экраны, на которых мимолетным бликом – мерцание духовных, *сакральных* глубин мироздания. Открыть эти глубины в мире – значит, открыть их прежде в себе. Это и есть прорыв в духовное, в сокрытое. Это высший уровень проявления *духовного*, которым является такое *переживание человеком* иных, скрытых измерений мира, когда его нельзя выразить обычным человеческим языком, человеческим словом. Тогда художник говорит *языком символов*, который есть непрекращающееся *ассоциативное движение*. Поэтому высшим выражением духовных глубин мироздания, соотносящихся с той самой сокрытой Духовной Тайной, которая и есть основа мироздания, выступает Дух «тонкого» человека, по Рериху – «человека гор» или «горного» человека.

Чистые, незамутненные оттенки голубого, розового и белого цветов доминируют в картинах Рериха. В целом его творчество ассоциируется с голубым цветом – цветом надмирного, «горного», духовного (сакрального) бытия, мистическим цветом всех художников и поэтов-символистов. Этот цвет на картинах Н. Рериха вызывает ассоциации с удивительно звучным, насыщенным голубым цветом в иконах Дионисия. Однако иногда одновременное присутствие в голубой гамме картин Рериха резко контрастных включений черного или глубоких темных оттенков какого-либо иного цвета часто воспринимается как некий диссонанс.

Несомненно, символ *горы* в картинах художника в первую очередь символизируют категорию *сокрытого*, поскольку запредельность иного мира звучит с полотном торжественной музыкой красок. Цвета горных вершин в картинах художника почти ирреальные, почти неземные, сияющие блики, переливающиеся оттенки.

В основе данного художественного эффекта лежит использование Рерихом приема «прямого соответствия», то есть художественного приема, обоснованного в рамках теории искусства симво-

лизма и основанного на эффекте *синестезии* (греч. *synthesis* – соощущение). Поэтому *символика цвета* как одна из базовых основ в искусстве символизма получила обоснование в теории «духовного» как феномена символистского восприятия мира. Таким образом, можно утверждать, что творческий метод Рериха в полной мере соответствует мировоззренческой и художественной концепции символизма.

Следует понимать, что картины Рериха носят условно-символический характер. Они не о том, что мы видим в физическом мире, а о том, что воспринимается метафизически, сверхчувственно – о мире духовном, о мире преображенном. Его картины – это своего рода сообщения, «тексты», где глубокие смыслы как бы скрыты от «непосвященных», поэтому возникает необходимость дешифровать их, рационализировать их иррациональные и внелингвистические составляющие. Специфика искусства, «изъяняющегося» условным языком символов, диктует ученому выбор метода, адекватного специфике предмета. Эта необходимость очевидна в силу разнородности, несходства *иррациональной несоизмерности* предмета и *рационального* метода его исследования, когда логические модели и *рассудочный* характер размышлений являются явно *недостаточными*.

А между тем творчество Рериха остается одним из самых неисследованных и потому не понятых зрителем или «не так» понятных для него. Причиной этого прежде всего выступает то, что помимо основной его мировоззренческой доктрины – «философии символизма» – автор попытался адаптировать к ней и «космизм» русской философии, и идею христианской «соборности», и восточный мистицизм. При этом возникает ощущение, что все эти составляющие не обрели мировоззренческой целостности в авторском видении мира и отражении его в искусстве. Это проявляется в сюжетно-семантическом плане, когда художественный мир автора вдруг становится дробным, калейдоскопичным.

Последним мировоззренческим «оплотом» в ряду увлеченностей автора другими философскими идеями, кроме философии символизма (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), выступает учение Агни-Йоги, которое носит характер притч, иносказаний, откровений, переданных неким невидимым Учителем Рериху «из уст в уста». Эзотерический, иносказательный характер данных текстов препятствует непосвященному читателю проникнуть в глубины закрытых от него смыслов. Для понимания их читателю тоже требуется учитель-переводчик. И уж коль скоро ученый принимает на веру реальность волшебного Учителя, то ему тоже надлежит стать таковым. А вот здесь наука может возмутиться.

Поэтому в большинстве своем мы тянемся очарованно к картинам Рериха, но истинных смыслов его картин не видим. И потому, отталкиваясь

от названий его работ, мы описательно делаем отсылки к фольклору, к идеям и смыслам христианского учения, к алтайским сказаниям или индийской мифологии, перечисляя многочисленные имена их персонажей, выстраивая их в ряды аналогий. Благодаря такому посылу, художественный мир автора дробится, теряет некую внутреннюю смысловую целостность, принимая характер некой калейдоскопичности, затрудняя наше понимание.

Однако на уровне нашего эстетического восприятия картин художника в мировоззренческом диалоге с автором как с символистом, использующим соответствующий творческий метод, мы чувствуем удивительную целостность восприятия им мира и отражения этого мира в искусстве. Каковы же основные черты этого мира? Здесь можно говорить о стилизации плоскостного изображения, подобно иконописи, о «кристаллической графике» картин, о той палитре оттенков «синестезийно» звучащих «красок», которая присуща работам художника. Их сочетание рождает эффект космической отстраненности природы от человека. Как было сказано выше, это иной, запредельный мир. Это мир, переживший Преображение вторым приходом Христа? Или это отблески иного, духовного плана, упавшие на материю физического мира?

Но если предыдущий тезис хоть сколько-то будет понятен рациональному сознанию, то вряд ли кто-то «узнает» в картинах Рериха эффект *одиночества* маленького человека перед величием вечных гор, сияющих холодными оттенками синего, розового или ослепительно белого. Это одинокий путник, одинокий всадник (Гессер-хан), одиноко сидящий на краю скалы человек («Песнь о Шамболе»). Есть ощущение какого-то вселенского бесприютства, экзистенциальной заброшенности человека в этом мире. Человек идет ведомыми и неведомыми путями к Истине, которая ускользает от него, оставаясь недоступной («Ведущая») (рис. 2).

Рис. 2. Рерих Николай Константинович. «Ведущая», 1924, холст, темпера, 116 x 73,3.

Государственный музей народов Востока. Москва
Fig. 2. Nikolai Roerich "Leading", 1924, tempera on canvas, 116x73.3 cm. State Museum of Oriental Peoples, Moscow

На картине художника «Матерь Мира» с закрытыми пеленой глазами, в состоянии абсолютного гармоничного покоя – ... видит ли она ма-

ленького человека, его поиск Шамбалы как мудрости, его устремленность к Душе Мира? ... к Тайне мироздания.

Иногда Рерих «объединяет» людей в некое шествие, как это можно видеть в картине «Армагеддон» (рис. 3). Традиционные трактовки смыслов этой работы сводятся к тому, что в «очистительном» огне сгорает все отжившее, негативное, темное с одновременным указанием на вереницу черных фигурок людей, сгорбленных от старости, от поклаж на спинах, с посохами.

Рис. 3. Рерих Николай Константинович «Армагеддон», 1936, холст, темпера, 92x122 см. Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Fig. 3. Nikolai Roerich "Armageddon", 1936, tempera on canvas, 92x122 cm. State Museum of Oriental Art, Moscow

Они вынуждены идти. Куда? Мы видим сочувствие художника. Он изображает их – маленьких и беззащитных, и не увидеть этого нельзя.

То же «шествие» мы видим на картине «Чудь подземная» (рис. 4). Те же маленькие сгорбленные фигуры людей уходят, навсегда скрываются в глубоких пещерах гор. Мы знаем эту легенду, но что предлагает увидеть в своей картине Рерих?

Рис. 4. Рерих Николай Константинович «Чудь подземная», 1929–1930, холст, темпера, 89x148 см.

Частное собрание, США

Fig. 4. Nikolai Roerich "Underground people", 1929–1930, tempera on canvas, 89x148 cm. Private collection, USA

Как призывно, как радостно и ликующе сверкает безукоризненной белизной величественная

вершина на фоне звенящей синевы небес! Вот оно – благо! Победа света! Торжество Духовного! Но ... уходит маленький народ чудь.

Как мы видим, творчество Рериха полно загадок, алогичностей. Зачастую автор декларирует одно, но мы не можем не увидеть другое, о чем автор «проговаривается» волюн или невольно. Работы Рериха не поддаются однозначным трактовкам их смыслов. Они заставляют задуматься, абстрагироваться от привычных стереотипов рассудочного мышления. Они загадывают загадки и ждут своего исследователя, который не сможет не заметить, при всей белизне православного храма и исходящего от него такого же белого света, тревожный красный блик на его неожиданно черном куполе в картине «Звенигород» (рис. 5).

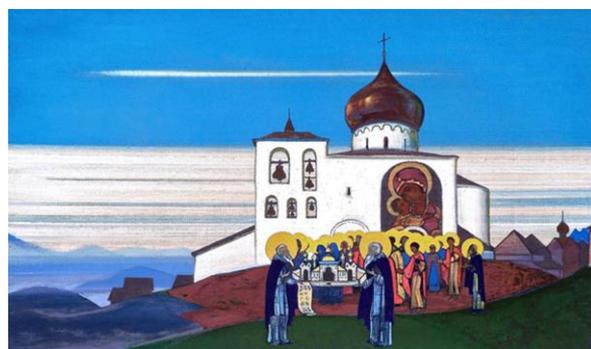

Рис. 5. Рерих Николай Константинович «Звенигород», 1933, холст, темпера, 46.2x79 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

Fig. 5. Nikolai Roerich "Zvenigorod", 1933, tempera on canvas, 46.2x79 cm. Nicholas Roerich Museum, New York

И ... как мало «избранных» в золотых ореолах над головами у стола торжественной Трапезы. Мир пуст. Траурно черен купол с красным бликом на нем. Мало оказалось «горних», «людей гор» (Рерих), спасшихся в Армагеддоне.

Тема «большого» человека также присутствует в творчестве Рериха. В первую очередь это его «богатырская» тема. В памяти сразу же всплывает картина «Святогор». Богатырь так велик, что не помещается в пространство картины. Его лик спокоен, серьезен, вдумчив. Но есть в его лице и общем облике что-то, что вызывает сочувствие у зрителя: как будто он так могуч, что не умещается сам в себе. В нем есть что-то сверхчеловеческое. Невольно возникает ассоциация с фресками Феофана Грека. На бороде богатыря, его усах те же сполохи света, что вызывают ассоциацию со знаменитыми рефlekсами на лицах, полных мистической экзальтации, у святых и праотцев человечества, запечатленных великим иконописцем.

Образ «Святогора» ассоциируется с самим Рерихом. Не с хрупкой его фигурой, не с прижизненным признанием его великих заслуг и его таланта, но, возможно, с той величиной его духа и его помыслов, может быть, не разрешенных мировоззренческих вопросов, о которых он «проговаривается»

в искусстве. Возможно, с тем грузом не озвученного им покаяния, о котором он красноречиво «молчит» в одноименной картине «Покаяние». Невозвращение на Родину, в ее суровую, военную годину. Невозвращение никогда. Он, безусловно, человек мира. Но душа «большого-маленького» человека иногда в его картинах плачет.

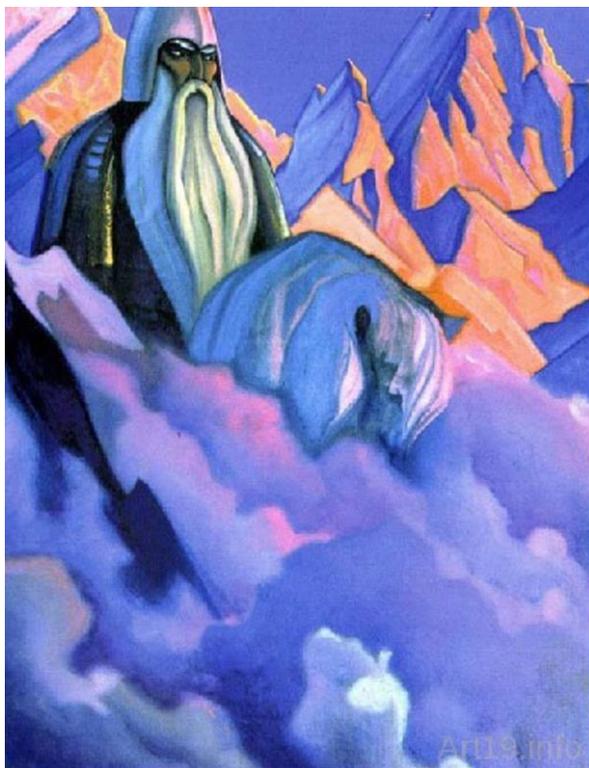

Рис. 6. Рерих Николай Константинович «Святогор», 1942, холст, темпера, 122x91,5 см.

Государственный музей Востока, Москва

Fig. 6. Nicholas Roerich "Svyatogor", 1942, tempera on canvas, 122x91.5 cm. State Museum of Oriental Art, Moscow

Выводы

Целью данного, «герменевтического» взгляда на творчество Н. К. Рериха было намерение абстрагироваться от стереотипов суждений о работах этого художника, штамповых рассудочных трактовок, показать необходимость выявления смыслов художественного произведения, которые не лежат на поверхности, но сокрыты и ждут своего исследователя. Необходимо преодолеть шаблоны трактовок, выработанных в науке за годы, переходящих из публикации в публикацию, поддерживаемых незыблемым конвенционализмом.

Наш экскурс, обращенный к творчеству Н. К. Рериха, в очередной раз обнаружил, что сугубо описательный или сугубо рациональный подходы к искусству символизма недостаточны, поскольку он (символизм) пытается «говорить» с нами отнюдь не простым, а сложным, зашифрованным языком символов. Это обстоятельство предъявляет исследователю требование особых личностных качеств:

– знать о философских исканиях художника (он всегда философ!);

– опираться на научную теорию символа, не допуская «волюнтаризма» в трактовке этой категории;

– владеть методом, соответствующим специфике предмета исследования, с его внелингвистическими и иррациональными аспектами;

– обладать интуитивной формой познания, диалогическим мышлением, эмпатией, быть способным к *эвристической* научной деятельности.

Именно поэтому возникает исследовательская потребность в специфической методологии, какой выступает герменевтика.

Литература

1. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М. : АСТ, 2020. – 576 с.
2. Ницше, Ф. Антихристианин / Ф. Ницше // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1990. – С. 17–93.
3. Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев. – М. : АСТ, 2004. – 251 с.
4. Князева, В. П. Николай Константинович Рерих. 1874–1947 / В. П. Князева. – Л. ; М. : Искусство, 1963. – 113 с.
5. Полякова, Е. И. Николай Рерих / Е. И. Полякова. – М. : Искусство, 1973. – 303 с.
6. Короткина, Л. В. Творческий путь Николая Рериха / Л. В. Короткина. – СПб. : АРС, 2001. – 184 с.
7. Россов, В. А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окрестностям пустыни Гоби : в 2 т. / В. А. Россов. – СПб. : Алетейя ; М. : Ариаварта-Пресс, 2002–2004. – 176 с.
8. Жук, С. А. Горный пейзаж в отечественном искусстве: этапы развития, типология, стилистик / С. А. Жук. – Барнаул : Изд-во АГИК, 2020. – 195 с.
9. Хайдеггер, М. Ницше и пустота / М. Хайдеггер. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 304 с.
10. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М. : Медиум, 1995. – 416 с.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
12. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре / Н. А. Бердяев: Философия и мировоззрение. – М. : Политиздат, 1990. – С. 73–83.
13. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 196 с.
14. Кузнецова, О. Н. Понимание мировоззренческих смыслов в искусстве условно-символического характера с позиций герменевтики / О. Н. Кузнецова. – Барнаул : Изд-во АГИК, 2019. – 295 с.
15. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
16. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.

Жук Сергей Анатольевич – кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Кузнецова Ольга Николаевна – доктор искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: onk2007@mail.ru

Поступила в редакцию 27 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240208

UNDERSTANDING WORLDVIEW IN THE ART OF NICHOLAS ROERICH

S. A. Zhuk, O. N. Kuznetsova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation

This article updates the understanding of the ideological meanings in the art of symbolism, an artistic language which is conditionally symbolic in nature. As the “linguistic” material in symbolism is a system of symbols, with an inherent semantic closure, the article analyzes the method of deep reading and worldview meanings. In connection with the manifestation in modern scientific publications of the fact of semantic inconsistency in the interpretation of the concept of “symbol” and abstraction from its constructive function, it should be emphasized that in this work the “logic of the symbol” by Aleksei Losev is positioned as a theory of symbol, where “symbol” is interpreted as a function and as an artistic method. It is from these terminological and methodological positions that the works of the Russian symbolist artist Nicholas Roerich are examined. To identify the ideological meanings in the artist’s paintings, the article uses hermeneutic logic. Taking into account the nature of the problems considered in the article, where questions about the artistic method (symbol as a function) and the scientific method (hermeneutic logic) are key, this work is of a theoretical, methodological nature.

Keywords: art, symbolism, worldview, worldview meanings, methodology, hermeneutics.

References

1. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie [The World as will and Representation]. M.: AST, 2020. 576 s.
2. Nitshe F. Antikhristianin [Twilight of the Gods] // *Sumerki bogov*. M.: Politizdat, 1990. S. 17–93.
3. Solovov V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings about God-manhood]. M.: AST, 2004. 251 s.
4. Knyazeva V.P. Nikolaj Konstantinovich Rerikh. 1874–1947 [Nicholas Konstantinovich Roerich. 1874–1947]. L.; M.: Iskusstvo, 1963. 113 s.
5. Polyakova E.I. Nikolaj Rerikh [Nicholas Roerich]. M.: Iskusstvo, 1973. 303 s.
6. Korotkina L.V. Tvorcheskij put Nikolaya Rerikha [The Creative Path of Nicholas Roerich]. SPb.: ARS, 2001. 184 s.
7. Rossov V.A. Nikolaj Rerikh. Vestnik Zvenigoroda. Ekspeditsii N.K. Rerikha po okrainam pustyni Gobi [Nicholas Roerich. Bulletin of Zvenigorod. Expeditions N.K. Roerich on the Outskirts of the Gobi Desert]: v 2 t. SPb.: Aletejya; M.: Ariavarta-Press, 2002–2004. 176 s.
8. Zhuk S.A. Gornyj pejzazh v otechestvennom iskusstve: etapy razvitiya, tipologiya, stilistik [Mountain Landscape in Russian Art: Stages of Development, Typology, Stylist]. Barnaul: Izd-vo AGIK, 2020. 195 s.
9. Khajdegger M. Nitshe i pustota [Nietzsche and Emptiness]. M.: Algoritm; Eksmo, 2006. 304 s.
10. Riker P. Konflikt intepretatsij. Oчерki o germenevtike [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. M.: Medium, 1995. 416 s.
11. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
12. Berdyaev N.A. Volya k zhizni i volya k kulture [The Will to Life and the Will to Culture] // *Filosofiya i mirovozzrenie*. M.: Politizdat, 1990. S. 73–83.
13. Kuznetsov V.G. Germenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and Humanitarian Knowledge]. M.: Izd-vo MGU, 1991. 196 s.
14. Kuznetsova O.N. Ponimanie mirovozzrencheskikh smyslov v iskusstve uslovno-simvolicheskogo kharaktera s pozitsij germenevtiki [Understanding Worldview Meanings in Art of a Conditionally Symbolic Nature from the Perspective of Hermeneutics]. Barnaul: Izd-vo AGIK, 2019. 295 s.

15. Losev A.F. Problema simvola i realističeskoe iskusstvo [The Problem of Symbol and Realistic Art]. M.: Iskusstvo, 1995. 320 s.
16. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as a Worldview]. M.: Respublika, 1994. 528 s.

Sergey A. Zhuk – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul),
e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Olga N. Kuznetsova – D. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul),
e-mail: onk2007@mail.ru

Received November 27, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жук, С. А. Проблема понимания мировоззренческих смыслов в искусстве Н. К. Рериха / С. А. Жук, О. Н. Кузнецова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 66–73. DOI: 10.14529/ssh240208

FOR CITATION

Zhuk S. A., Kuznetsova O. N. Understanding worldview in the art of Nicholas Roerich. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 66–73. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240208

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ

Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО «МАРК ШАГАЛ»

Е. В. Абрамовских

*Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара,
Российская Федерация*

В статье выстраивается субъектная структура стихотворения Р. Рождественского «Марк Шагал». Стихотворение, относящееся к ролевой лирике, организовано как диалог лирического «я» (с активной прямо оценочной точкой зрения) и героя ролевой лирики (художник). Лирическое «я» ценностно совпадает с героем-художником. В кульминации стихотворения наблюдается субъектный неосинкретизм, нерасчлененность точки зрения «героя» и субъекта. Позиция слушателя – позиция внутреннего приобщения к коллективному «знанию», адресат входит в «круг» своих. Герой хранит и передает это знание.

Лирический субъект проникает в ментальный мир родного города художника Марка Шагала – Витебска. В авторской текстовой стратегии диалог героев становится точкой бифуркации для реализации описательного высказывания (экфрасиса) и повествовательного высказывания (диегезиса).

Экфрасис раскрывает топографию Витебска (улицы Смоленская, Замковая, река Видьба, Пожарная каланча). Эти образы визуализируются на полотнах М. Шагала. Диегетическое пространство – ментальное пространство событийного опыта, пространство памяти (мир детства, юности, национальной культуры). Воссоздание мира Витебска строится как стилизация под архаичные нарративные практики – эпические сказания. Здесь выражается прецедентная картина мира («круговорот жизни – смерти – жизни»).

В финале стихотворения лирический субъект приходит к «акту самосознания» через приобщение к культурной и ценностной парадигме героя.

Ключевые слова: субъектная структура, экфрасис, диегезис, ролевая лирика.

Марк Шагал

Он стар
и похож на свое одиночество.
Ему рассуждать о погоде
не хочется.

Он сразу – с вопроса:
– А Вы не из Витебска?.. –
Пиджак старомодный
на лацканах вытерся...
– Нет, я не из Витебска...

... Долгая пауза.
А после – слова
монотонно и пасмурно:

– Тружусь и хвораю...
В Венеции выставка...
Так Вы не из Витебска?..
– Нет, не из Витебска...

Он в сторону смотрит.
Не слышит,
не слышит.
Какой-то нездешней далёкостью
Дышит.
Пытаясь до детства
дотронуться бережно...
И нету ни Канн,
ни Лазурного берега,
ни нынешней славы...
Светло и растерянно
он тянется к Витебску,
словно растение...
Тот Витебск его –
пропыленный и жаркий –

приколот к земле
каланчою пожарной.
Там свадьбы и смерти,
моления и ярмарки.
Там зреют
особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...

– А Вы не из Витебска?..
Он замолкает...
И вдруг произносит,
как самое-самое,
названия улиц:
«Смоленская»,
«Замковая»,
Как Волгою,
хвастает Видьбой-рекою
и машет
по-детски прозрачной рукою...
– Так Вы не из Витебска...

Надо прощаться.
Прощаться.
Скорее домой
возвращаться...
Деревья стоят вдоль дороги навтыяжку.
Темнеет...

И жалко,
что я не из Витебска [1, с. 635–637].

Введение

Субъектная организация стихотворения Р. Рождественского строится как диалог лирического «я» (с активной прямо оценочной точкой зрения) и героя ролевой лирики (художник). Геройная ипостась субъекта очевидна и раскрывается уже в заглавии («Марк Шагал»), являющемся ключом к прочтению текста. Герой наделен личной и творческой «биографией». Анализ субъектной структуры стихотворения Р. Рождественского позволит глубже понять ценностное ядро текста.

Обзор литературы

Стихотворение Р. Рождественского «Марк Шагал» рассматривается в контексте творчества художника (интересны работы Т. Е. Автухович [2], В. Я. Малкиной [3]). Безусловно, эта доминантная исследовательская стратегия позволяет выстроить экфрасическую поэтику и показать особенности рецепции творчества Марка Шагала. Наряду со стихотворением Р. Рождественского исследователи приводят такие тексты, как «Царкосельская ода» А. Ахматовой, «Pictoris confessio (Исповедь художника)» (1951) С. Петрова, «Холодеет душа и близится сумрак...» (1965) И. Чиннова, «Васильки Шагала» А. Вознесенского, «После выставки» (1983) Ю. Одарченко, «Майская ночь в лесу» (1988) С. Липкина, «Марк Захарович Шагал...» В. Егорова, «На одной из картин Шагала», «На могиле Шагала» и «Марк Шагал» А. Городницкого, и «Шагал по городу Шагала...» А. Орлова (Орлуши).

Методы исследования

В теоретическом основании данной работы лежит концепция С. Н. Бройтмана о субъектных структурах в лирике: «Под лирическим “я” понимают не биографическое “я” поэта, а ту форму или тот художественный образ, который он создает из своей эмпирической личности» [4, с. 255–256]. Рассматривая ролевую лирику, С. Н. Бройтман указывает, что «...в ролевых стихотворениях всегда присутствуют два внутренне связанных субъекта, хотя граница между ними может колебаться от предельного различия до предельной неразличимости. Поэтому в одних случаях героя можно назвать почти, но именно «почти», отдельным от автора персонажем, а в других – авторской «маской» [5, с. 314].

Результаты и дискуссия

В авторской текстовой стратегии диалог героев становится точкой бифуркации для реализации описательного высказывания (экфрасиса) и повествовательного высказывания (диегезиса).

Экфрасис раскрывает топографию Витебска (улицы Смоленская, Замковая, река Видьба, Пожарная каланча). Эти образы визуализируются на полотнах М. Шагала различных периодов творчества («Понюшка табаку» (1912), «Продавец скота» (1912), «Рождение» (1912), «Скрипач» (1912), «Над Витебском» (1915), «Окно. Витебск» (1908), «Вид из окна.

Витебск» (1908), «Суббота» (1909), «Семья или материнство» (1909), «Святой кучер» (1911)).

Диегетическое пространство реализуется как ментальное пространство событийного опыта, пространство памяти (мир детства, юности, период становления, мир национальной культуры).

В некоторых фрагментах текста лирическое «я» ценностно совпадает с героем-художником, а в некоторых проблематизируется собственная идентичность. Углубление и переосмысление событийного, ментального, культурного опыта «другого» и поиск собственной идентичности составляют лирический сюжет. Развитие сюжета изображается от скупых ремарок до развёрнутого воссоздания прошлого героя.

Композиционно части стихотворения обозначены риторическим вопросом «А Вы не из Витебска?», трижды повторенным в тексте. Четвёртый раз уже не вопрос, а констатация: «– Так Вы не из Витебска...»

Т. Н. Колокольцева, анализируя «текстообразующий потенциал диалогичности» в лирике А. Вознесенского и Р. Рождественского, относит «риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, вопросно-ответные структуры» [6, с. 72] к фигурам диалогизма и определяет их «важную роль в построении лирического произведения в целом» [6, с. 72].

Стихотворение Р. Рождественского строится как постоянное переключение точек зрения и речевых регистров: точка зрения лирического субъекта, точка зрения художника, «слово» лирического субъекта и «слово» художника, что создаёт сложный диалог героев. С. Н. Бройтман определял эту особенность как «игру точек зрения голосов и ценностных интенций» [5, с. 320].

«Он стар», «он похож на свое одиночество», «ему рассуждать о погоде не хочется» – оценка героя дана с точки зрения лирического «я». Герой не тратит время на пустые разговоры, проникает в суть вещей («сразу с вопроса»), заинтересован встречей за границей – далеко от родины, с человеком из «своего» мира.

Реакцией на слова «Нет, я не из Витебска» становится ремарка «Долгая пауза», за которой угадывается сожаление, разочарование. В первой части при ответе на вопрос использовано местоимение «я»: «Нет, я не из Витебска». Это «я» еще выделено как самостоятельное сознание, отличное от героя.

Во второй части слово доверено герою, который оценивает ситуацию здесь и сейчас: «тружусь и хвораю». Затем упоминается другое пространство, «чужое»: Венеция («в Венеции выставка»), Канны, Лазурный берег. С внешней стороны – это новый ментальный статус – слава, признание, востребованность. Но исходя из внутреннего мира героя – одиночество.

Во второй раз герой задаёт вопрос с частицей «так», чувствуется досада: «Так Вы не из Витебска?» Лирический субъект отвечает – «нет, не из Витебска», «я» в этом случае уже не выделяется, как будто сам лирический субъект не уверен до конца, как будто кто-то другой не из Витебска.

Воспоминания героя выстраиваются лирическим субъектом – «тот Витебск его» («тот», которого уже нет), «он тянется к Витебску, словно растение» (тянуться к небу, прорасти корнями).

Сам герой уходит в свои воспоминания, ментально изолируется. Лексический повтор «не слышит, не слышит» указывает на оторванность от ситуации «здесь и сейчас»: «в сторону смотрит», «какой-то нездешней далёкостью дышит». Окказионализм «далёкость» вбирает и связь времён (реальное / сказочное, прожитое / воображаемое), и ностальгию. «Дышит далёкостью» – метафора пребывания в идеальном прошлом.

Ремаркой «светло и растерянно» характеризуется детское, чистое, наивное, святое восприятие мира прошлого.

Описание Витебска художника даётся с точки зрения лирического субъекта, который воспринимает его исходя из своего опыта проживания творчества Шагала. Представляется, что здесь можно говорить об экфрастической поэтике, поскольку нет полного описания картин, но в тексте реализуются отдельные образы, детали, символы, «точка зрения», соотносимые с творчеством Марка Шагала.

Точка зрения на город панорамная, сверху: город как будто прибит к земле пожарной каланчой (метафора); герой «тянется к Витебску, словно растение» – амбивалентно прорастает с небес на землю. По словам М. Г. Смолиной, «...приподнятое над землей состояние отнюдь не редкость для героев Марка Шагала. Словно во сне, над крышами летят коровы и ослы, скрипачи, старики, равнины, ангелы» [7, с. 335].

«Там свадьбы и смерти,
моления и ярмарки.

Там зреют
особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...»

Приведённый фрагмент можно считать кульминацией стихотворения. Здесь наблюдается субъектный неосинкретизм, нерасчлененность точки зрения «героя» и субъекта. Позиция слушателя – позиция внутреннего приобщения к коллективному «знанию» (хвале), адресат входит в «круг» своих. Герой хранит и передаёт это знание. Воссоздание мира «того» Витебска строится как стилизация под архаичные нарративные практики – эпические сказания. Здесь выражается прецедентная картина мира, «...круговорот жизни – смерти – жизни» [8, с. 226], «...в рамках которого

происходит только то, что и должно происходить» [9, с. 190]. По определению М. Элиаде «архаичский человек» отказывается «...наделять значимостью нерегулярные события (то есть события, не имеющие архетипической модели)» [10, с. 132]. События, имеющие архетипические модели: «Свадьбы», «Смерти», «Моления». Причём «смерть» и созревание плодов («зреют особенно крупные яблоки») – это явления одного порядка.

Выстраивается нарративная дистанция между событиями, о которых рассказывается, и событием самого рассказывания. «Яблоки зреют» и «сонный извозчик по городу катит» – настоящее время здесь и сейчас. «Яблоки» как знак райского сада, соответственно, Витебск с точки зрения героя воспринимается как рай на земле (миф о золотом детстве человечества).

У читателя возникает ощущение, что герой успокаивается после рассказа о Витебске. По определению В. И. Тюпы: «Отсутствие страха перед окружающей действительностью и укрепление веры в нерушимость жизнеуклада – основополагающая сверхценность в коммуникативном пространстве мифа...» [9, с. 196].

Названия улиц взяты в кавычки, и это может рассматриваться как своеобразный парафраз к названию картин – «Смоленская», «Замковая». В кругозоре героя они являются произведениями искусства. Лирический субъект реальных улиц Витебска не знает, в отличие от творчески преобразованного Витебска на полотнах Шагала.

Интересным представляется сравнение «Как Волгою, / хвастает Видьбой-рекою». В этой строке проявляется позиция лирического субъекта и выстраивание собственной идентичности – он «другой», и у него есть «своя» река Волга, в отличие от Видьбы героя.

Риторический вопрос героя «А Вы не из Витебска?» – это приглашение к диалогу о «его» Витебске, своего рода рассказ (сказание) о «его» Витебске.

Биографическое пространство Витебска Марка Шагала (мир «еврейского местечка») достаточно хорошо изучено [7, 11]. Обозначим лишь некоторые факты, связанные с пребыванием Шагала в Витебске.

Марк Шагал родился в Витебске 6 июля 1887 года, вырос в окружении традиционного быта и патриархального уклада. В Витебске Шагаль занимались торговлей. Отец служил приказчиком на складе сельди, мать содержала бакалейную лавку в доме, где жила семья. В 1900 году Шагаль построили одноэтажный каменный дом рядом с уже существующим деревянным на Покровской улице, 29. Здесь Шагаль жили до конца 1920-х годов. Осенью 1900 года Марк поступает в Витебское четырехклассное городское училище с ремесленным уклоном. Посещает художественную школу Юдея Пэна, первого учителя. Зимой 1906/07

года Марк Шагал уезжает в Петербург. В 1915 году женится на Белле Розенфельд. В декабре 1917 года уезжает с семьей в Витебск. 12 сентября 1918 года решением Наркомата по просвещению назначен уполномоченным (комиссаром) по делам искусств в Витебской губернии. Организует оформление Витебска к первой годовщине революции. Объявляет прием в Народное художественное училище. В апреле 1919 года принимает заведование Народным художественным училищем, ведет в нем свою «Свободную живописную мастерскую». Выступает в прессе, организует диспуты, пишет публицистические статьи. В 1920 году активно участвует в организации Витебского музея современного искусства. В июне после конфликта с Казимиром Малевичем покидает Витебск и уезжает в Москву. По рекомендации Абрама Эфроса выполняет декорации и костюмы к спектаклю «Вечер Шолом-Алейхема», пишет живописные панно для зрительного зала Еврейского камерного театра. В 1922 году Марк и Белла навсегда покидают Россию.

Летом 1973 года Марк Шагал совершил поездку в Москву и Ленинград. В Москве в это время открылась его выставка, и художник передал в дар Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина 75 своих литографий. За день до отъезда в Париж, 20 июня, он сказал: «Я хотел бы... передать сердечный привет, мою любовь и самые добрые пожелания Витебску и моим землякам. Я решил отказаться от поездки в Витебск только потому, что, как говорят, сильное эмоциональное волнение опасно для людей моего возраста. Но все равно помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы. Это, может быть, и недостаток, но отнюдь не с моей точки зрения» [12, с. 8].

Своё витебское детство Марк Шагал описал в автобиографической книге «Моя жизнь», наполненной тонкими лирическими воспоминаниями [13].

15 февраля 1944 года в нью-йоркском еженедельнике «Эйникайт» он публикует письмо – стихотворение в прозе – «К моему родному городу Витебску»:

«Как давно мой город любимый, не видел тебя, не слышал, не беседовал с облаками твоими, не опирался о заборы твои.

Подобный грустному вечному страннику – дыханье твое я переносил с одного полотна на другое, все эти годы я обращался к тебе, ты мне мерещился во сне.

Мой дорогой, почему ты не сказал мне с любовью – тогда, много лет назад: “Ты зачем покидаешь меня?”

На твоей земле, моя родина, душа моя, я оставил ту гору, в которой лежат мои умершие родители – камни осыпаются там и шуршат.

Почему я ушел от тебя? Мое сердце с тобою, с обновленным миром твоим, светозарным примером в истории» [14, с. 14].

Эта любовь к городу была лишь частицей любви к своему народу, родственникам, друзьям и знакомым.

По словам Н. В. Апчинской, ключевой образ в искусстве Шагала – «...человек, движущийся вперед с лицом, обращенным назад» [15, с. 179]. Это является определённым вектором и к интерпретации текста.

В четвёртый раз герой уже не спрашивает, а констатирует («– Так Вы не из Витебска...»). Герой приобщает субъекта к «своему» Витебску. Лирический субъект отвечает сам себе спустя некоторое время – «и жалко, что я не из Витебска». Поиск идентичности завершается её обретением.

В. Я. Малкина в работе «Образ Марка Шагала в российской поэзии XX века» справедливо пишет: «Наконец, образом темной дороги, уходящей то ли домой, то ли в никуда, стихотворение и заканчивается. Точки зрения лирического субъекта и героя (Шагала) как бы сливаются в одну картину» [3, с. 150].

Действительно в финале стихотворения происходит, с одной стороны, познание Витебска, культуры, взрастившей Шагала; с другой стороны, осознание лирическим субъектом себя как «другого». Лирический субъект, у которого есть Волга, как у героя-художника Витьба, есть «дом», в который «скорее» «пора» возвращаться, и деревья там стоят «вдоль дороги навтыжку». Этой метафорой передано совершенно другое мироустройство – всё «ровно», по-другому, в то время как у Шагала нет прямых линий. Там, куда нужно возвращаться, всё живёт по иным законам, аутентичным лирическому «я». Это вполне реальный пейзаж, не преобразованный творческим воображением Шагала, в четко выдержанных пространственно-временных координатах, в рамках «реалистического изображения». Стихотворение может рассматриваться как диалог об искусстве: познание художественного мира «другого», поиск самоидентичности, создание «своего» художественного мира, исследование и выстраивание «другого» мира и углубление «своего».

Автором использованы принципы визуализации текста – выделение отдельных слов, словосочетаний (фиксация на отдельной строке), что создаёт многозначность прочтения. Например, «Темнеет...» относится к самостоятельной строке, после которой используется фигура умолчания. Затем новая строфа «И жалко» начинается с союза, объединяющего разноречивые высказывания, относящиеся и к внешнему миру, и к внутреннему. Такое построение акцентирует внимание на слове «жалко» – «жалко» расставаться, «жалко» осознавать «старость» и одиночество героя-художника, «жалко», что прошлое не вернуть. Рефрен в фина-

ле выводит на новое осмысление текста. «И жалко, что я не из Витебска», но уже «я» – другой, осознавший это опыт. Между «я» первой строфы и последней выстроена огромная дистанция. Иными словами, код текста можно расшифровать таким образом: и жалко, что «я» не принадлежу к миру художника, хотя так его понимаю и после диалога о его мире, творчестве, биографии, пространстве и культуре становлюсь другим и лучше понимаю себя.

Выводы

Таким образом, субъектная архитектура стихотворения эволюционирует от различия «Я» и «Другого» к некой неосинкретической форме – «надо прощаться» (нам), «скорее домой возвращаться» (нам). Лирический субъект вбирает опыт героя.

По словам С. Н. Бройтмана, «Хотя в лирике дистанция между автором и героем тоньше и трудней уловима, чем в других родах литературы, но граница эта является исторически меняющейся величиной. Наименьшая она при синкретическом типе лирического субъекта, большая – при жанровом его типе, а в индивидуально-творческой поэзии сама эта граница (и ее кажущееся отсутствие) становится эстетически-сознательно разыгранной» [5, с. 320], что мы и показали на примере анализа стихотворения Р. Рождественского.

Литература

1. Рождественский, Р. Марк Шагал / Р. Рождественский // Полное собрание сочинений. – М. : Эксмо, 2019. – С. 635–637.
2. Автухович, Т. Е. Невыразимо выразимое в поэзии и живописи: Язэп Дроздович и Марк Шагал в зеркале поэзии / Т. Е. Автухович // *Antropologiczne aspekty literatury: Prace ofiarowane Profesor Wandzie Supie ; pod redakcją Weroniki Biegluk-Leś.* – Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. – С. 111–135.
3. Малкина, В. Я. Образ Марка Шагала в российской поэзии XX века / В. Я. Малкина // *Аксиологический диапазон художественной литературы : сборник научных статей ; под научн. ред. В. Ю. Боровко, Е. В. Крикливец.* – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2020. – С. 149–152.

4. Теория литературы : учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 2. С. Н. Бройтман Историческая поэтика. – М. : Академия, 2004. – 368 с.

5. Бройтман, С. Н. Лирический субъект / С. Н. Бройтман // Введение в литературоведение: учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. – М. : Высшая школа, 2006. – С. 310–322.

6. Колокольцева, Т. Н. Текстобразующий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А. А. Вознесенского и Р. И. Рождественского / Т. Н. Колокольцева // *Экология языка и коммуникативная практика.* – 2019. – № 4 (1). – С. 70–82.

7. Смолина, М. Г. Эстетизация образа родины в творчестве Марка Захаровича Шагала / М. Г. Смолина // *Известия Байкальского государственного университета.* – 2018. – Т. 28, № 2. – С. 334–341.

8. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Восточная литература, 1998. – 800 с.

9. Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии / В. И. Тюпа. – СПб. : Алетей, 2021. – 270 с.

10. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – СПб. : Алетей, 1998. – 249 с.

11. Мартинович, В. Родина. Марк Шагал в Витебске / В. Мартинович. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 240 с.

12. Мар, Н. Марк Шагал: «Мне здесь очень понравилось...» / Н. Мар // *Литературная газета.* – 1973. – № 25. – 20 июня. – С. 8.

13. Шагал, М. Моя жизнь / М. Шагал ; пер. с франц. Е. С. Мавлевич ; послесл., комм. Н. В. Апчинской. – М. : ЭЛЛИС ЛАК, 1994. – 208 с.

14. Шагал, М. Моему родному Витебску / М. Шагал ; пер. Д. С. Симановича // *Литературная газета.* – 1987. – № 36. – 2 сентября. – С. 14.

15. Апчинская, Н. В. Послесловие / Н. В. Апчинская // Шагал М. Моя жизнь ; пер. с франц. Е. С. Мавлевич. – М. : ЭЛЛИС ЛАК, 1994. – С. 179–197.

Абрамовских Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), e-mail: abramovskih@psga.ru. ORCID: 0000-0003-3185-5354

Поступила в редакцию 6 января 2024 г.

THE SUBJECTIVE STRUCTURE OF ROBERT ROZHDESTVENSKY'S
POEM "MARC CHAGALL"

E. V. Abramovskikh

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

This article builds the subjective structure of Robert Rozhdestvensky's poem "Marc Chagall". The poem, related to role-playing lyrics, is organized as a dialogue between the lyrical "I" (with an active directly evaluative point of view) and the hero of the role-playing lyric (the artist). The lyrical "I" coincides in value with the hero-artist. At the climax of the poem, subjective neosyncretism is observed, the inseparability of the point of view of the hero and the subject. The position of the listener is that of internal involvement in collective knowledge; the addressee enters their own circle. The hero stores and transmits this knowledge.

The lyrical subject penetrates the mental world of the hometown of the artist Marc Chagall – Vitebsk. In the author's textual strategy, the dialogue of the characters becomes a bifurcation point for the implementation of a descriptive statement (ekphrasis) and a narrative one (diegesis).

Ekphrasis reveals the topography of Vitebsk (streets: Smolenskaya, Zamkovaya, Vitba River, the Fire Tower). These images are visualized on the Chagall's canvases. The diegetic space is the mental space of event experience, the space of memory (the world of childhood, youth, national culture). The reconstruction of the world of Vitebsk is built as a stylization of archaic narrative practices – epic tales. This expresses a precedent picture of the world (the cycle of life – death – life).

At the end of the poem, the lyrical subject attains a self-awareness through familiarization with the cultural and value paradigm of the hero.

Keywords: subject structure, ekphrasis, diegesis, role lyrics.

References

1. Rozhdestvenskiy R. Mark Shagal [Marc Chagall] // *Polnoe sobranie sochineniy*. M.: Eksmo, 2019. S. 635–637.
2. Avtukhovich T.E. Nevyrazimo vyrazimoe v poezii i zhivopisi: Yazep Drozdovich i Mark Shagal v zerkale poezii [The Inexpressibly Expressible in Poetry and Painting: Yazep Drozdovich and Marc Chagall in the Mirror of Poetry] // *Antropologiczne aspekty literatury: Prace ofiarowane Profesor Wandzie Supie*; pod red. Weroniki Biegluk-Leś. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. S. 111–135.
3. Malkina V.Y. Obraz Marka Shagala v rossiyskoy poezii XX veka [The Image of Marc Chagall in Russian Poetry of the 20th Century] // *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoy literatury: sbornik nauchnykh statey*; pod nauchn. Red. V.Y. Borovko, E.V. Kriklivets. Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P.M.Masherova, 2020. S. 149–152.
4. Teoriya literatury [Theory of Literature]: uchebnoe posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy: v 2 t. T. 2. Broymtan S.N. Istoricheskaya poetika. M.: Akademiya, 2004. 368 s.
5. Broymtan S.N. i dr. Liricheskii sub"ekt [Lyrical Subject] // *Vvedenie v literaturovedenie: uchebnoe posobie*. M.: Vysshaya shkola, 2006. S. 310–322.
6. Kolokol'ceva T.N. Tekstoobrazujushhij potencial dialogichnosti i figur dialogizma v liricheskikh proizvedeniyah A.A. Voznesenskogo i R.I. Rozhdestvenskogo [Text-Forming Potential of Dialogism and Figures of Dialogism in the Lyrical Works of A.A. Voznesensky and R.I. Rozhdestvensky] // *Jekologija jazyka i kommunikativnaya praktika*. 2019. № 4 (1). S. 70–82.
7. Smolina M.G. Estetizatsiya obraza rodiny v tvorchestve Marka Zakharovicha Shagala [Aestheticization of the Image of the Homeland in the Works of Mark Zakharovich Chagall] // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. T. 28, № 2. S. 334–341.
8. Freydenberg O.M. Mif i literatura drevnosti [Myth and Literature of Antiquity]. M.: Vostochnaya literatura, 1998. 800 s.
9. Tyupa V.I. Gorizonty istoricheskoy narratologii [Horizons of Historical Narratology]. SPb.: Aleteyya, 2021. 270 s.
10. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii [The Myth of the Eternal Return]. SPb.: Aleteyya, 1998. 249 s.
11. Martinovich V. Rodina. Mark Shagal v Vitebske [Marc Chagall in Vitebsk]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 240 s.
12. Mar N. Mark Shagal: «Mne zdes' ochen' ponravilos'...» [Marc Chagall: «I Really Liked it Here...»] // *Literaturnaya gazeta*. 1973. № 25. 20 iyunya. S. 8.

13. Shagal M. Moya zhizn' [My Life]; per. s frants. E.S. Mavlevich; poslesl., komm. N.V. Apchinskoy. M.: ELLIS LAK, 1994. 208 s.

14. Shagal M. Moemu rodnomu Vitebsku [To My Native Vitebsk]; per. D.S. Simanovicha // *Literaturnaya gazeta*. 1987. № 36. 2 sentyabrya. S. 14.

15. Apchinskaya N.V. Posleslovie [Afterword] // *Shagal M. Moya zhizn'*; per. s frants. E.S. Mavlevich. M.: ELLIS LAK, 1994. S. 179

Elena V. Abramovskikh – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Literature, Journalism, and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara), e-mail: abramovskikh@psga.ru

Received January 6, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Абрамовских, Е. В. Субъектная структура стихотворения Р. Рождественского «Марк Шагал» / Е. В. Абрамовских // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 74–80. DOI: 10.14529/ssh240209

FOR CITATION

Abramovskikh E. V. The subjective structure of Robert Rozhdestvensky's poem "Marc Chagall". *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 74–80. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240209

МЕДИА ДИАСПОРАЛЬНЫХ ГРУПП КАЗАХСТАНА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРМАТ И НАРРАТИВЫ

Г. Г. Гиздатов

*Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан*

Статья посвящена анализу медиального проявления современных диаспоральных групп в Казахстане. Целью настоящей статьи является выявление реального статуса медиа этнических групп и их контента в данном постсоветском пространстве. Диаспоры Казахстана представлены в статье в двух актуальных аспектах рассмотрения: в институциональном формате медиадеятельности диаспоры в стране и в используемых ими нарративах в этих источниках. Отдельно рассмотрена специфика освещения проблем диаспор в собственно казахстанских медиа. В качестве эмпирического материала выступают как функционирующие на данный момент этнические медиа, так и современные казахстанские медиаресурсы. В статье выявляется, что тематические перечни и, соответственно, нарративы от казахстанских СМИ и собственно национальных медиа регламентированно созвучны: упрощенный вариант исторических данных, перечень этнографических особенностей и традиционный нарратив о братстве народов. Основные результаты исследования определены теорией и практикой медиалогического подхода, коррелируют с этнологическим подходом. Особое внимание уделено разнопропорциональному использованию собственно традиционных и новых форм медиа для выражения интересов национальных диаспор и их нарративов. В статье выявляется, что этномедиа выполняют особую функцию, в первую очередь архивацию социальных и коммуникативных практик, текстовых традиций этноса.

Ключевые слова: медиа, медиаконтент, нарратив, этноиздание, диаспоральная группа, идентичность.

Введение

Этнические группы, проживающие на сегодняшний день в Казахстане, насчитывают в своем составе от нескольких сотен тысяч до ограниченного десятком представителей сообщества [1]. Время и причины появления многочисленных национальных групп на этой территории определены историей Российской империи, Советского Союза и современными миграционными процессами. Сложным и спорным остается вопрос о том, как обозначать эти группы: диаспоры или этнические меньшинства. С этнологического ракурса рассмотрения объединяющим термином является понятие «диаспоральная группа (сообщество)», которое позволяет нам включить в один ряд медиалогического исследования «классические» диаспоры и депортированные в сталинские годы на территорию нынешнего Казахстана народы, однако в статье также используется термин «диаспора». Заметим, что и в институциональном формате эти этнические группы объединены как диаспоры в Ассамблею народа Казахстана [2]. Заметим, что многие этнические группы, проживающие вне своей страны, в научной литературе зачастую без всякого внятного объяснения обозначаются во всей своей совокупности как диаспоры, что представляется спорным с этнологической точки зрения. В фундаментальных социологических и близких этнологических работах Р. Брубейкера [3], Г. Шеффера [4], Н. Космарской [5] разработаны точные критерии по отношению к этническим группам, позволяющие относить или не от-

носить их к диаспорам. В Казахстане многие из этнических групп, как правило, имеют или должны иметь официально закрепленный статус республиканского этнообъединения. Данный статус до недавнего времени благоприятствовал, в первую очередь финансово, выходу при объединении одного или нескольких продолжающихся изданий (газеты, журналы, альманахи, разного формата ТВ-продукты и так далее). Однако в последние три – четыре года в силу разных причин ситуация кардинально изменилась.

В идеале медиалогическое проявление диаспоры не должно сводиться только к культурной или медийной зафиксированности интересов этноса: оно по сути создает образ диаспоры и формирует ее идентичность. Данная статья посвящена рассмотрению и аналитическому мониторингу складывающейся на наших глазах ситуации с медиа диаспор и теми нарративами, которые в них представлены.

Обзор литературы

Несмотря на наличие историко-архивных разысканий по диаспорам [6–8], в том числе по отношению к истории депортированных народов [9], степень научной изученности многих аспектов существования диаспор в Казахстане незначительна. По сути, была только одна работа, в которой были представлены в историческом аспекте многие диаспоры с объяснением причин их появления на территории Казахстана [10]. Однако все эти работы больше характеризуются описательным характером по истории появления этнических групп

в стране, а аспекты культурной сферы в них практически не рассматриваются. Исключением стали работы Г. Н. Кима по корейской диаспоре, которые могут быть с полным основанием отнесены к фундаментальным диаспорологическим текстам. Некоторые полученные им обобщения в равной мере относимы и к некоторым другим группам: «У коре сарам за прошедшие полтора столетия сформировался определенный синтетический культурный генофонд, вобравший в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур. Для корейцев в Казахстане характерны: сильная степень трансформации этнокультурного генетического фонда; протекание этого процесса в полиэтническом окружении; адаптация к культурам, существенно отличным от традиционной корейской культуры; выход за рамки мононационального сознания; высокий уровень аккультурации, граничащий с ассимиляцией; динамизм и интенсивность этих процессов» [11, с. 228–229]. Описанные этим автором в этом случае процессы, происходящие в когнитивном и коммуникативном пространстве одной диаспоры, в определенной мере объясняют ту кризисную ситуацию, в которой оказались многие национальные медиа в Казахстане. Но во многих иных случаях отсутствует информация по данным о социальной и языковой картине мира казахстанских диаспоральных групп, в том числе по происходящим в них процессам идентификации. Отсутствуют хоть какие-то обзоры и статистические данные по тем процессам, которые происходят в культуре современных диаспор в Казахстане.

Методы исследования

Основные результаты исследования определены в первую очередь теорией и практикой медиалогического подхода [12], согласно которому уже сами используемые формы медиа характеризуют источник сообщения [13, с. 5]. Рассмотрение культурных нарративов в этом случае возможно только на междисциплинарном стыке: социологии, этнологии и филологии, в том числе и критического дискурса-анализа (КДА) [14, с. 89]. Рациональным научным способом рассмотрения медиалогических реалий диаспор в данном случае является выявление того, каким образом та или иная диаспора предстает в казахстанской социокультурной сфере («внешняя» оценка) и анализ медиа диаспор с отраженными в них личными историями («внутренняя» оценка). Речь идет о том, что «...идентичность как самоосознание и самоопределение диаспоральной группы формируется, развивается, предъясняется и транслируется только в процессах коммуникации, в дискурсивных и нарративных практиках» [3, с. 5].

Результаты и дискуссия

Необходимо определить сложившиеся условия существования диаспоральных групп в Казахстане. Политико-культурный статус диаспор и рамки их

существования в Республике Казахстан закреплены деятельностью Ассамблеи народа Казахстана. Оценка Ассоциации колеблется от признания ее как действенной формы поддержки диаспор до обозначения ее как контролирующей организации в государственном устройстве. В данный момент она сложилась как типично «зонтичная» организация с централизованным управлением: над всеми – Ассамблея, ниже – республиканские объединения от каждой диаспоры (на сегодняшний день – 14), которые в свою очередь курируют этнообъединения (более 1 000). Следует заметить, что такая форма организации диаспор навязывает им регламент деятельности, отраженный в программных документах самих общественных объединений. Однако попытка собрать и оцифровать историко-культурную информацию при сайте Ассамблеи народа Казахстана пока не удалась, представленные материалы отличаются небрежностью, неполнотой подачи и исключительной публицистичностью. На сайте Ассамблеи есть рубрики «Медиаконтент» и «Мультимедиа» с формальным и вторичным наполнением. Сайт оформлен несколько неряшливо: рубрика журналов заканчивается их PDF-версиями за 2016 год, при этом на портале Ассамблеи отсутствует перечень самих сайтов этнообъединений. Контент раздела «Видео» ограничен новостными сюжетами других информационных порталов, материалов самих этнообъединений, и в скромной пропорции присутствует своя видеопродукция. Информация по диаспорам Казахстана, представленная на сайте Ассамблеи, в значительной степени стандартна, однако влияет на информационную подачу материалов на сайтах республиканских этнообъединений: немного истории, формальное перечисление того, что делается самой диаспорой, новости культуры и биографические данные об известных представителях и / или функционерах диаспоры, то есть в установке уже от официального дискурса – от Ассамблеи формируются допустимые уровни подачи информации о диаспоре. При этом многие данные, выложенные на сайте Ассамблеи, требуют верификации. В частности, на нем как существующие указаны издания на национальных языках [2]. Но многие из них уже прекратили деятельность, другие приостановили работу [8]. Нередко вызывает вопросы даже объективность предлагаемых статистических данных по количественному составу диаспор. На сайте Ассамблеи приводятся устаревшие цифры, они часто разнятся с тем, какие данные озвучивает статистическое агентство и сама диаспора. В частности, многие источники говорят о 2,8 тысячи проживающих в стране туркмен [15]. По озвученным на сайте Ассамблеи самими представителями этой диаспоры данным неофициальная цифра представителей достигает десяти тысяч [2]. Или же данные по грузинской диаспоре на сайте Ассамблеи народов Казахстана приводятся только за 2013 год – 5300 представителей [2]. Но можно обнару-

жить источники, в которых диаспора в данное время обозначена 60 000 представителей, а по данным Бюро национальной статистики – 5 561 [1].

На сегодняшний день только сайт республиканского объединения во многих случаях является единственным информационным источником по деятельности диаспоры. Во всех иных случаях исходная информация показательна и отражает как усилия самой диаспоры, так и ту поддержку, которую ей оказывает историческая родина, международные организации и фонды.

Каналы коммуникации диаспор в Казахстане усечены, стандартны и включают в себя в основном издания, находящиеся под руководством республиканского этнообъединения, и очень редко независимые новые медиа. По этой причине этноиздания предлагают свой ограниченный тематически, обходящий все сложные и противоречивые аспекты жизни диаспоры медиапродукт. Многие этноСМИ в стране имеют архаично выраженную информационную общность, вытекающую из программных документов самих общественных объединений, что выводит этномедиа из разряда реальных средств массовой информации исключительно в статус презентационных источников. Одновременно с этим в Казахстане представлены диаспоры, которые не только смогли создать профессиональный медиапродукт, но и сохраняют, в том числе в цифровом формате, историю и современные реалии диаспоры (немецкая, польская, уйгурская, корейская этнические группы).

В другом случае нарратив о диаспоре создается силами самой диаспоры. На сегодняшний день из 124 этнических групп имеют институциональную форму республиканского этнообъединения только 14 диаспоральных групп. Поясним, что наличие этой формы автоматически подразумевает существование отдельного сайта при этой организации, который сам по себе является основным средством информирования диаспоры о диаспоре для казахстанского социокультурного пространства. Вынуждены заметить, что из этих диаспоральных групп в последние пять лет только при 12 этнообъединениях выходили традиционные СМИ (газеты, журналы), которые с 2018–2020 года за исключением 4 изданий (уйгурская, немецкая, польская и корейская диаспоры) полностью прекратили свое существование. Единственным исключением стал медиаконтент немецкой диаспоры. У неё есть информационный портал Wiedergeburt, есть YouTube-канал «Немцы Казахстана», есть республиканская газета *Deutsche Allgemeine Zeitung* («Немецкая газета для всех»), есть аккаунт Союза немецкой молодежи Казахстана в Instagram. Подход более чем оправданный: эти СМИ позволяют охватить все целевые группы диаспоры — от более возрастной аудитории, привыкшей к бумажной газете, до молодежи, воспринимающей как главный источник информации социальные сети.

Заметим, что в свое время, с конца 90-х годов прошлого столетия, многие СМИ выходили на трех языках: русском, казахском и языке этноса. Так, большинство газет, полностью или частично выходящих на узбекском языке, перечисленных в современных казахстанских энциклопедических изданиях и отчётах, не имеют своих сайтов, pdf-версий бумажных изданий или хотя бы какого-то зримого выхода в любые социальные сети. Развитие онлайн-медиа в официально зарегистрированном перечне этнонациональных СМИ в Казахстане в этом случае стало очередным симулякром. Именно по этой причине трудно проверить данные, выложенные на сайте Ассамблеи народа Казахстана. В качестве существующих там указаны 10 изданий на узбекском языке. Некоторые из них уже прекратили или приостановили работу, другие продолжают свою традиционно бумажную жизнь. Наконец только пять казахстанских диаспор представлены новыми медиа, в том числе оформленными и постоянно обновляющимися в информационном плане группами в социальных сетях.

В свою очередь то, что отнесено Ассамблеей народа Казахстана к этноСМИ, таковым по сути не является. Из этого ряда – газета «Жаркент өңірі», которая выходит в Панфиловском районе – месте компактного проживания уйгурской диаспоры. Как заявлено в выходных данных, она издаётся на трёх языках тиражом чуть более трёх тысяч экземпляров. Издание впервые вышло в 1921 году, но на сегодня это традиционная «районка», печатающаяся раз в неделю на казахском языке с обязательной добавкой лишь двух – трёх материалов (репортажа, юбилейной заметки) на уйгурском языке.

Типичный набор советской «районки» 70-х годов реинкарнирован в бумажный и PDF-формат акиматовского «боевого листка» со всей сопутствующей информацией от государственных структур. Вопрос «что из этого относится к этножурналистике?» остаётся открытым, но видимость наличия ещё одного этноиздания сохранена.

Сами диаспоры и казахстанские СМИ разучились точно представлять этническую проблематику или хотя бы информировать обо всём происходящем в их жизни в Казахстане. К требуемым изменениям в медиасуществовании диаспор следует отнести возможность преодолеть узкие национальные рамки и быть информационно полезными не только отдельной диаспоре, не только узкому экспертному сообществу, но и широкой аудитории.

Разберем пример с ассирийской диаспорой. Газеты и журналы на родном языке ассирийская диаспора получает только из России, где проживает большая часть диаспоры: по официальным данным, около 15 000, по свидетельству самой общины – около 70 000. На собственно ассирийском международном сайте, явно созданном «народными» силами, существует страница «Ассирийцы Казахстана» с весьма слабой попыткой информи-

рывать о жизни этноса и в нашей республике. Робкие попытки создать свои СМИ тоже в разные годы возникали. Так, есть Instagram-аккаунт с последними постами за 2020 год. В нём немного истории, немного культуры, немного песен. Но проявления самих казахстанских ассирийцев в медиа уже нет. Важна та самая конкретная историческая память, которая уходит вместе с живыми, с теми, кто ещё может вспомнить о трагических страницах этноса в сталинские годы. Из относительно недавних собственно казахстанских материалов показателен сюжет на телеканале Jibek Jolu: «В чём особенность ассирийской национальной кухни?». Простой, добрый материал, пусть и скудноватый, в котором всего, как в лубке, намешали понемногу: что-то из истории, включили монологи представителей старшего и молодого поколения диаспоры, попутно рассказали о кухне и успели сделать немало пафосных замечаний о дружбе народов. На этом достоинства сюжета, как и многих других о диаспоре, заканчиваются.

Безвозвратно утеряна, даже для специалистов, первичная информация о диаспоре в Казахстане: сколько и куда ссылали, как жили ассирийцы в первые годы после депортации. Фрагментарны свидетельства потомков тех, кто пережил депортацию.

В противовес этому можно привести другой пример. Сайты польских общественных объединений в Казахстане возвращают этому медийному продукту его первоначальное предназначение. Это не оцифрованная форма бумажного справочника об этносе или хаотичная коллекция всего, что как-то относится к народу (всё это можно наблюдать во многих медиа других диаспор). На сайтах польской диаспоры – конкретная информация с постоянно обновляющимся содержанием. Самый объёмный информационный портал – «Союз поляков Казахстана», охватывающий деятельность 11 польских этноорганизаций Казахстана. Рубрики и вмещают в себя формальную информацию («Поляки Казахстана», «Польские организации», «Новости»), и дают реальный «срез» польской культуры в Казахстане. При этом значимые и, соответственно, затратные мероприятия, будь то фестивали песен, работа кабинета польского языка и так далее, на сайте обозначены весьма скупо. То есть поддержка исторической родины ощутима, но она «в тени». Ведущий польский портал дополняется сайтами региональных объединений, которые в равной мере рациональны и современны. Таковым является сайт общественного объединения Polska Jedność, находящегося в столице. Все возможные сферы работы конкретного этнообъединения (языковое обучение и историко-культурная работа) компактно уместились в рубрики: «О нас», «Новости», «Сотрудничество», «Афиша». Из этого же ряда – сайт Центра польской культуры «Вензь», охватывающий диаспору, проживающую в Алма-

ты, с той же исчерпывающей краткостью: новости, польские медиа и информационная справка о самом центре. Польская диаспора уже около 20 лет выпускает два журнала. «Алматинский курьер Полоний» существовал в бумажной и оцифрованной версиях до середины 2021 года на польском и русском языках, выходил под редакцией писателя Юрия Серебрянского. Конечно, бросается в глаза некоторая профессиональная простота, от дизайна до манеры давать заголовки, объяснимая во всех этноизданиях тем, что в них редко работают профессиональные журналисты и дизайнеры. При этом в польском журнале – редкий случай для медиа диаспор – то, что требуется от подобных СМИ: история, культура, хроника и очень много документалистики, а потому не случайна отдельная рубрика «Семейные истории». Разумное сочетание репортажей-отчётов с историческими очерками, подкрепляемыми архивными фотографиями; двуязычность журнала делает это издание интересным не только для самой диаспоры. При Центре польской культуры «Вензь» выходит редкий и уже подзабытый вариант медиа – готовящегося детьми и для детей, также выходящего на двух языках, – *Almator*. Подобные издания важны не конечным результатом, а самим процессом подготовки материалов и целого номера журнала. Здесь информация о событиях в жизни диаспоры, дополняемая образчиками литературного творчества. Для молодых авторов и непрофессиональных редакторов *Almator* – это явно первый опыт работы, который стимулирует, а сам процесс запоминается.

Выводы

Возможно, что ещё через несколько лет следов от некоторых диаспор в казахстанском информационном и культурном пространстве мы уже не обнаружим. Нельзя отрицать неизбежные тенденции современной культуры к гетерогенности в казахстанском обществе. Однако в этом историческом процессе медиа выполняют особую функцию, в том числе архивации социальных и коммуникативных практик, текстовых традиций. Наиболее удачные формы существования медиа диаспор в Казахстане демонстрируют, что не так уж много надо, в том числе и финансовых вложений, чтобы СМИ работали на формирование идентичности. К таковым относятся: курс на информирование о деятельности этнообъединений, сохранение в цифровой форме исторических и современных свидетельств жизни диаспоры и создание посредством медиа условий для развития культуры этноса в другой стране.

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23485752 Медиа диаспор Казахстана: проблемы культурной идентичности в медиалогическом трансфере).

Литература

1. Бюро национальной статистики Агентства по социальному планированию и реформам. – URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Ассамблея народа Казахстана. – URL: <https://assembly.kz/ru/> (дата обращения: 22.06.2023).
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике / Г. Шеффер // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 162–185.
5. Космарская, Н. Об этничности как факторе социального размежевания в постсоветских обществах / Н. Космарская // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 4. – С. 245–256.
6. Исова, Л. Особенности и идеологические проблемы формирования европейской диаспоры Казахстана (в период Второй мировой войны и после) / Л. Исова, П. Килыбаева // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения и международное право. – 2019. – № 2. – С. 64–72.
7. Калыбекова, М. Ч. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг. Исторический аспект): дис. ... канд. ист. наук / М. Ч. Калыбекова. – Алматы, 2005. – 156 с.
8. Гиздатов, Г. Медиа диаспор / Г. Гиздатов. – URL: <https://newreporter.org/tag/media-diaspor/> (дата обращения: 22.01.2024).
9. Ермекбаев, Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы / Ж. А. Ермекбаев. – Алматы, 2009. – 506 с.
10. Алексеев, Н. В. История Казахстана: народы и культура / Н. В. Алексеев и др. – Алматы, 2000. – 680 с.
11. Ким, Г. Н. Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания постсоветской корейской диаспоры / Г. Н. Ким // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. – Алматы, 2010. – С. 22–29.
12. Гиздатов, Г. Г. Культура как текст и проект в постсоветском дискурсе (на примере Казахстана) / Г. Г. Гиздатов, О. Д. Буренина-Петрова, Б. А. Сопиева // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2023. – № 1 (35). – С. 30–47.
13. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева. – М., 2017. – 464 с.
14. Gizdatov, G. Discourses on National Identity in the Sociocultural Space of Kazakhstan / G. Gizdatov // Kulturelle Kontakt- und Konfliktzonen im östlichen Europa: Abschlusskonferenz des gleichnamigen thematischen Netzwerks in Gießen. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2020. Band № 8. – S. 89–105.
15. Дабисов, Т. Что общего между казахами и туркменами? / Т. Дабисов. – URL: <https://assembly.kz/ru/media-centr/intervyu/chto-obshchego-mezhdu-kazakhami-i-turkmenami> (дата обращения: 22.01.2024).

Гиздатов Газинур Габдуллавич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международных коммуникаций, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы), e-mail: gizdat@mail.ru

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240210

MEDIA OF THE KAZAKHSTAN DIASPORA: INSTITUTIONAL FORMAT AND NARRATIVES

G. G. Gizdatov

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

This article analyses the media of the Kazakhstan diaspora. It identifies the status of the media of ethnic groups and their content in the post-Soviet space. The diasporas of Kazakhstan are presented in the article in the institutional format of the diaspora's media activity in the country and in the narratives used in these sources. The specifics of covering diaspora issues in the Kazakh media itself are examined separately. The empirical material consists of ethnic media operating at a given time and modern Kazakh media resources. The article reveals that the thematic lists and narratives from the Kazakh media are consonant with the national media: a simplified version of historical data, a list of ethnographic features and a traditional narrative about the brotherhood of peoples. The main results of the study are determined by the medialogical approach and correlate with the ethnological approach. Particular attention is paid to the diversified use of traditional and new forms of media to express the interests of national diasporas and their narratives.

Keywords: diaspora, identity, media, media content, narrative, ethnic publication.

References

1. Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po sotsial'nomu planirovaniyu i reformam [Bureau of National Statistics of the Agency for Social Planning and Reform]. URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
2. Assambleya naroda Kazakhstana [Assembly of the People of Kazakhstan]. URL: <https://assembly.kz/ru/> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
3. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
2. Sheffer G. Diaspory v mirovoy politike [Diasporas in World Politics] // *Diasporas*. 2003. № 1. S. 62–185.
3. Kosmarskaya N. Ob etnichnosti kak faktore sotsial'nogo razmezhevaniya v postsovetskikh obshchestvakh [On Ethnicity as a Factor of Social Division in Post-Soviet Societies] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2009. № 4. S. 245–256.
4. Isova. L., Kilybaeva P. Osobennosti i ideologicheskie problemy formirovaniya evropeiskoi diaspory Kazakhstana (v period Vtoroi mirovoi voyny i posle) [Features and Ideological Problems of the Formation of the European Diaspora in Kazakhstan (during the Second World War and after)] // *Vestnik KazNU. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*. 2019. № 2. S. 64–72.
5. Kalybekova M.C. Kazakhstan kak ob"ekt pereseleniya deportirovannykh arodov (1937–1956 gg. Istorieskii aspekt) [Kazakhstan as an Object of Resettlement of Deported Peoples (1937–1956. Historical Aspect)]: dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 2005. 156 s.
6. Gizdatov G. Media diaspor [Media diasporas]. URL: <https://newreporter.org/tag/media-diaspor/> (data obrashcheniya: 22.01.2024).
7. Ermekbaev Z. A. Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriya i sud'by [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destiny]. Almaty: Daik-Press. 2009. 506 s.
8. Alekseenko N. V., Alekseenko A.N., Erofeeva I.V., Masanov N.E. Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tura [History of Kazakhstan: Peoples and Culture]. Almaty: Daik-Press, 2000. 680 s.
9. Kim G.N. Evolyutsiya natsional'noy identichnosti i etnicheskogo samosoznaniya postsovetskoy koreyskoy diaspory [The evolution of national identity and ethnic self-awareness of the post-Soviet Korean diaspora]. *Mezhdunarodnye issledovaniya. Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. 2010. № 2. S. 22–29.
10. Gizdatov G.G., Burenina-Petrova O.D., Sopiaeva B.A. Culture as a Text and a Project in the Post-Soviet Discourse (by the Example of Kazakhstan) // *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2023. № 1 (35). P. 30–47.
11. Maklyuen G.M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: Human External Extensions] / per. V. Nikolaeva. M.: Kuchkovo pole, 2017. 464 s.
12. Gizdatov G. Discourses on National Identity in the Sociocultural Space of Kazakhstan // *Kulturelle Kontakt- und Konfliktzonen im östlichen Europa: Abschlusskonferenz des gleichnamigen thematischen Netzwerks in Gießen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2020. Band № 8. P. 89–105.
13. Dabisov T. Chto obshchego mezhdru kazakhami i turkmenkami [What do Kazakhs and Turkmens have in Common?]. URL: <https://assembly.kz/ru/media-centr/intervyu/chtobshchego-mezhdru-kazakhami-i-turkmenkami> (data obrashcheniya: 22.01.2024).

Gazinur G. Gizdatov – D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of International Communications, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty), e-mail: gizdat@mail.ru

Received March 10, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гиздатов, Г. Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана: институциональный формат и нарративы / Г. Г. Гиздатов // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 81–86. DOI: 10.14529/ssh240210

FOR CITATION

Gizdatov G. G. Media of the Kazakhstan diaspora: institutional format and narratives. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 81–86. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240210

ВИЗУАЛЬНАЯ ИКОНИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. П. Двойнишникова, Т. Ф. Семьян

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена уточнению вопроса понятия «визуальная поэзия». Современное отечественное и зарубежное литературоведение не дает однозначного определения этому явлению, использует разные синонимы («графическая поэзия», «фигурная поэзия», «конструктивистская поэзия», «конкретная поэзия», «симультантная поэзия», «иконическая поэзия», стихографика, видеопоэзия, медиапоэзия, «optic poetry», «picture poetry», «iconic poetry» и др.), а также предлагает весьма запутанные и неоднозначные классификации типов текстов такого рода.

В связи с этим ряд исследователей предлагает ввести более широкий термин «иконичность», которая определяется как семиотическая и поэтическая категория и строится на основе трех презентаций: визуальных, слуховых (аудиальных) и когнитивных (символических). Любая поэзия определяется как визуальная сама по себе, так как является письменной и выраженной знаками, а ее образность создается и усиливается разными средствами. Тот вид текстов, который называется «визуальной поэзией», обладает высокой степенью наличия именно визуальных приемов, так называемой «визуальной иконичностью», но не ограничивается ею, а подчеркивается и другими типами иконичности.

В связи с наличием в современном литературоведении разных точек зрения предлагается разобрататься с понятиями «визуальность» и «иконичность», которые определяются как поэтические категории текста.

Ключевые слова: поэзия, визуальность, иконичность, «carmina figurate», фигурные стихи.

Введение

Несмотря на достаточную степень изученности визуально-графических особенностей стихотворного текста (например, в отечественном литературоведении в этой области известны работы С. И. Бирюкова, М. Л. Гаспарова, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Ю. Б. Орлицкого, Т. Грауз, Е. В. Сальниковой, Д. А. Суховой, М. С. Алысбековой, П. А. Ковалева и др., а в зарубежном – М. Danesi, L. Ellestrom, C. Greve, R. Grimm, D. Higgins, A. Marcus и др.), сам термин «визуальная поэзия» нельзя считать устоявшимся. Вопрос четкого терминологического определения этого понятия до сих пор является дискуссионным и не имеет однозначного решения.

Обзор литературы

Ю. Л. Гик под визуальной поэзией предлагает понимать «...эксперименты с вербальными элементами (буква, слово, текст) с визуальной точки зрения, в том числе в возможном сочетании с художественными образами», говоря о том, что в такое определение «...укладываются и конкретная поэзия, и фигурная поэзия, и *poesia visiva*, и многое другое» [1].

В статье Э. В. Минаевой, Т. А. Пономарёвой «Современная визуальная поэзия: в поисках невыразимого» рассматриваются некоторые существующие в науке определения, а также приводится история возникновения того, что именуется «визуальной поэзией». Авторы определяют этот термин как некоторое авангардное направление на стыке поэзии и изобразительного искусства, в рамках которого «...особое значение приобретает визу-

ализация текста графическими элементами, расширяющими его образное и смысловое значение. В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, при этом создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности» [2, с. 512–521].

В работе И. М. Сахно рассматривается вопрос тесной взаимосвязи поэтического конструктивизма и визуальной поэзии: «“Визуализация” стиха в русском конструктивизме знаменовала стремление поэтов отойти от строгих канонов классического стихосложения и лингвистической “несвободы”, которая заметно снижала уровень информационной насыщенности поэтического текста», отмечая близость и неразделимость этих понятий [3, с. 73]. Там же описывается проблема неразличения понятий «визуальная поэзия» и «конкретная поэзия» (Дж. Янчек): «Классики конкретной поэзии 50–60-х годов определяли поэзию как конкретную структуру – готовую форму, в которой слово не нуждается в дополнительной обработке. Пьер Гранье писал: “Конкретная поэзия – это работа с материалом языка, создание с помощью него структур и передача по преимуществу эстетической информации. Объектная поэзия – это рисунок, графика, скульптурное и музыкальное сопровождение, возникающее благодаря совместной деятельности художников, скульпторов, музыкантов и типографов. Визуальная поэзия – это слово или его элементы, взятые как объекты и цент-

ры визуальной энергии» [Цит. по: 3, с. 81–82]. Исследователь утверждает, что, несмотря на тесную связь, это разные понятия и что собственно визуальных экспериментов у поэтов-конструктивистов было не так уж и много (некоторые тексты И. Сельвинского, Б. Агапова и др.).

В. А. Галечьян считает, что визуальная поэзия представляет собой всего лишь форму записи текста: «...визуальная поэзия – это способ составления, изображения и репрезентации поэтического текста» [4, с. 13].

В. В. Колотвин определяет визуальную поэзию следующим образом: «...она есть нечто большее, чем изображение, и нечто большее, чем текст, не только по отдельности, но и вместе взятые» [5].

Как мы можем видеть, исследователи называют визуальную поэзию «поэтическим феноменом», экспериментом, авангардным направлением, жанровой разновидностью [6], формой стиха, способом записи стиха, «центром визуальной энергии» и проч. Одновременно существуют такие синонимические термины или близкие понятия, как «графическая поэзия», «фигурная поэзия», «конструктивистская поэзия», «конкретная поэзия», «симультантная поэзия», «иконическая поэзия», стихографика, видеопоэзия, медиапоэзия и др.

Дефиниции данных терминов, приведенные в разных источниках, неоднозначны и трактуются каждым автором по-своему, уточняются и дополняются. Даже определение, казалось бы, самого известного и понятного вида визуальных стихов – фигурных стихов – и то вызывает многочисленные уточнения: «Термин “визуальная поэзия” в современном искусствознании не имеет четких границ. Например, известный визуальный поэт и исследователь авангарда Ричард Костелянец (США) в “Словаре авангарда” отделяет визуальную поэзию от конкретной, от *poesia visiva* и от фигурной поэзии. Визуальный поэт Мэри Эллен Солт (США) в заключении книги “Конкретная поэзия: поэты мира” не дает определения даже конкретной поэзии, считая, что это означает “триумф новых экспериментальных форм”» [7].

Фигурные стихи, по мнению Е. Степанова, определяют лишь «часть визуальной поэзии, явления более широкого и масштабного» [2, с. 513]. В. А. Галечьян уточняет определение фигурных стихов, данное М. Л. Гаспаровым: «Фигурные стихи (*carmina figurata*) известны еще с древности. М. Гаспаров под фигурными стихами понимал два типа поэтического орнаментализма: поэтические ребусы, выполненные в форме акро-, месо- и телестихов, и фигурные узоры, связанные с графической партитурой стиха, когда графический рисунок из слов или букв складывается в образ определенного предмета или фигуры. По-моему, это два разных вида визуальной поэзии. Под фигурными стихами, как это и было изначально, надо понимать выполненные из слов изображения предметов

(объектов), а второй (первый у Гаспарова) тип – это беспредметное изображение поэтического текста» [8, с. 21].

В классификации визуальных поэтических текстов также нет однозначности среди исследователей. Например, в монографии Э. В. Минаевой, Т. А. Пономарёвой та же фигурная поэзия разделяется на три основные группы визуальных поэтических произведений (геометрические изображения, изображения под конкретные предметы, абстрактные живописные изображения), при этом отмечается зыбкость разграничений некоторых групп [9, с. 512–521]. У других авторов встречаем другие классификации, что также вносит некий разлад в общую структуру визуально-графических текстов.

Возникает сложность в определении границ изобразительного компонента и собственно поэтического (вопрос о том, когда такой текст перестает быть стихотворным и становится уже живописным), дискуссия о вторичности вербального компонента в визуальной поэзии и т. д.

Сами поэты, работающие с визуальными стихами (например, Ры Никонова, К. Кедров, Г. Сапгир и др.) нередко писали о том, «...границы между визуальной поэзией и просто иллюстрацией к тексту практически нет» [10], а различие определяется авторской волей в виде комментария или названия.

Методы исследования

В статье используются сравнительно-исторический, историко-литературный, сравнительно-типологический, структурно-семантический и методы исследования.

Результаты и дискуссия

В связи с этими дискуссиями в теории визуальности особый интерес представляют исследования в области иконического и визуального, а также их взаимосвязи.

L. Elleström в своей статье «Visual Iconicity in Poetry» приходит к выводу, что в центре проблемы стоит «...дихотомия вербального / визуального» [11, с. 449], и вводит понятие «иконичности»: «...the distinctive feature of so-called visual poetry seems to be something other than *visuality*. I argue that “visual poetry,” to the extent that it can be treated as a poetic category, is characterized by a high degree of iconicity, whereas all written poetry is visual as such. Iconicity is a semiotic notion that comprises creation of meaning based on resemblance, whether the signifying and signified entities are visual, auditory, or cognitive; iconicity includes phenomena such as verbal sound representing natural sound (*onomatopoeia*), moving visual images representing visual occurrences (as in film), static visual images representing abstract relations (for instance, graphs), and word order representing an order of events in what is signified by the words (*syntactic iconicity*)»¹ [11, с. 439].

¹ «Отличительной чертой так называемой визуальной поэзии, по-видимому, является нечто иное, чем визуальность. Я утверждаю, что “визуальная поэзия”, в той мере, в какой ее можно

Исследователь говорит о том, что нужно отказаться от термина «визуальная поэзия», так как вся поэзия визуальна как таковая, и предлагает определять ее как особый вид письменной поэзии, характеризующийся наличием визуально-графических признаков и обладающий визуальной иконичностью: «Although I find the term visual poetry misleading to such an extent that it should be abandoned, I use it in this article in describing how it has been employed to designate a widespread type of poetry. However, the term visual poetry is consistently used in quotation marks to mark my disagreement with it and with efforts to circumscribe a subcategory of written poetry that is supposedly distinguished by its visuality. I certainly do not deny that there is a point in categorizing poetry, or even that the type of poetry that has been called “visual” might be worth treating as a specific kind of written poetry; however, the term visual poetry should be rejected, given that it influences the apprehension of the notions and categories it designates in a deceptive way»² [11, с. 443].

L. Elleström указывает на существование разных терминов и в зарубежном литературоведении, а также на трудности перевода данного термина на разные языки (в каждом случае привносятся дополнительные смыслы): латинский термин «*carmina figurate*», английский «*pattern poem*» (узорная поэзия), а также «*optic poetry*» и «*picture poetry*», *Figurengedicht* в немецком языке (что скорее обозначает «экфрасис»), «*iconic poetry*».

Автор предлагает определять визуальность как поэтическую категорию, влияющую на создание образности (иконичности) в тексте на разных уровнях: визуальная составляющая, аудиальная и когнитивная [11, с. 456].

рассматривать как поэтическую категорию, характеризуется высокой степенью иконичности, в то время как вся письменная поэзия визуальна как таковая. Иконичность – это семиотическое понятие, которое включает в себя создание смысла на основе сходства, независимо от того, являются ли означаемые визуальными, слуховыми или когнитивными; иконичность включает в себя такие явления, как вербальный звук, представляющий естественный звук (звукоподражание), движущиеся визуальные образы, представление визуальных событий (как в фильме), статичных визуальных образов представление абстрактных отношений (например, графиков) и порядка слов, представляющего последовательность событий в том, что обозначается словами (синтаксическая иконичность)» (*Здесь и далее – пер. М. П. Двойнишниковой*).

² «Хотя я нахожу термин “визуальная поэзия” вводящим в заблуждение до такой степени, что от него следует отказаться, я использую его в этой статье, описывая, как он использовался для обозначения широко распространенного вида поэзии. Однако термин “визуальная поэзия” постоянно используется в кавычках, чтобы подчеркнуть мое несогласие с ним и попытки выделить подкатегорию письменной поэзии, которая якобы отличается своей визуальностью. Я, конечно, не отрицаю, что есть смысл классифицировать поэзию по категориям, или даже что тот тип поэзии, который был назван “визуальным”, возможно, стоит рассматривать как особый вид письменной поэзии; однако термин “визуальная поэзия” следует отвергнуть, учитывая, что он влияет на восприятие понятий и категории, которые он обозначает, обманчивым образом».

Ряд российских исследователей (М. В. Оборина, Л. А. Петроченко, Е. О. Мерзлякова и др.) также обращается к вопросу различения визуального и иконического и использует термины «визуальная поэзия», «симультантные тексты» (симультантная поэзия) для определения того, что находится на стыке искусств, оперирует вербальными и визуальными средствами, так сказать, усиливает, использует двойное воздействие для создания образов.

М. В. Оборина пишет, что «...визуальность (сенсорная категория, способ восприятия) и иконичность (семиотическая категория, способ создания значения) представляют собой принципиально разные средовые категории. Тем не менее, соединяясь в термине «визуальная иконичность», обе категории указывают как на тип текста (форма реализует баланс основных текстообразующих тенденций: избыточности и энтропийности, импликационности и экспликационности, содержательной и акцидентальной формы, актуализации и автоматизации), так и на способ восприятия, основанный на фиксации рефлексии во всех поясах рефлексивной реальности – чувственно воспринимаемых образов, невербализованных понятий, текстов» [10, с. 182–189].

Семиотика определяет знак как материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как «заместитель», представитель другого предмета, свойства или отношения. В нашем исследовании предметно-материальный аспект воплощения знака обретает особую значимость. Визуальный облик текста выступает в качестве материального носителя его значения. Внешняя форма, пребывая в физическом пространстве, будучи зафиксирована визуально-графическими средствами, представляет визуальное выражение содержания. Любое изменение формальных признаков влечёт за собой изменение внутренней формы. Визуальный облик осуществляет, таким образом, функцию трансмиссии и обрывает с внутренней формой диалектически и феноменологически сложное единство. Таким образом, знак выходит за рамки простого визуального представления предмета и поднимается на уровень символа, который «...связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие ее ареальные пласты» [12, с. 123].

Визуальная иконичность текста также манифестирует определённый *порядок культуры*. Членение текста рубрикацией, выделение любого элемента внешней композиции (посвящение, эпиграф и т. д.), визуальная опозиция стихотворного и прозаического текста и даже понимание буквенных знаков того языка, на котором представлен текст, подготовлено предшествующей традицией и наполнено определённым содержанием: все эти зрительно воспринимаемые формы конвенциональны и должны быть опробованы читателем опытным путём.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что категория иконичности может быть реализована посредством визуальных приемов, усиливая создание образов и воздействие на читателя (не только содержательное или смысловое, но и визуально воспринимаемое). Таким образом, визуальная иконичность в поэзии составляет лишь малую часть множества разнообразных типов визуальной иконичности: «...визуальная иконичность, в свою очередь, является частью иконичности, порождаемой всеми сенсорными модусами и когнитивными структурами» [11, с. 456].

Более детально говорит об этом Ю. Б. Орлицкий в монографии «Динамика стиха и прозы в русской словесности», приводя в пример тексты современных поэтов, отдающих дань рукописной иероглифической природе японской классической миниатюры (И. Жуков, А. Суриков, А. Вознесенский, Ры Никонова, А. Сен-Сеньков, С. Сигей, В. Герцик и др.). И это связано не только с опытами визуальной поэзии, но и с визуализацией поэзии вообще, с выдвиганием иконического компонента стихотворной речи на первый план: «...можно сказать, что авторы русских стихотворений, создаваемых в русле традиции хайку, хотя и не воспроизводят в точности их силлабическую природу, но постоянно опираются на особенности этого стиха: предельную краткость, нечетнострочность, непосредственную связь с визуальной составляющей» [13, с. 645–646].

Отсылка к традиции визуального облика произведений определенной жанровой формы наблюдается и в книге Г. Сапгира «Стихи для перстня».

В традиционном понимании визуального в этих текстах нет, но сама идея следования жанровой форме рубаи четко прослеживается. Книга открывается эпиграфом – четверостишием О. Хайяма в переводе Г. Сапгира, в котором заданы все основные парадигматические константы поэтического канона переводного рубаи

Поскольку все, что в мире существует,
Уйдет, исчезнет, а куда Бог весть,
Все сущее, считай, не существует,
А все несуществующее есть [14, с. 117].

Г. Сапгиру были интересны примеры миниатюры формы при многогранности содержания. Автор определял основную идею книги как «...стихи философские, сгусток того, что я хочу сказать, в четырех строках» [14, с. 9], что полностью соотносится с содержанием рубаи как формы философского размышления. Само заглавие книги – «Стихи для перстня» – отсылает читателя к древней традиции вырезания на поверхности перстня изображения богов и монархов, афоризмов и заклинаний-изречений в стихах с сакральной символикой и используется для акцентуации идеи лаконичной формы, содержащей философскую сентенцию, «сгусток мудрости».

В «Стихах для перстня» Г. Сапгир отдает дань традициям восточной поэзии (разработка канонических тем древнеперсидской лирики, употребление свойственных ей образов, мотивов и символики), а также традициям перевода рубаи (например, использование пятистопного и шестистопного ямба как наиболее соответствующих метру данной формы).

Различными средствами (в том числе и не визуальными) создается иконический визуальный образ данной жанровой формы, берущей истоки в восточной поэзии, связанной с «персидскими четверостишиями» и русской переводной традицией рубаи, как формы минималистской, состоящей из четырех строк с определенным типом рифмовки и структурно-семантической композицией. Создается настолько четкий визуальный облик, что в составе книги появляется «вакуумный текст» (термин Ры Никоновой) – «пустое» рубаи:

7*

* Комментарий:

Здесь тьма людей, растений и существ,
Здесь дни воспоминаний и торжеств,
Здесь мысли. Пойманные налету,
И все, что образует Пустоту [14, с. 121].

Значимое пустое пространство страницы (а это уже один из собственно визуально-графических приемов) в данном примере нацелено на воображение и ассоциативное мышление читателя, которому предлагается по вторичному компоненту текста – комментарию, расположенному вслед за пустым «рубаи», – заполнить / воссоздать его форму и содержание.

Опираясь на иконичность, в том числе и визуальную, текста классического типа можно сделать выводы относительно основных текстовых характеристик: о родовой и жанровой принадлежности. Понимая визуальность как категорию рецептивную, можно реконструировать читательские впечатления, основанные на первичном зрительном восприятии. При первом знакомстве с произведением читатель, прежде всего, решает для себя вопрос о родовой принадлежности текста: прозе говоря, определяет, что он будет читать: стихи, прозаическое произведение или пьесу. Одним из критериев здесь выступает в том числе и плотность заполнения страницы. Стихотворный текст чаще всего занимает симметричное оси положение на плоскости страницы. Таким образом, сама фактура стиха обладает значимой визуальной природой, поскольку стихотворная речь организована не только линейно, но и вертикально. Согласно

академически признанной точке зрения единственное принципиальное различие между стихом и прозой заключается в двойной сегментации стихотворной речи. Даже если стихотворение содержит минималистичный вербальный компонент, двойная сегментация текста навсегда вписывает его в традицию стихотворной иконичности, как, например, в тексте С. Сигея «Квадрат» (рис. 1):

казимиръ малевичъ
казимиръ малевичъ

Рис. 1. С. Сигей «Квадрат» [15, с. 227]
Fig. 1. S. Sigei «Square»

В драматическом тексте также можно усмотреть наличие вертикального вектора (определяемого уже списком действующих лиц), который формируется частотным использованием абзацных отступов, необходимых для выделения диалоговых реплик. Кроме того, в драматическом тексте нет объемных описательно-повествовательных фрагментов, которые в эпическом тексте доминируют. Вертикальная дробность, создаваемая репликами, маркирует зону речи персонажей. Так, например, можно безошибочно определить визуальную иконичность пьесы представителя «уктуской школы» Михаила Таршиса (см. рис. 2), несмотря на ее экспериментальный характер, абсурдность, нестандартность и экспрессионизм:

ЛЕВ И ТИГР

Лев: Тигр, а я — лев!
(занавес)

.....

Илья (подходя к столу и оглянувшись): Федор!!!!!!
(Федор падает.)

Илья (вынимает цаплю на место, чистит его, поворачивает лимон, садится в кресло, зажигает торшер, закуривает, смотрит на фотографию жены, нервно встает): Федор!!!!!!!!!!!!!!
(Федор падает.)

Занавес, малый антракт.

Рис. 2. М. Таршис «Лев и тигр» [15, с. 228]
Fig. 2. M. Tarshis «Lion and Tiger»

При минимальном количестве вербальных средств наличие действующих лиц, второстепен-

ных драматургических элементов текста (заглавий, ремарок и проч.), разбивка текста по ролям создает узнаваемый визуальный облик, определенно относящий данный текст к драматургическому.

Конечно, проблема терминологизации понятия «визуальная поэзия», возникшая именно в XX веке и требующая четкого разграничения в начале XXI столетия, связана с новыми экспериментальными типами текста, где визуальная иконичность помимо когнитивных, аудиальных средств создается и усиливается и непосредственно визуальными графическими приемами. Например, стихотворение Г. Сапгира «Любовь-полет» (рис. 3), где идея описания чувства влюбленности подчеркивается иконизмом в прямом смысле, т. е. иллюстрированием вербального компонента изобразительным (внедрение в текст рисунков крыльев, спиралей-вихрей и проч.):

Рис. 3. Г. Сапгир «Любовь – полет» [16, с. 260]
Fig. 3. G. Sapgir «Love is a flight»

При этом сам Г. Сапгир писал: «Мне бы хотелось, чтобы на эти тексты не смотрели, как на орнамент, как на визуальные словесные почеркушки, которые подчас рисуют предметы, лица, пейзажи или бегут поперек всей картины иного художника-концептуалиста. Разве вы не чувствуете, что это слова — длинные, короткие слова, которые выстра-

иваются в стихотворные строчки, рифмуются, повторяются, и не беда, что их невозможно произнести, прочитать, полнота содержания очевидна. Любой текст – это не только знаки, прихотливо рассыпанные, словно бесконечные бусы какого-то дикаря-филолога. Это особым образом зашифрованная энергия, которая содержит в себе более, нежели она может сообщить, как информацию и эмоцию» [13, с. 291].

Выводы

Определённым образом расположенный текст служит прежде всего сигналом установки на родовую идентификацию произведения; при визуальном восприятии сознание читателя включает предлагаемое произведение в определенную культурно-историческую традицию.

Любой стихотворный текст представляется визуальным, но средства визуальной иконичности, усиливающие воздействие на читателя, могут проявляться с разной степенью интенсивности в зависимости от специфики эпохи или индивидуально-авторской манеры.

Литература

1. Гик, Ю. Л. Визуальная поэзия: теория и практика / Ю. Л. Гик // Черновик. – 2004. – № 19. – URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664> (дата обращения: 09.04.2024).
2. Минаева, Э. В. Современная визуальная поэзия: в поисках невыразимого / Э. В. Минаева, Т. А. Пономарёва // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – Ч. 2. – С. 512–521.
3. Сахно, И. М. Визуальные артефакты поэтического конструктивизма / И. М. Сахно // Пространство культуры. – 2011. – С. 73–83.
4. Галечьян, В. А. Визуальная поэзия / В. А. Галечьян. – М., 2023. – 85 с.
5. Колотвин, В. В. Визуальная поэзия – альтернатива линейной организации восприятия / В. В. Колотвин. – URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/kolotvin01.htm (дата обращения: 30.03.2024).
6. Прохорова, Л. П. Визуальная поэзия как

особый жанр / Л. П. Прохорова, Е. С. Анисеева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 169–174.

7. Гик, Ю. Л. Наследие дада в современной визуальной поэзии / Ю. Л. Гик // Словесность. – URL: https://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html (дата обращения: 09.04.2024).

8. Гаспаров, М. Л. Фигурные стихи. Конкретная поэзия / М. Л. Гаспаров // Русский стих начала XX века в комментариях. – М., 2001. – С. 27–32.

9. Минаева, Э. В. Современный поэтический дискурс: коды визуальной поэзии / Э. В. Минаева, Т. А. Пономарёва // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы : коллективная монография ; под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород, 2016. – С. 114–124.

10. Оборина, М. В. Почему визуальность и иконичность не одно и то же? / М. В. Оборина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 36. – 2016. – С. 182–189.

11. Ellestrom, L. Visual Iconicity in Poetry / L. Ellestrom // Orbis Litterarum. – 2016. – 71:6. – P. 437–472.

12. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.

13. Орлицкий, Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности / Ю. Б. Орлицкий. – М., 2008. – 845 с.

14. Сапгир, Г. В. Собрание сочинений : в 4 т. / Г. В. Сапгир. – М., 1999. – Т. 2. – 313 с.

15. Ры Никонова-Таршис, А. «Уктусская школа» / А. Ры Никонова-Таршис // НЛЮ: Независимый филологический журнал. – 1995. – № 16. – С. 221–238.

16. Сапгир, Г. В. Стихи на неизвестном языке / Г. В. Сапгир // НЛЮ: Независимый филологический журнал. – 1995. – № 16. – С. 290–295.

17. Петроченко, Л. А. Об особенностях семантики иконических знаков / Л. А. Петроченко, Е. О. Мерзлякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2005. – Вып. 4 (48). – С. 43–49.

Двойнишникова Мария Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: dvoinishnikovamp@susu.ru. ORCID 0000-0003-4575-0182

Семьян Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: semiantf@susu.ru. ORCID 0000-0001-9380-1509

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

VISUAL ICONICITY IN THE RUSSIAN POETIC TRADITION

M. P. Dvoinishnikova, T. F. Semyan

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the terminological definition of «visual poetry» and «visuality». Modern literary criticism does not have a fundamental definition of this concept, the various concepts are used in science («graphic poetry», «figurative poetry», «constructivist poetry», «concrete poetry», «simultaneous poetry», «iconic poetry», stichography, video poetry, media poetry, «optic poetry», «picture poetry», «iconic poetry», etc), and also offers very confusing and ambiguous classifications of types of texts.

Therefore, researchers propose a broader term «iconicity», which is defined as a semiotic and poetic category. This category based on the basis of three representations: visual, auditory (auditory) and cognitive (symbolic).

The poetry is defined as visual, since it is written and expressed by signs, and iconicity is created and enhanced by various means. The type of texts called «visual poetry» has a high degree of presence of visual techniques, the so-called «visual iconicity», but is not limited to it, but is emphasized by other types of iconicity (for example, rhyming consonances or the syntactic structure of a poetic text).

Keywords: poetry, iconicity, visuality, «carmina figurate», figured poems.

References

1. Gik J.L. Vizual'naja poezija: teorija i praktika [Visual Poetry: Theory and Practice] // *Chernovik*. № 19. 2004. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664> (data obrashhenija: 09.04.2024).
2. Minaeva J.V., Ponomarjova T.A. Sovremennaja vizual'naja poezija: v poiskah nevyrazimogo [Contemporary Visual Poetry: In Search of the Inexpressible] // *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija: Filologija. Social'nye kommunikacii*. 2011. T. 24 (63), № 2. Ch. 2. S. 512–521.
3. Sahno I.M. Vizual'nye artefakty pojeticheskogo konstruktivizma [Visual Artifacts of Poetic Constructivism] // *Prostranstvo kul'tury*. 2011. S. 73–83.
4. Galech'jan V.A. Vizual'naja poezija [Visual Poetry]. M., 2023. 85 s.
5. Kolotvin V.V. Vizual'naja poezija – al'ternativa linejnoj organizacii vosprijatija [Visual Poetry – an Alternative to the Linear Organization of Perception]. URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/kolotvin01.htm (data obrashhenija: 30.03.2024).
6. Prohorova L.P., Anikeeva E.S. Vizual'naja poezija kak osobyj zhanr [Visual Poetry as a Special Genre] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 2. S. 169–174.
7. Gik J.L. Nasledie dada v sovremennoj vizual'noj poezii [The Legacy of Dada in Contemporary Visual Poetry] // *Slovesnost'*. URL: https://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html (data obrashhenija: 09.04.2024).
8. Gasparov M.L. Figurnye stihi. Konkretnaja poezija [Figured Poems. Concrete Poetry] // *Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah*. M., 2001. S. 27–32.
9. Minaeva J.V., Ponomarjova T.A. Sovremennyj pojeticheskij diskurs: kody vizual'noj poezii [Contemporary Poetic Discourse: Codes of Visual Poetry] // *Sovremennyj diskurs-analiz: povestka dnja, problematika, perspektivy: kollektivnaja monografija; pod red. E.A. Kozhemjakina, A.V. Polonskogo*. Belgorod, 2016. S. 114–124.
10. Oborina M.V. Pochemu vizual'nost' i ikonichnost' ne odno i to zhe? [Why are Visuality and Iconicity not the Same Thing?] // *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. Vyp. 36. 2016. S. 182–189.
11. Ellestrom L. Visual Iconicity in Poetry // *Orbis Litterarum*. 71:6. 2016. R. 437–472.
12. Lotman J.M. Vnutri mysljashhiv mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istorija [Inside Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. M., 1996. 464 s.
13. Orlickij J.B. Dinamika stiha i prozy v russkoj slovesnosti [Dynamics of Verse and Prose in Russian Literature]. M., 2008. 845 s.
14. Sapgir G.V. Sbranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t. M., 1999. T. 2. 313 s.
15. Ry NikonovaTarshis A. «Uktusskaja shkola» [“Uktus school”] // *NLO: Nezavisimyj filologicheskij zhurnal*. 1995. № 16. S. 221–238.
16. Sapgir G.V. Stihi na neizvestnom jazyke [Poems in an Unknown Language] // *NLO: Nezavisimyj filologicheskij zhurnal*. 1995. № 16. S. 290–295.

17. Petrochenko L.A., Merzljakova E.O. Ob osobennostjah semantiki ikonicheskikh znakov [On the Peculiarities of the Semantics of Iconic Signs] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki (filologija)*. 2005. Вып. 4 (48). S. 43–49.

Maria P. Dvoinishnikova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: dvoinishnikovamp@susu.ru

Tatyana F. Semyan – D. Sc. (Philology), Professor, Head of Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: semiantf@susu.ru

Received March 10, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Двоишников, М. П. Визуальная иконичность в русской поэтической традиции / М. П. Двоишникова, Т. Ф. Семьян // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 87–94. DOI: 10.14529/ssh240211

FOR CITATION

Dvoinishnikova M. P., Semyan T. F. Visual iconicity in the Russian poetic tradition. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 87–94. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240211

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ФОТОГРАФИЙ МЕДИАТЕКСТОВ ПО ЭКОЛОГИИ НА МОЛОДЕЖНУЮ АУДИТОРИЮ

Л. К. Лободенко, А. Б. Череднякова, И. Ю. Матвеева, Е. С. Загоскин, А. А. Чуйдук

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуются особенности воздействия фотографий поликодовых медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию с использованием айтрекинг-технологий. Эмпирической базой исследования стали фотографии медиатекстов по экологии из сетевых изданий и городских сетевых сообществ Челябинской и Свердловской областей (102 ед.). На основе проведенного контент-анализа фотографий медиатекстов были выделены наиболее часто повторяющиеся визуальные образы: выбросы / смог / дымка; общая панорама города; промышленные предприятия и их отходы; загрязнение лесопарковых зон, водоемов; загрязнение окружающей среды, свалки; негативное воздействие на животный мир; техногенные аварии и др. Анализ воздействия фотографий на молодежную аудиторию (100 человек, 18–22 года) проводился с использованием айтрекинг-технологий, позволяющих установить степень внимания респондентов к изображениям на основе показателей: время до первой фиксации на области интереса (ttf, мс), общее время просмотра области интереса (fix time, мс), общее количество фиксаций на области интереса (all fix, ед.).

В ходе исследования было установлено, что наибольшее внимание молодежной аудитории по данным айтрекинг-анализа привлекают такие изображения, как загрязнение окружающей среды (свалка), негативное воздействие на животный и растительный мир. Особое внимание уделяется изображениям людей, животных. В свою очередь, наименьшее внимание уделяется стоковым изображениям, не связанным с содержанием текста новости.

Ключевые слова: СМИ, поликодовый медиатекст, фотография, экологическая журналистика, молодежная аудитория.

Введение

Развитие разных форм медиа изменило требования аудитории к подаче информации. В связи с этим в современном цифровом медиaprостранстве существенно увеличилось количество поликодовых медиатекстов, которые усиливают влияние на общественное и индивидуальное сознание. Актуальность исследования связана с тем, что СМИ в промышленных регионах активно освещают экологическую повестку, используя весь арсенал средств поликодовых медиатекстов, что требует изучения их воздействия на аудиторию. Современный журналистский материал по экологической тематике, как правило, включает различные виды изображений (фотографии, графические изображения, инфографика и др.). При этом фотографиям в медиатекстах отводится особая роль, так как они несут в себе определенную эмоциональную окраску и оказывают влияние на восприятие материала, формируют у читателя требуемое мнение, отношение к предмету информирования. Молодежная аудитория является категорией наиболее активных пользователей современного медиaprостранства, в котором интернет-СМИ промышленных регионов, транслируя экособытия и аффекурируя освещение экологической тематики, влияют на сознание молодежи, их взгляды, намерения. Однако сегодня фотография экологических медиатекстов в большей степени исследуется с точки зрения композиции, стиля и особенностей художественно-графического решения, а не с точ-

ки зрения воздействия на аудиторию и интереса аудитории к ней.

В связи с этим целью нашего исследования стал анализ видов наиболее распространенных визуальных образов, используемых в фотографиях экологических медиатекстов, а также изучение особенностей воздействия изображений на молодежную аудиторию на основе айтрекинг-технологий.

Обзор литературы

Экологическая тематика в социуме чрезвычайно актуальна в силу обострения экологических проблем и увеличения количества инициатив, направленных на их решение: перестройка природоохранного законодательства, реализация национального проекта «Экология», развитие общественных природоохранных движений, рост числа экологических гражданских инициатив и др. Вся эта деятельность так или иначе отражается в источниках экологической журналистики и становится объектом информационной повестки дня СМИ. Е. А. Шаркова считает, что «...основой информационной среды экологической журналистики является экологическая информация» [1, с. 2], под которой понимается любая информация о состоянии элементов окружающей среды, о ее факторах, а также деятельность или действия любых субъектов, способных оказать воздействие на элементы окружающей среды.

На современном этапе развития общества усугубляются глобальные экологические проблемы, вхо-

дящие в общероссийскую и мировую информационную повестку: изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение природных объектов пластиком, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов и др. [2, 3]. Кроме того, обостряются региональные экологические проблемы (особенно в промышленно развитых регионах), имеющие иное содержание, но не снижающие уровень злободневности и остроты: утилизация отходов, загрязнение воды, почвы, воздуха и др. Актуальность региональной информационной повестки дня по экологии обеспечивает прямая связь уровня экологии с качеством жизни жителей региона [4].

Что касается процесса потребления экологической информации, то проблема усугубляется большими объемами экологической информации. Одну из значимых ролей для массовой аудитории среди источников экологической информации играют СМИ, при этом наибольшее распространение в эпоху цифровизации приобретают сетевые издания и новые медиа.

Как отмечают исследователи, важной особенностью современного медиатекста является его поликодовость. А. Г. Сонин и Д. С. Мичурин называют поликодовыми «...специфические сообщения, включающие гетерогенные по своей семиотической природе составляющие, которые воздействуют на реципиента в рамках одной модальности восприятия – обычно зрительной» [5, с. 165]. Поликодовые тексты распространены в большей степени в цифровой среде, это позволяет прибегать к разным форматам (фото, аудио, видео, инфографика и т. д.) внутри одной публикации для отражения дополнительных смыслов в публикуемых материалах.

Л. С. Большакова выделяет вербальный и невербальный компоненты в поликодовых текстах [6, с. 22]. Она отмечает, что вербальная коммуникация предполагает использование языковых единиц разных уровней и тексты; невербальный компонент может быть представлен аудиальными и визуальными знаковыми системами: рисунки, фотографии, схемы, эмблемы, иконки, смайлики, шрифтовое варьирование текста и т. п. Объединение вербального и невербального компонентов должно представлять собой целостный медиатекст, подразумевающий взаимозависимость этих составляющих как в содержательном, так и в формальном аспекте [7, с. 214].

Ряд исследователей (Л. С. Большакова, Л. А. Ковалева, Е. А. Шумакова и др.) указывают на лидирующий характер изображения в поликодовом тексте, отмечая, что в условиях ускорившегося темпа жизни, в отсутствии свободного времени человеческое мышление приобрело характер клиповости, в этих условиях привлечь и удержать внимание человека могут изображения [8].

Современные исследования демонстрируют, что визуальный контент оказывает влияние на че-

ловека менее чем за 1,1 секунды. По сравнению с текстовой информацией графический контент обрабатывается и анализируется мозгом в 60 тысяч раз быстрее [9]. Наглядные визуальные образы усваиваются человеком намного быстрее, а главное, эффективнее считываются человеческим мозгом. Именно поэтому в последние десятилетия заметно смещение содержания новостных материалов в сторону визуального контента.

Возрастающая роль визуального компонента журналистского текста, а затем и медиатекста обусловила появление и развитие фотожурналистики как вида профессиональной творческой деятельности. Фотожурналистика – это «...запечатление существенных моментов в жизни людей, а также событий, объектов и явлений реальности, как динамичных, так и статичных, посредством аналоговой и цифровой фотографии и последующей публикации в печатных и электронных СМИ» [10, с. 13]. С середины XIX в. фотожурналистика прошла эволюцию от использования неподвижной фотографии до цифровых форм визуальной мультимедийной журналистики [11].

В настоящее время «...фотография рассматривается как фундаментальный компонент журналистики» [12, с. 90]. Фотография обладает качествами наглядности и документальности. А технические предпосылки позволили постепенно расширять роль фотографии в журналистских медиатекстах. В работах Н. Ворона рассматривается эволюция фотографии [13, 14], в частности, автор отмечает, что роль фотографии прошла путь от иллюстрации как дополняющего визуального компонента текста до самостоятельного информационного объекта – элемента медиатекста, существующего в единстве текста и фотопубликаций на полосе [13, с. 78].

Г. Нери выделяет три составляющих фотожурналистики: новостную, репортажную и документальную фотографию, при этом указывая на фактическую идентичность этих составляющих [15]. Особенностью новостной фотографии является ежедневная съемка текущих событий различной тематики и масштаба.

Новостная фотография имеет специфику: она актуальна, отражает современные социально-политические реалии, и «...в зависимости от конкретной творческой задачи ее выразительный диапазон простирается от протокольного до образного отражения действительности» [13, с. 4]. Изображение в структуре медиатекста способствует положительному настрою адресата на последующее сообщение, вызывает его доверие и расположение или, наоборот, способно вызывать тревогу, фобии и отторжение информации. В связи с этим остро встает вопрос об этике фотожурналистики и доверия к СМИ. Как справедливо отмечает L. Nadjat, сила фотографий заключается в том, что люди часто бесспорно верят в изображение, не понимая его манипулятивного характера [16].

Н. Р. Вундоог отмечал, что в настоящее время фотожурналистика активно обогащается возможностями мобильной журналистики (которая повышает оперативность предоставления новостного контента и моментального получения фотографий); новых технических устройств аэрографической съемки с дронов, использования телеобъективной фотографии для увеличения удаленных объектов и цифровой фотографии, делающей еще более доступным искусство фотографирования [12].

С. Сагир предложил различать следующие типы фотожурналистики: спортивную, художественную, документальную (фотографии окружающей среды) [17]. Следуя этой логике, можно предложить выделять экологическую фотожурналистику, специфической особенностью которой является визуальная репрезентация экологического события как в позитивной, так и в негативной тональности. При этом важно не путать близкие по содержанию визуальные типы тревел- и пейзажной журналистики. В центре экологической фотожурналистики – диапазон экологических событий, который может варьироваться от экологических катастроф до правительственных и гражданских инициатив по экологическому направлению.

В современных сетевых СМИ фотографии по экологии достаточно активно используются для иллюстрирования информационных материалов. Информационные материалы СМИ по экологической тематике имеют особую актуальность и отклик у аудитории в регионах с развитой промышленностью. Это обусловлено возникновением экологических проблем, которые влияют на здоровье и социальное самочувствие населения промышленного региона.

Как справедливо отмечает L. Grayson, в настоящее время перед исследователями фотожурналистики стоят задачи осмысления фотоматериалов в контексте визуальных свидетельств, репрезентации реальности, изучения влияния СМИ на культуру и общество [18]. Сегодня фотография исследуется с технологической и содержательной точек зрения, а не с точки зрения воздействия и степени привлечения внимания аудитории. В связи с этим целью нашего исследования стал анализ особенностей воздействия различных видов изображения в поликодовом медиатексте по экологии на основе айтрекинговых технологий. Айтрекинг позволяет с помощью видеофиксации осуществлять регистрацию движения глаз, направления взгляда, длительности задержки взгляда на объекте, дает возможность определять степень концентрации внимания, порядка просмотра информации.

Методы исследования

В работе применялся комплекс методов, а именно: сравнительный анализ, метод анализа документов с элементами контент-анализа, а также метод визуального нейромаркетинга – айтрекинг.

В ходе айтрекингового анализа изображений медиатекстов по экологии использовались следующие показатели айтрекинга: 1) ttf, мс (время до первой фиксации на области интереса); 2) fix time, мс (общее время просмотра области интереса); 3) all fix, ед. (общее количество фиксаций на области интереса). Полученные результаты айтрекингового исследования по области интереса «изображение» позволили выявить наиболее привлекательные образы для респондентов, определить степень концентрации внимания.

Базой нашего исследования стали медиатексты по экологии сетевых СМИ Челябинской и Свердловской областей. Эти регионы в 2023 г. заняли 84, 85 позиции в Национальном экологическом рейтинге регионов России [19].

Объектом нашего исследования стали сетевые издания «101», «74ру», «Комсомольская Правда – Челябинск», «Доступ», «Саткинский рабочий», «MagCity74», «Вечерний Магнитогорск», «Мгорск.ру», «Магнитогорский рабочий», «Карабашский рабочий», «Новости Озерска» и городское сетевое сообщество социальной сети «ВКонтакте» «Городское телевидение. Карабаш». Данные СМИ входят в список самых цитируемых сетевых изданий Челябинской области и г. Екатеринбурга по данным аналитического портала «LiveInternet.ru» за 2022 г.

В рамках исследования было отобрано и проанализировано 102 новостных материала по экологии за период 2019–2023 гг., имеющих поликодовую структуру и включающих фото и графические материалы. Каждый стимул кодировался (например, S001). Для создания, проведения и анализа результатов эксперимента использовался айтрекер Gazepoint GP3 HD, с частотой дискретизации 150 Гц, и программное обеспечение Gazepoint Analysis. В эксперименте респондентам (100 чел., 18–22 года) демонстрировались стимульные материалы в рандомном порядке на 24-дюймовом мониторе – по 20 секунд каждый материал, разделенный нейтральными изображениями. В результате были получены метрики просмотров, фиксаций, возвратов в область интереса, времени до первой фиксации и другие, построены тепловые карты.

Результаты и дискуссия

На основе проведенного анализа фотографий медиатекстов были выделены наиболее часто повторяющиеся виды визуальных образов: выбросы / смог / дымка (21,7 %); общая панорама города (17,2 %); промышленные предприятия и их отходы (15,8 %); загрязнение лесопарковых зон (11,8 %); водоемы и загрязнение водных объектов (9,7 %); загрязнение окружающей среды, свалки (8,4 %); экоактивизм, экологические акции и субботники (6,1 %); негативное воздействие на животный мир (5,8 %); техногенные аварии (3,5 %) (табл. 1).

Таблица 1
Виды визуальных образов на фотографиях экологической тематики

Table 1
Visual images in environmental photographs

Виды изображений	Количество изображений	Процентное соотношение
Выбросы / смог / дымка	22	21,7%
Общая панорама города	17	17,2%
Промышленные предприятия и их отходы	17	15,8%
Загрязнение лесопарковых зон	13	11,8%
Водоемы и загрязнение водных объектов	10	9,7%
Загрязнение окружающей среды, свалки	8	8,4%
Экоактивизм, экологические акции и субботники	6	6,1%
Негативное воздействие на животный мир	6	5,8%
Техногенные аварии	3	3,5%
Итого	102	100%

Стоит отметить, что фотоматериалы не только включали изображение вышеперечисленных образов, но и содержали комбинации экологического образа и других элементов (например, на переднем плане – промышленное предприятие, на заднем плане – перспективы города, смог, жители города и др.). В ходе анализа таких комплексных изображений при подсчете данных приоритет отдавался доминантному объекту, расположенному, как правило, на переднем плане фотографии.

Абсолютное большинство фотографий (98,04 %, 100 ед.) в структуре медиатекста представлены статичной фотографией. И лишь 1,96 % (2 ед.) текстов включал элементы инфографики. При этом треть фотоизображений (33,0 %) не связаны с содержанием текста и проблемой, рассматриваемой в нем. Они, как правило, представляют собой отдельные пейзажи, городскую съемку, промышленные объекты, фотографии людей в городской среде и прочее. Фактически это – нейтральное изображение, не имеющее отношения к экологической теме. Большинство изображений (67 %) коррелируют с медиатекстом, составляя целостное единство для аудитории.

Для анализа воздействия изображений на молодежную аудиторию в работе использовались технологии айтрекинга. Предварительно стимульный материал был разделен на области интересов: заголовок, текст, изображение. Анализ восприятия фотографий медиатекстов по экологической тематике осуществлялся с использованием трех показателей айтрекинга: 1) ttf, мс (время до первой фиксации на области интереса); 2) fix time, мс (общее время просмотра области интереса); 3) all

fix, ед. (общее количество фиксаций на области интереса) (табл. 2).

В результате айтрекингового исследования был выявлен ТОП-10 фотографий из 102 медиатекстов по экологии. По первому показателю (ttf) диапазон значений варьируется от 0,125 до 2,691 мс. Лидером по данному показателю стал стимул S055 «Коркинцам в паводок не рекомендуют пить воду из-под крана» (0,125 мс) («Горняцкая правда», 16.03.2021) с изображением льющейся ржавой воды из-под крана (рис. 1), который наиболее оперативно привлек внимание респондентов.

Таблица 2
ТОП-10 стимулов по основным показателям айтрекингового исследования

Table 2
The 10 leading stimuli according to eye-tracking research

Стимулы / Показатели айтрекингового исследования					
ttf		fix time		all fix	
Код	Значение, мс.	Код	Значение, мс.	Код	Значение, ед.
S055	0,125	S091	5,262	S091	45,137
S006	0,133	S010	4,386	S060	44,413
S026	0,150	S075	4,158	S010	43,965
S017	0,155	S007	4,057	S085	38,724
S002	0,157	S060	4,050	S007	38,068
S008	0,172	S008	3,184	S075	38,034
S099	0,176	S085	3,179	S076	37,655
S074	0,206	S045	3,144	S011	35,068
S038	0,219	S076	3,097	S077	33,172
S087	0,223	S019	3,084	S019	33,137

По второму показателю (fix time) диапазон значений варьируется от 0,548 мс. до 5,262 мс. Стимул, получивший наибольшее значение, – S091 «Все лежит, гниет» (5,262 мс., «74.ру», 16.05.2019), – отражает проблемы утилизации пищевых отходов на свалке (рис. 2).

Третий показатель (all fix) представлен диапазоном значений от 7,868 ед. до 45,137 ед. При этом лидером стал стимул, который уже был отмечен по показателю fix time (S091 «Все лежит, гниет»).

При этом по разным показателям айтрекинга фотоматериалы, которые прямо не связаны с событием и используют стоковые изображения, имеют минимальные значения. Так, например, изображение S083 «С 12 апреля в Челябинской области введен противопожарный режим» («Городское телевидение. Карабаш», 12.04.2023) по всем показателям имеет наименьшее значение (рис. 3). Аналогичный медиатекст, связанный с пожарной безопасностью, – S084 «Ущерб от лесных пожаров на Урале составил 107 млн рублей» («ОТВ», 17.05.2023) – имеет значение по показателю all fix – 20,137 ед. (рис. 4),

что в три раза выше показателя стимула S083. Данный фотоматериал снят на месте события и синхронизирован с содержанием медиатекста.

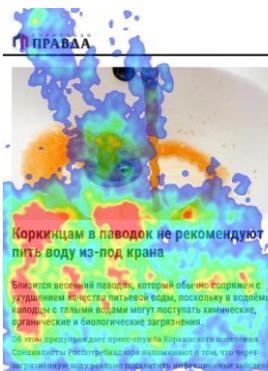

Рис. 1. S055 «Коркинцам в паводок не рекомендуют пить воду из-под крана»
Fig. 1. S055 “Korkin residents are not recommended to drink tap water during the floods”

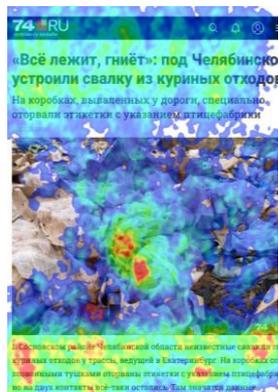

Рис. 2. S091 «Все лежит, гниет» под Челябинском
Fig. 2. S091 “Everything lies there, rotting”

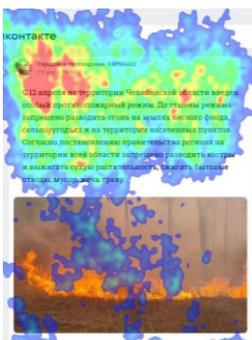

Рис. 3. S083 «С 12 апреля в Челябинской области введен противопожарный режим»
Fig. 3. S083 “From April 12, a fire safety regime has been introduced in the Chelyabinsk region”

Рис. 4. S084 «Ущерб от лесных пожаров на Урале составил 107 млн. рублей»
Fig. 4. S084 “Damage from forest fires in the Urals amounted to 107 million rubles”

Основной показатель среди представленных – количество фиксаций взгляда респондента на области интереса (all fix, ед.), чем выше этот показатель, тем выше степень внимания и заинтересованность респондента контентом – экологической фотографией. По области интереса «изображение» были отобраны ТОП-10 лидеров по данному показателю (табл. 3). На их основе проанализируем содержание и характер фотоконтента.

Каждая фотография-лидер связана с содержанием новости, дополняет ее и носит документальный характер. Лидирующей темой стала утилизация городского ландшафта. Анализ тепловых карт выделенных стимулов показал, что концентрация внимания респондентов зафиксирована на лицах

людей, контрастных изображениях (например, сервированные мини-подносы из использованных стеклянных прессованных бутылок с едой) и шокирующих образах (фото конопли, куриные тушки среди мусора, убитый лебедь, земля оранжевого цвета и др.).

Таблица 3
Фотографии-лидеры по показателю айтрекера all fix (ед.)
Table 3
Leading photographs according to the “all fix” indicator (units)

Код стимула	Название стимула, источник, дата	Показатель all fix, ед.
S091	«Все лежит, гниет», 74.RU, 16.05.2019	45,137
S060	«Ржавое пятно среди зеленого леса», E1.ru, 09.09.2020	44,413
S010	«В Челябинске из использованных бутылок делают тарелки», КП-Челябинск, 21.01.2022	43,965
S085	«Воды как кот наплакал: в Челябинске пруд Девичьи слезы обмелел сильнее, чем обычно», КП-Челябинск, 04.04.2023	38,724
S007	«Уралцы вышли на одиночные пикеты против «урановых хвостов», которые к нам везут из Европы» E1.ru, 16.12.2019	38,068
S075	«В Челябинской области задержали браконьеров, убивших краснокнижных лебедей», Mgorsk.ru, 18.04.2023	38,034
S076	«“Дайте вырасти траве”. В екатеринбургских парках появилась конопля. Она настоящая», E1.ru, 14.06.2023	37,655
S011	«Журналистка, затравленная после вопроса Путину про смог...», Мгорск.ру, 19.12.2020	35,068
S077	«Утки плавают прямо в отходах. Кто-то снова слил в Исеть нефтепродукты», E1.ru, 04.12.2021	33,172
S019	«Полностью выжженная земля: екатеринбуржец сделал пугающие фото экологической катастрофы на Урале», E1.ru, 14.07.2020	33,137

Выводы

Таким образом, фотография является важным элементом поликодового медиатекста, так как она несет информацию, привлекает внимание, подтверждает документальность описываемого явления. Однако коммуникационный потенциал фотографии не всегда используется журналистами в полной мере. В результате исследования выборки медиатекстов по экологии было установлено, что 33 % фотоматериалов не связаны с содержанием новости, которую они иллюстрируют.

Согласно данным контент-анализа в новостях экологической тематики, как правило, часто повторяются следующие виды визуальных образов: выбросы / смог; общая панорама города; промышленные предприятия и их отходы; загрязнение лесопарковых зон; водоемы и загрязнение водных объектов; загрязнение окружающей среды, свалки; экоактивизм, экологические акции и субботники; негативное воздействие на животный мир; техногенные аварии. При этом наибольшее внимание молодежной аудитории по данным айтрекингового исследования привлекают такие изображения, как загрязнение окружающей среды (свалка), негативное воздействие на животный и растительный мир. Особое внимание уделяется изображениям людей, животных, а также контрастным и шокирующим образам репортажного характера. В свою очередь, наименьшее внимание уделяется стоковым и абстрактным изображениям, не связанным с содержанием текста новости.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>) «Исследование воздействия материалов СМИ, социальных медиа по экологии и медиаэффектов на молодежную аудиторию, проживающую на территории региона экологического риска».

Литература

1. Шаркова, Е. А. Экологическая журналистика: природа источников экологической информации / Е. А. Шаркова // *APRIORI*. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 1–16.
2. Lu, H. Comparing the effectiveness of different consensus messages in communicating global environmental issues: The role of referent groups, emotions, and message evaluation / H. Lu // *Journal of Environmental Psychology*. – 2023. – Vol. 88, June. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494423000737?via%3Dihub> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Zuppinger-Dingley, D. Editorial overview: Environmental change issues: Integrated global change and biodiversity research for a sustainable future / D. Zuppinger-Dingley, C. B. Krug, O. Petchey, B. Schmid, N. Backhaus, M. E. Schaepman // *Author links open overlay panel Opinion in Environmental Sustainability*. – 2017. – Vol. 29, December. – P. vii–xi.
4. Саламатов, А. А. Экологические предикторы качества жизни населения региона / А. А. Саламатов, А. Ю. Даванков, А. О. Ужegov // *Вестник Омского университета*. Серия: Экономика. – 2022. – № 3. – С. 140–153.
5. Сонин, А. Г. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию / А. Г. Сонин, Д. С. Мичурин // *Вопросы психолингвистики*. – 2012. – № 16. – С. 164–173.
6. Большакова, Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2008. – № 63. – С. 48–51.
7. Нестерова, Т. В. Поликодовый текст как способ коммуникации / Т. В. Нестерова // *Человек в информационном пространстве : сборник научных статей ; под общ. ред. Т. П. Курановой*. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – С. 213–219.
8. Ковалева, Л. А. Место и роль фотоизображений в современных методах передачи информации / Л. А. Ковалева // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2017. – № 3 (25). – С. 193–197.
9. Шумакова, Е. А. Эстетика визуального контента в маркетинговых коммуникациях / Е. А. Шумакова // *Медиасреда*. – Челябинск : ЧелГУ, 2020. – С. 117–124.
10. Березин, В. М. *Фотожурналистика : учебное пособие* / В. М. Березин. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 153 с.
11. Staton, D. *Photojournalism* / D. Staton, J. H. Newton. – URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756841/obo-9780199756841-0224.xml> (дата обращения: 15.01.2024).
12. Byndoor, N. P. *Changing Technologies and Changing Trends in Photojournalism* / N. P. Byndoor, B. Shailashree // *Applied Environmental Education and Communication An International Journal*. – 2023. – Vol. 10 (№3). – P. 89–93.
13. Ворон, Н. И. *Жанры фотожурналистики : учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика»* / Н. И. Ворон. – М. : Факультет журналистики, 2012. – 145 с.
14. Ворон, Н. И. *Жанры в визуальном контенте современной прессы* / Н. И. Ворон // *Медиа@льманах*. – 2018. – № 6 (89). – С. 77–86.
15. Нери, Г. *Лекции по фотожурналистике* / Г. Нери. – URL: <https://www.photographer.ru/cult/practice/400.htm> (дата обращения: 15.01.2024).
16. Nadjat, L. *Photojournalism ethic between constants and variables* / L. Nadjat // *Journal of Human Sciences Oum El Bouaghi University*. – 2022. – Vol. 09 (№ 2), Juin. – P. 629–640.
17. Sagheer, S. *Photojournalism: Definition, Characteristics, Types, Events* / S. Sagheer. – URL: <https://www.sociologygroup.com/photojournalism-definition-types/> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Grayson, L. *Editorial photographs and patterns of practice* / L. Grayson // *Journalism Practice*. – 2013. – № 7(3). – P. 314–328.
19. «Национальный экологический рейтинг» регионов РФ по итогам осени 2023 г. – URL: <https://greenpatrol.ru/tpost/iogd2bo4o1-natsionalnii-ekologicheskii-reiting-regi> (дата обращения: 15.01.2024).

Лободенко Лидия Камиловна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkol@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Череднякова Анна Борисовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru. ORCID 0000-0002-5681-8800

Матвеева Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, заместитель директора института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: Mir2106@mail.ru. ORCID 0000-0001-6939-8991

Загоскин Евгений Сергеевич – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: zagoskines@susu.ru. ORCID 0009-0000-7077-2514

Чуйдук Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bevzaa@susu.ru. ORCID 0009-0003-2900-8970

Поступила в редакцию 6 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240212

THE INFLUENCE OF PHOTOGRAPHS FROM ENVIRONMENTAL MEDIA TEXTS ON THE YOUTH AUDIENCE

L. K. Lobodenko, A. B. Cherednyakova, I. Y. Matveeva, E. S. Zagoskin, A. A. Chuiduk

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes the influence of photographs from polycode environmental media texts on the youth audience with the use of eye-tracking. The study is supported by 102 photographs from environmental media texts in online publications and online city communities of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions. The content analysis of the photos reveals the most frequently repeated visual images: emissions / smog / haze; a general panoramic view of the city; industrial enterprises and their emissions; the pollution of forests, parks, and bodies of water; landfills; the negative impact on wildlife; and anthropogenic accidents. The analysis of the influence of the photos on the youth audience (100 people, 18–22 years old) using eye-tracking established the degree of respondents' attention to the images based on the indicators of time until the first fixation on the area of interest (t_{tf}, ms.), total time of viewing the area of interest (fix time, ms.), and the total number of fixations on the area of interest (all fix, units). The results showed that most attention is paid to images of landfills and the negative impact on flora and fauna. Special attention is paid to images of people and animals. The least attention is paid to stock images that are not related to the content of the news text.

Keywords: mass media, polycode media text, photograph, environmental journalism, youth audience.

References

1. Sharkova E.A. Jekologicheskaja zhurnalistika: priroda istochnikov jekologicheskoy informacii [Environmental Journalism: the Nature of Sources of Environmental Information] // *APRIORI. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2. S. 1–16.
2. Lu H. Comparing the Effectiveness of Different Consensus Messages in Communicating Global Environmental Issues: The role of Referent Groups, Emotions, and Message Evaluation // *Journal of Environmental Psychology*. 2023. Vol. 88, June. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494423000737?via%3Dihub> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
3. Zuppinger-Dingley D., Krug C.B., Petchey O., Schmid B., Backhaus N., Schaeppman M. E. Editorial Overview: Environmental Change Issues: Integrated Global Change and Biodiversity Research for a Sustainable Future // *Author links open overlay panel Opinion in Environmental Sustainability*. 2017. Vol. 29, December. P. vii–xi.
4. Salamatov A.A., Davankov A.J., Uzhegov A.O. Jekologicheskie prediktory kachestva zhizni naselenija

regiona [Ecological Predictors of the Quality of Life of the Region's Population] // *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika*. 2022. № 3. S. 140–153.

5. Sonin A.G., Michurin D.S. Jevoljucija polikodovyh tekstov: ot vozdejstvija k vzaimodejstvuju [Evolution of Polycoded Texts: from Influence to Interaction] // *Voprosy psiholingvistiki*. 2012. № 16. S. 164–173.

6. Bol'shakova L.S. O sodержanii ponjatija «polikodovyj tekst» [On the Content of the Concept of «Polycode Text»] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 63. S. 48–51.

7. Nesterova T.V. Polikodovyj tekst kak sposob kommunikacii [Polycoded Text as a Way of Communication] // *Chelovek v informacionnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej; pod obshh. red. T. P. Kuranovoj*. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2019. S. 213–219.

8. Kovaleva L.A. Mesto i rol' fotoizobrazhenij v sovremennyh metodah peredachi informacii [Place and Role of Photo Images in Modern Methods of Information Transmission] // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2017. № 3 (25). S. 193–197.

9. Shumakova E.A. Jestetika vizual'nogo kontenta v marketingovyh kommunikacijah [Aesthetics of Visual Content in Marketing Communications] // *Mediasreda*. Cheljabinsk: ChelGU, 2020. S. 117–124.

10. Berezin V.M. Fotozhurnalistika [Photojournalism]: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo RUDN, 2006. 153 s.

11. Staton D., Newton J.H. Photojournalism. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756841/obo-9780199756841-0224.xml> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

12. Byndoor N.P., Shailashree B. Changing Technologies and Changing Trends in Photojournalism // *Applied Environmental Education and Communication An International Journal*. 2023. Vol. 10, № 3. P. 89–93.

13. Voron N.I. Zhanry fotozhurnalistiki [Genres of Photojournalism]: uchebnoe posobie dlja vuzov po specialnosti «Zhurnalistika». M.: Fakul'tet zhurnalistiki, 2012. 145 s.

14. Voron N.I. Zhanry v vizual'nom kontente sovremennoj pressy [Genres in the Visual Content of the Modern Press] // *Medi@l'manah*. 2018. № 6 (89). S. 77–86.

15. Neri G. Lekcii po fotozhurnalistike [Lectures on Photojournalism]. URL: <https://www.photographer.ru/cult/practice/400.htm> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

16. Nadjat L. Photojournalism Ethic between Constants and Variables // *Journal of Human Sciences Oum El Bouaghi University*. 2022. Vol. 09, № 2, Juin. 3. 629–640.

17. Sagheer S. Photojournalism: Definition, Characteristics, Types, Events. URL: <https://www.sociologygroup.com/photojournalism-definition-types/> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

18. Grayson L. Editorial Photographs and Patterns of Practice // *Journalism Practice*. 2013. № 7 (3). P. 314–328.

19. «Nacional'nyj jekologicheskij rejting» regionov RF po itogam oseni 2023 g. [“National Ecological Rating” of Russian regions based on the results of autumn 2023]. URL: <https://greenpatrol.ru/tpost/iogd2bo4o1-natsionalnii-ekologicheskii-rejting-regi> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Professor of Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednyakova – D. Sc. (Pedagogy), Professor of Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Irina Y. Matveeva – Cand. Sc. (Pedagogy), Deputy Director of the Institute of Media and Social and Humanitarian Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: Mir2106@mail.ru

Evgeny S. Zagoskin – Postgraduate Student of Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: zagoskines@susu.ru

Anastasia A. Chuiduk – Lecturer of Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bevzaa@susu.ru

Received March 6, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Особенности воздействия фотографий медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию / Л. К. Лободенко, А. Б. Чередыкова, И. Ю. Матвеева и др. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 95–102. DOI: 10.14529/ssh240212

FOR CITATION

Lobodenko L. K., Cherednyakova A. B., Matveeva I. Y., Zagoskin E. S., Chuiduk A. A. The influence of photographs from environmental media texts on the youth audience. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 95–102. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240212

ГРАНИЦА ЖИЗНИ И СМЕРТИ КАК ОСНОВА КОЛЛИЗИИ В НОВЕЛЛИСТИКЕ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Н. Э. Сейбель

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье рассматриваются тексты Ф. М. Достоевского, Г. Майринка, Фр. Кафки и Лу Синя, разворачивающиеся на стыке повседневного и мистического, реального и inferнального, что позволяет системно описать, во-первых, формы и направления саморефлексии рассказчиков, осмысляющих границу жизни и смерти, во-вторых, онтологию, составляющую основу художественного мира текстов 70-х гг. XIX в. – 20-х гг. XX в. Во всех четырех текстах граница смерти – могила, памятник – составляет основу хронотопа и становится почвой концентрации ценностных переживаний, организующих внутренний мир человека. В качестве исходного в статье выступает положение о том, что «кладбищенский» текст неизбежно отражает религиозные и космогонические представления автора, содержит координаты его миростроения. Подробно освещаются вопросы связи коллизии столкновения героя со смертью и осуществляемого им этического выбора.

Сравнительно-типологический анализ позволяет выделить семантический ореол повторяющейся в текстах коллизии, включающий переход в онейрическое пространство, испытание, шанс на исправление, моделирование «промежуточного мира», в котором человек, освобождающийся от социальных обязательств и страхов, проявляет всю полноту своего «Я», вынесенный ему автором и высшими силами приговор.

Ключевые слова: коллизия, «кладбищенский» текст, онейрическое пространство, испытание, Ф. М. Достоевский, Г. Майринк, Ф. Кафка, Лу Синь.

Введение

Возникшая на рубеже XVIII–XIX вв. сентиментальная кладбищенская поэзия несла в себе идеи трагичности человеческой участи, априори вызывающей сочувствие, ощущение загадочности бытия, невозвратимости времени, смирения и кротости перед лицом Вечности, ибо «Ни урна с надписью, ни памятник надменный, / Ничто в телесный дом души не возвратит...», как писал Томас Грей (пер. П. Голенищева-Кутузова). Оставаясь в рамках христианской онтологии и не ставя перед собой задачи миромоделирования, она воспевала ностальгирующего героя, осознавшего величие мироздания, в котором человеческому разуму и чувству доступна лишь малая часть сущего. Тема могилы как последнего судилища восстановлена обратившимися в поисках традиций и авторитетов к Зрелому Средневековью романтиками (вспомним «Надпись на памятнике Ньюфаундлендской собаки» Дж.-Г. Байрона, «Каменное сердце» Э. Т. А. Гофмана). Они же заложили основы «страшного» рассказа, смысловым ядром которого является посмертная кара человеческих пороков и преступлений и исправление их, часто потомками («Страшная месть» Н. В. Гоголя, «Песочный человек» Э. Т. А. Гофмана, «Упырь» А. К. Толстого, «Морелла» Э. А. По). Семантика смерти-прозрения устойчиво возникает в литературе второй половины XIX в. (В. Раабе «Надгробная речь 1609 года», Л. Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича», А. П. Чехов «Скрипка Ротшильда»). В литературе снова и снова переосмыслиется момент смерти как источник множества смыслов.

В рассказах-притчах «Бобок» Ф. М. Достоевского (1873), «Черный ворон (Лихорадка)» Г. Майринка (1908), «Сон» Ф. Кафки (1914) и стихотворении в прозе «Надгробная надпись» Лу Синя (1925) смерть становится, с одной стороны, возможностью максимально концентрированно проявить собственное «Я» героя и сформулировать авторскую концепцию человека, с другой – организовать фантастический (загробный) мир рассказа таким образом, чтобы в нем согласовывались религиозные, мировоззренческие и этические представления автора.

Обзор литературы

Ф. Риза-Задэ в статье в Литературной энциклопедии, посвященной творчеству Достоевского, пишет: «...сильнее всего отразилось [его] влияние в Германии. Самое значительное литературное течение в современной немецкой литературе – экспрессионизм – целиком проходит “под знаком Достоевского”, которого экспрессионисты выдвигают как своего предтечу и учителя. Очень ярко это влияние проступает в творчестве таких писателей, как Герман Гессе, Густав Майринк, Стефан Цвейг» [1, стб. 408]. Каждый из рассматриваемых в нашей статье авторов 10–20-х гг. XX века в большей или меньшей мере указывал на Достоевского как на своего прямого предшественника.

Кафка писал Фелиции Бауэр о переживании «настоящего кровного родства» с Достоевским, в письмах к Милене Есенской он рассказывал историю публикации «Бедных людей» и прямо сравнивал себя с Достоевским [2, с. 8, 14]. Многочисленные статьи и исследования посвящены сходству

отдельных мотивов у Достоевского и Кафки, трансформации образов русского писателя в кафкианских притчах, близости библейских аллюзий того и другого и т. д. На значимость традиции Достоевского для Кафки указывает, например, А. А. Гугнин [3, с. 261]. «Их художественные миры, – пишет О. Н. Турьшева, – непосредственно связаны друг с другом, и связь эта обеспечивается читательской активностью более поздних художников: Кафка ... не просто был хорошо знаком с сочинениями Достоевского, но и прямо опирался на его образы и идеи, о чем свидетельствуют вовсе не однократные и достаточно прозрачные аллюзии на слово русского романиста» [4, с. 12].

«Член множества тайных орденов, искусленный в различных магических практиках и традиционной йоге» [5, с. 25] Г. Майринк многократно обращался к «русской теме» в своих текстах. Русские герои его романов «Вальпургиева ночь», «Зеленый лик», «Ангел западного окна» цитируют Кропоткина, Достоевского, Бакунина, оказываются то в центре, то на периферии повествования: «Непонятные “русские” ... ассоциировались с секретами, загадкой» [6, с. 21]. Его внимание к Достоевскому редко становится объектом специального исследования. Исключение – типология героев и обстоятельств в романах Достоевского и Майринка, выстроенная в статье В. В. Алпатовой В. Т. Аль-Гелани [7]. Однако редкий исследователь обходится без указания на влияние Достоевского на экспрессионизм вообще и Майринка, в частности.

Внимание к русской литературе Лу Синя – достаточно освоенный литературоведением аспект творчества основоположника современной китайской литературы. Он переводил – опираясь на «вторичные» переводы из немецкого и японского, часто не доверяя своему знанию русского языка – Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, В. М. Гаршина. В 1918 году вышел самый известный его рассказ «Записки сумасшедшего», написанный под непосредственным влиянием Гоголя, а с 1924 по 1926 годы создавался цикл стихотворений в прозе в духе И. С. Тургенева «Дикие травы». В 1908 году Лу Синь выпустил большую статью о нравственном авторитете русской литературы и представил своим соотечественникам таких авторов, как Гоголь, Пушкин, Лермонтов. В «Предисловии к “Бедным людям”» Лу Синь назвал Достоевского великим исследователем человеческой души, но и обвинил его в том, что русский классик ведет по отношению к героям и читателям жестокий допрос, пытаясь под спудами зла отыскать истинно добрую сущность.

Таким образом, представляя сопоставление текстов Ф. М. Достоевского, Ф. Кафки, Г. Майринка и Лу Синя, мы можем говорить не только о типологических, но и контактных связях творчества писателей.

Методы исследования

Объектом сравнительного анализа в статье является коллизия. Она составляет «...пограничную ситуацию – на грани внешнего и внутреннего, <...> противоречие, служащее источником развертывания сюжета» [8, с. 97]. Важнейшее место коллизии определяется ее связью с «нарушением равновесия», обеспечивающим необходимость последующего конфликта и завершения события.

Г. Гегель, описавший сущностные основы строения сюжета, выделил три составляющие его ступени: ситуация, коллизия и конфликт, где второе – это «...исходный пункт, ... и переход к действию в собственном смысле этого слова» [9, с. 208]. Он писал: «В основе коллизии лежит нарушение, которое не может сохраняться в качестве нарушения, а должно быть устранено. ... Коллизия еще не есть действие, а содержит в себе лишь начатки и предпосылки действия» [9, с. 213]. Однако дифференциация коллизии и конфликта по-прежнему составляет дискуссионный вопрос. Так, В. В. Кожин, определяя коллизию как «источник и стимул действия», практически идентифицирует ее с конфликтом: «Художественная коллизия – это столкновение и противоречие между целостными человеческими индивидуальностями» [10, стб. 657]. М. Н. Эпштейн уточняет: «...иногда эти термины трактуются как синонимы» [11, с. 165]. А. Г. Коваленко, напротив, стремясь к дифференциации коллизии и конфликта, вводит понятие антиномии как именно нравственно-этического, мировоззренческого столкновения в равной степени значимого как для организации действия в эпосе и драме, так и для формирования психологической ситуации в лирике.

Рассматривая границу жизни и смерти как основу коллизии в исследуемых текстах, мы говорим об антиномической ситуации экзистенциального противоречия, ставящего героя в ситуацию саморефлексии и необходимости выбора.

Результаты и дискуссия

Каждый из рассматриваемых рассказов соединяет в себе фантазмагорическую картину «загробного» мира, отражающую базовые религиозные, этические и мировоззренческие представления автора, содержащую элементы социальной сатиры, связанные с теми земными пороками, от которых не может отказаться грешный человек, и саморефлексию, реализуемую в преображении героя или рассказчика.

Все четыре текста мотивируют «посвящение» героя в кладбищенскую мистику и разговоры мертвых его переходом в онейрическое пространство.

Герой рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок (Записки одного лица)» (1873) писатель-неудачник, прославивший сумасшедшим, подобно Н. В. Гоголю, отсылка к которому во вступительной части рассказа немало, и, конечно же, сумасшедшим не являющийся уже потому, что вступление рас-

сказа – своего рода манифест, определяющий круг задач литературы, от выполнения которых отрекаются безответственные творцы: «Идеи-то нет, так они теперь на феноменах выезжают» [12, с. 42]. Встреча со смертью для него – исцеление («Со мной что-то странное происходит... Надо развлечься. Ходил развлечься, попал на похороны») [12, с. 43]). Голоса покойников он начинает слышать после того, как заснул, сидя на надгробном камне, хотя однозначно отнести все увиденное к сновидениям мешает ощущение героя, что он «очнулся». У комментаторов рассказа можно найти самые разные трактования от сведения всего последующего к пьяному полубреду до предположения, что герой сам пересек границу жизни и смерти и поэтому стал посвящен в разговоры, ведущиеся под могильными плитами.

Г. Майринк персонажа, прошедшего через встречу с жизнью-в-смерти, рисует в новеллах «Черный ворон (Лихорадка)» (1908) и «Мои муки и радости в загробной жизни. Передано “Эйнхорн-Верлаг” посредством спиритических стуков» (1913). Первая – лирическая притча, вторая – остросатирическая зарисовка. К сомнамбулическому блужданию героя «Черного ворона» подвигает болезнь, впечатление от кроваво-красного заката и встреча с паясничавшим шутником, пораженным смертью в разгар шутки. Знамение неба (облака, сложившиеся в фигуру черного ворона) предостерегает его от ночной прогулки на кладбище, но притягательность картины заката оказывается сильнее благоразумия. Порожденный оккультически ориентированным сознанием автора герой, отправляясь в блуждание (брожение – *putrefaction* – одна из важнейших химических операций на пути превращения металлов в золото – метафизическая смерть ради последующего воскрешения в лучшей и благородной форме), вступает на путь смерти и перерождения. Его предшествующая жизнь – и есть сон («разочаровался..., порешил никогда больше не вставать с постели» [13, с. 405]), и лишь «воспоминание об одном сне» [13, с. 406] выводит его из состояния духовной апатии и заставляет встретиться со своими страхами, желаниями и прозрениями.

Кафка не показывает момент перехода из реальности в сновидение. Он обозначает онейризм происходящего в названии новеллы («Сон») и все последующее описывает бесстрастным языком притчи. Странное восхищение героя, видящего собственную смерть, прерывает границы сна: «Восхищенный этой картиной, он проснулся» [14, с. 552]. Сложная интонационная игра, организующая текст новеллы и не дающая понятных оценочных ориентиров, провоцирует многочисленных интерпретаторов на диаметрально противоположные трактовки. С одной стороны, новелла, написанная одновременно с романом «Процесс», может трактоваться как его часть и нести в себе смыслы

прозрения героя от радостной встречи со смертью-просветлением. С другой – она может быть прямым обвинением в тщеславии человеку, покоренному эстетическим совершенством картины собственной смерти.

Лу Синь, в отличие от других, свой сон проживает «здесь и сейчас»: «Мне снится, будто я стою перед могильной плитой и читаю вырезанные на ней слова» [15, с. 335]. Здесь нет границ засыпания и пробуждения, здесь сон – единственная реальность, подчиняясь законам которой герой не имеет другого выхода, кроме как честно решить все загадки странной надгробной надписи.

Так, уже мотивация перехода границы жизни и смерти роднит все четыре текста и дает возможность наглядно проявиться их особенностям.

Описывая Царство мертвых, античный поэт Лукиан писал: «Все равно суда никому не миновать». Каждый из рассматриваемых авторов создает свою гармонию инобытия. Как пишет социолог и «танатолог» Роберт Герц в книге «Смерть и правая рука»: «Точно так же, как тело не сразу относят к месту “последнего упокоения”, душа не отправляется к своему финальному месту назначения немедленно после смерти. Сперва ее ждут некие испытания, в течение которых она пребывает на земле поблизости от тела, блуждая по лесу или навещая места, где обитала при жизни: только по завершении этого периода, во время вторых похорон и благодаря особой церемонии, она войдет в край мертвых. По крайней мере, это самая простая форма верования» [16, с. 57].

В описании загробного мира каждый из авторов опирается на свои религиозные, мировоззренческие и этические постулаты.

Ф. М. Достоевский дает человеку «последнее милосердие» – шанс на осмысление и покаяние. Он создает довольно подробную картину перехода из мира живых в мир мертвых, «почти микрокосм» [17, с. 162]: его умершие получают три–шесть месяцев сознания, в которые они, по их собственному выражению, «... умерли, а между тем говорим; как будто движемся, а между тем и не говорим, и не движемся» [12, с. 50]. Рассказ – «впечатляющее и пронзительное напоминание писателя современникам, полагающим, что никакой жизни после смерти не существует, – о том, что и за гробом есть жизнь, но она полностью зависит от того, во что себя превратил человек при своем земном существовании» [18, с. 81]. «Чистилище» Достоевского полно запахов (адского зловония, источаемого грешниками), звуков («началась такая катавасия» [12, с. 48]), выстроено с опорой на цифровую символику (три разряда могил). Исследователи обнаруживают в нарисованной Достоевским картине и оккультные практики, и народное гадание на бобах, и обряды призывания бесов, и систему народных примет. Здесь базовые ритуалы христианства приобретают гротескно уродливые

формы (исповедь, превращенная в развлекательный аттракцион). Негативный финал для нераскавшихся душ – Бобок – пустота, бессмысленность, утрата сознания.

В картине кладбища Г. Майринка принципиально важна цветовая символика: «...червонная кровотокающая рана на небосклоне», «иссиня-черные птицы», «лунное сияние ... по мраморным плитам», «гребень белой, крашенной стены» [13, с. 407]. Цвет в алхимии прямо связан со стадией перерождения, например, «...алхимические операции в греческой античности систематизируются в алгоритм: *nigredo* – *albedo* – *citriño* – *rubedo* (черный цвет – белый цвет – желтый цвет – красный цвет)» [19, с. 375]. Средневековые описывало Великое делание (*Magnum opus*) – достижение просветленного сознания, слияния духа и материи – как переход от *putrefaction* (Творения в черном) к *albedo* (Творения в белом) и к *rubedo* (Творению в алом).

Умершие Майринка делятся на грешников и праведников исключительно по жажде жизни, силе духовного пламени, неутолимости стремления к познанию: «Уж не вообразил ли ты, что, совершая те или иные деяния, можно себя обелить» [13, с. 410]. Описывая границу жизни и смерти, Майринк рисует два пути. Те, кто рожден исполненным волей и духом, сопротивляются даже смерти, на пути страсти, их жизнь – «парадоксальное самосожжение». Только им даровано, минуя первую ступень Творения, оказаться под покровительством «одной из тех гигантских огненных птиц, которые с сотворения мира гордо парят в недостижимых безднах космоса» [13, с. 411]. Их минует смерть в обиходном смысле, они перерождаются, соединяясь с белым вороном. Обыватели же обречены на стремительную и непредсказуемую смерть: «Там, под мраморной плитой, покоился тот, кто ещё сегодня утром мирно здравствовал в кругу своего многочисленного семейства» [13, с. 408]. Они оказываются под крылом черного ворона, высихивающего их сердца, чтобы через отталкивающее, смрадное и темное начать путь преображения.

Кафка рисует мир саморазворачивающихся картин. Здесь предметы живут сами по себе: «Поскольку дорожка под его отрывающимися от нее ногами понеслась дальше, он пошатнулся и упал прямо перед могильным холмом на колени» [14, с. 551]. Здесь граница живых и мертвых явственно ощутима и не нарушается понапрасну («земляной холм, на который он не хотел наступать» [14, с. 551]). Кладбище – место соединения и смешения стихий (камень, земля, вода, воздух), в результате чего возникает не хаос, а мир строгого порядка («...едва только появился К., они...», «...тотчас же из кустов вышел третий»). Здесь у человека нет времени на осмысление и итоги – все осуществляется вничеловеческой волей мистического регламента: «...просить его отказаться от этой затеи

больше не было времени» [14, с. 552], – человек же безоговорочно и даже радостно подчиняется, ведь «...для него апокалипсис уже наступил» [20, с. 696].

Старое кладбище в стихотворении в прозе Лу Синя – место соединения времен. В его старости – потенция к уничтожению всего нового и к утрате надежды на будущее. Встреча с гниющим трупом (прошлым) – аналог истории Сатурна, пожирающего детей, парализующего волю к жизни героя, воплощающего настоящее. Участь мертвого – быть наставлением и источником «вкуса» (знаний о жизни) для живых, у него нет своего лица, он не знает «ни радости, ни печали» [15, с. 335]. И лишь встреча с избранником пробуждает в нем остатки жизни («поднялся и сел: губы его оставались неподвижными, но он произнес» [15, с. 335]). Если для героя Кафки «немалое веселье» развевающихся среди дальних могил знамен недостижимо, он – изгой, аутсайдер, то герою Лу Синя обещана грядущая радость «громких песен и буйного жара» [15, с. 335]. Лирический герой – избранник, допущенный к тайному знанию оборотной стороны надгробного памятника.

Во всех четырех случаях встреча прошлого и будущего несет в себе потенцию открытия и даже перерождения.

Описание мира загробного часто выявляет пороки мира земного: «Ежели ты уже вдоволь поспеялся над делами земными, отправляться к нам: здесь можно найти еще больше поводов для смеха», – писал Лукиан. Все четыре текста содержат критические элементы, связанные с порочностью современников, греховностью человека, ничтожностью его стремлений перед лицом Вечности.

Так, Андрей Белый называл рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок» «ужасным» и пропитанным «совершеннейшим цинизмом» [21, с. 407–408]. Достаточно прозрачная структура текста во многом подчинена задаче показать пороки человека, упорствующего в греховности, неспособного отказаться от земных страстей. Данные крупным планом покойники – воплощение безнравственности. Генерал Первоедов – картежник, тайный советник Тарасевич – растратчик-казнокрад, Авдотья Игнатьевна – распутница, чиновник Лебезятников – подхалим-карьерист, барон Клиневич – циник, мошенник и самозванец. Единственным «светлым пятном» на этом фоне кажется лавочник, он семьянин, честно заработавший себе на дорогие похороны, но бесконечно, даже после смерти, ведущий расчеты. В кульминации рассказа «...многие разом проснулись» [12, с. 48], и крупный план сменяется общим – перемешиваются голоса и страсти, оказывается, что распушенность и мелочное любопытство в равной мере присущи всем. Подслушивающий разговоры мертвых рассказчик всего трижды вставляет «ремарку», с возмущением комментируя происходящее: «Какие заносчивые, однако слова! ... Ну, одолжили; нечего сказать, утешить

ли... И это современный мертвец!» [12, с. 43–50]. Ни одного из покойников не пугает и не останавливает перспектива бессмысленного бормотания глупого слова «Бобок», никто не пытается осознать, какая милость ему дарована. Мелочность и ничтожность неистребимы и продолжают одолевать людей после смерти.

Рассказ Майринка легко может быть прочитан вне оккультной темы как обвинение человечеству, сплошь охваченному разложением. Подопечными черного ворона являются грешники: «Трещина в сердце – одна-единственная – и нашего брата с почестями отправляют в мои широкие объятия» [13, с. 408]. Даже когда в них обнаруживается «что-то чистое», это «все наносное» [13, с. 409]. Прогулка по кладбищу показывает, что оно наполнено псевдоправедниками, чье пустое благочестие не помогает им миновать стадию разложения под сенью черного ворона:

– Неужто все без исключения чёрные? – сдавленным голосом спросил он.

– Все, вашмилось, все-с... Других, пардон, не держим-с! – паясничал ворон [13, с. 409].

Сам герой – не исключение, он охвачен жалостью к себе, тоской об оставленном благополучии. Единственно испытанные им страсти – зависть и жадность. Вдохновленный историей мученика, поглощенного Белым вороном, он предлагает альбиносу свое сердце, охваченный не жаром самоотречения, а исключительно желанием повторить его участь.

Макс Брод считал содержанием «Сна» Кафки «...сюрреалистический рост нарциссизма» и «...похотливое самоуничтожение» [22, s. 86]. И действительно, его герой погибает под гнетом смирения и соглашательства, охваченный восторгом перед эстетическим совершенством надписи на собственной могиле. Его поглощает порядок, как ему кажется, предписанный свыше. Однако безоговорочное следование этому порядку – добровольный выбор К. Он сам «захотел прогуляться», ему «захотелось остановиться», сам «изо всех сил стал рыть руками землю» [14, с. 551–552]. Педант, живущий идеей незыблемости предустановленного, К. дает возможность художнику завершить свою работу. Он так поглощен совершенством золотых букв, что воспринимает себя дисгармонирующим элементом, разрушающим сообразность сущего. Руководство со стороны воспринимается им как благо, а полученный прямой приказ упраздняет выбор, снимает ответственность, дает возможность удовлетворить свою внутреннюю потребность подчиняться. Пассивность вкуче с мелочным тщеславием («огромными узорчатыми буквами бежало по камню его имя» [14, с. 552]) позволяет его смерти и его гордыне слиться воедино и реализоваться в одном и том же моменте.

Фрагментарная надпись на фронте могилы, представшей перед героем Лу Синя также вызывает

к его перерождению. Чувство пустоты и бессилия, разочарования в революционных мечтах, бессмысленности упований заставляет его идентифицировать себя с бесчувственным трупом с вырванным сердцем. Остатки надписи, выполненной на вэньянь (основной текст стихотворения написан современным байхуа), уже на уровне языка несут в себе сакральность. Разрозненность фрагментов выстраивается в определенную логику. Чтобы приблизить будущее, нужно переродиться (пройти путем становления сверхчеловека – не зря исследователи часто видят в этом тексте «след» увлеченный Лу Синя идеями Ницше). Ступени перерождения: отказ от надежды, аполлонийская стойкость в сочетании с дионисийским «буйным жаром» [15, с. 335], обретение чувства сопричастности Небу и Вечности. Тот, кто не сможет этого, обречен на превращение «в большую змею с ядовитым жалом» [15, с. 335], он будет уничтожать сам себя беспомощностью и неутолимой злобой.

Так, критическая идея у Достоевского, выраженная через палитру образов, воспринятых и оцененных героем со стороны, у последующих авторов начинает реализовываться на примере заглавного героя, одновременно являющегося и субъектом и объектом критики.

Наконец, еще один важнейший аспект текстов – самопознание. «Плачьте, а я буду вам подпевать, повторяя: “Познай самого себя.”» – писал Лукиан. Кладбищенские видения устойчиво становятся поводом к саморефлексии и нравственному выбору героя, что демонстрируют все четыре текста.

Герой Ф. М. Достоевского начинает свои записки с утверждения, что «в печати надо... идеалов» [12, с. 41] и, казалось бы, их не находит. Его ужас и возмущение, однако, приводят его не к окончательному разочарованию, а к решению: «Побываю в других разрядах, послушаю везде. Тот и есть, что надо послушать везде, а не с одного лишь краю, чтобы составить понятие. Авось наткнусь и на утешительное» [12, с. 54]. Приверженность вере в добрую природу человека незыблема, хотя и обильно сдобрена иронией.

О том, что рассказ «Черный ворон (Лихорадка)» Г. Майринка – рассказ о преображении, говорит уже его эпиграф. «Материя в реторте» – как раз и есть состояние героя: он должен пройти через видение ночного кладбища, как через аппарат для химических реакций, чтобы, переплавившись, принять, иную форму. Да, он оказался во власти черного ворона, но разложение, гниение, брожение – необходимые стадии перерождения в той великой единой цепи физических и психических процессов, которые предстают адепту оккультизма, идущему так называемым «влажным» (долгим, построенным на мистических практиках) путем «фактворения» в мире. Герой новеллы делает итоговый выбор и, не получив права короткого («сухого») пути, все же не отвращен от очищения и перерождения.

В трактовке новеллы Кафки большое значение имеет понимание ее связи с романом «Процесс». У них общий герой – Йозеф К., но далее начинаются литературоведческие вопросы, неоднократно обсуждавшиеся и становившиеся объектом полемики: новелла выходила четыре раза, начиная с 1916 года, но написана была раньше. В какой мере она – часть «Процесса», задумывалась ли она как альтернативный финал (здесь, действительно, есть все участники последней сцены романа, включая двоих спутников Йозефа К.) – неясно. Если рассматривать судьбу героя новеллы в контексте того пути, который он прошел в романе, то его добровольная смерть перестает быть апофеозом смирения, а превращается в добровольный выбор в пользу осознания ответственности человека за механистичность и бессмысленность его жизни, неспособность к «правильным вопросам». «Не... эскапизм, аутизм ..., а именно “пограничная зона”, согласие и протест одновременно» [20, с. 681].

Кажется, герой Лу Синя движется от надежды к безнадежности. Но огорченный фрагментами на фронте могилы, он вдруг открывает для себя ее оборотную сторону. Надпись обещает, что истинное знание будет даровано тому, кто сможет усвоить уроки прошлого («вырвать и съесть сердце»), несмотря на страх, боль, нерешительность. Однако важно не опоздать: созидая будущее, нужно учиться у прошлого, пока оно не «истлело», иначе «как же узнаешь настоящий вкус» [15, с. 335]. Еще одно препятствие – сердца в могиле уже нет: сакральное знание досталось кому-то другому. Герою остается либо обреченно смириться, либо осознать, что у него свой путь, не связанный с истлевшими мощами. Именно решимость героя подвигает мир на последнее обещание: «Когда я обращусь в прах, ты увидишь мою улыбку!» [15, с. 336]. А значит химеры прошлого окончательно исчезнут, тлеющая древность будет преодолена и вместо пугающих уроков ран и боли, будущее будет сопровождать покровительственная улыбка прошлого.

Каждый из героев, таким образом, либо обретает надежду сам, либо становится надеждой для читателя, видящего в его судьбе потенциал обретенный, озарений и открытий.

Выводы

Таким образом, само пребывание на границе жизни и смерти становится коллизией, разрушающей внутреннее равновесие каждого из оказавшихся на ней героев, подталкивающей к наблюдению за открывшейся ему мистической реальностью и самоанализу. Во всех случаях мы имеем дело с общим набором объектов внимания, организующих структуру и идеологию текста: это картины «загробного» мира, выстроенные в соответствии с представлениями автора, это элементы сатиры, поскольку загробная жизнь неизменно становится

прямым продолжением жизни земной, и саморефлексия, реализуемая в совершающемся или потенциальном преобразении героя или рассказчика.

Литература

1. Риза-Задэ, Ф. Достоевский на Западе / Ф. Риза-Задэ // Литературная энциклопедия : в 11 т. – М. : Изд-во Ком. Акад., 1930. – Т. 3. – Стлб. 408–410.
2. Кафка, Ф. Письма к Милене / Ф. Кафка ; пер. А. Карельский, Н. Федорова, – М. : Пальмира, 2018. – 256 с.
3. Гугнин, А. А. Кафка / А. А. Гугнин // Энциклопедический словарь экспрессионизма ; под ред. П. М. Топера. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 259–262.
4. Турышева, О. Н. Вина как предмет художественной мысли: Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, Л. фон Триер / О. Н. Турышева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 152 с.
5. Крюков, В. Произведение в алом / В. Крюков // Майринк Г. Голем. Избранные рассказы. – М. : Эксмо, 2007. – С. 9–36.
6. Каминская, Ю. В. Последняя загадка Густава Майринка / Ю. В. Каминская // Майринк Г. Ангел западного окна. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – С. 5–24.
7. Алпатов, В. В. Типологические параллели в романах «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Голем» Г. Майринка / В. В. Алпатов, В. Т. Аль-Гелани // Оригинальные исследования. – 2022. – Т. 12, № 11. – С. 270–282.
8. Ищук-Фадеева, Н. И. Коллизия / Н. И. Ищук-Фадеева // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – С. 97.
9. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике / Г. В. Ф. Гегель // Эстетика : в 4 т. – М. : Искусство, 1968. – Т. 1. – 330 с.
10. Кожинов, В. В. Коллизия / В. В. Кожинов // Краткая литературная энциклопедия ; гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1962–1978. – Т. 3. – Стб. 656–658.
11. Эпштейн, М. Н. Конфликт / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь ; под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 165–166.
12. Достоевский, Ф. М. Бобок / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л. : Наука, 1980. – Т. 21. – С. 41–54.
13. Майринк, Г. Голем. Избранные рассказы / Г. Майринк. – М. : Эксмо, 2007. – 800 с.
14. Кафка, Ф. Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание / Ф. Кафка ; пер. с нем. – М. : Пушкинская библиотека : АСТ, 2004. – 878 с.
15. Синь, Лу. Избранное / Лу Синь ; пер. с кит. – М. : Художественная литература, 1989. – 511 с.
16. Герц, Р. Смерть и правая рука / Р. Герц ; пер. с фр. И. Куликов. – М. : ARS Press, 2019. – 264 с.

17. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – 799 с.

18. Подосокорский, Н. Загробный мир в рассказе Ф. М. Достоевского «Бобок» / Н. Подосокорский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 1 (21). – С. 62–95.

19. Фестюкьер, А.-Ж. Откровение Гермеса Трисмегиста : в 2 т. / А.-Ж. Фестюкьер. – М. : Ве-

лигор. 2019. – Т. I. Астрология и оккультные знания. – 624 с.

20. Гарин, И. И. Век Джойса / И. И. Гарин. – М. : Терра-Книжный клуб, 2002. – 848 с.

21. Белый, А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой / А. Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1 – С. 392–421.

22. Stach, R. Kafka Die Jahre der Erkenntnis / R. Stach. – S. Fischer Verlag 2008. – 736 s.

Сейбель Наталия Эдуардовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: seibel_ne@mail.ru. ORCID 0000-0002-6840-8286

Поступила в редакцию 11 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240213

THE BORDER OF LIFE AND DEATH AS THE BASIS OF COLLISIONS IN STORIES ON THE BORDER OF THE 19th AND 20th CENTURIES

N. E. Seibel

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article examines the texts of Fyodor Dostoevsky, Gustav Meyrink, Franz Kafka and Lu Xun, which unfold at the junction of the everyday and mystical, real and infernal. This examination allows us to systematically describe, firstly, the forms and directions of the self-reflection of storytellers who comprehend the border of life and death, and secondly, the ontology that forms the basis of the artistic world of texts from the 1870s to the 1920s. In all four texts, the border of death – a grave or a monument – forms the basis of the chronotope and becomes the soil for the concentration of value experiences that organize the inner world of a person.

The article's starting point is the position that a "cemetery" text inevitably reflects the religious and cosmogonic ideas of the author and contains the coordinates of their world-building. The issues of connection between the hero's collision with death and the ethical choice the hero makes are covered in detail.

Comparative typological analysis allows us to highlight the semantic halo of collisions repeated in texts, including a transition to oneiric space, a test, a chance for correction, and a modeling of an intermediate world in which a person, freed from social obligations and fears, shows the fullness of his "I", and the sentence passed on him by the author and higher powers.

Keywords: collision, "cemetery" text, oneiric space, test, Fyodor Dostoevsky, Gustav Meyrink, Franz Kafka, Lu Xun.

References

1. Riza-Zadje F. Dostoevskij na Zapade [Dostoevsky in the West] // *Literaturnaja jenciklopedija*: v 11 t. M.: Izd-vo Kom. Akad., 1930. T. 3. Stlb. 408–410.

2. Kafka F. Pis'ma k Milene [Letters to Milena]; per. A. Karel'skij, N. Fedorova. M.: Pal'mira, 2018. 256 s.

3. Gugin A. A. Kafka [Kafka] // *Jenciklopedicheski slovar' jekspressionizma*; pod red. P.M. Topera. M.: IMLI RAN, 2008. S. 259–262.

4. Turyшева O.N. Vina kak predmet hudozhestvennoj mysli: F.M. Dostoevskij, F. Kafka, L. fon Trier [Wine as a Subject of Artistic Thought: F.M. Dostoevsky, F. Kafka, L. von Trier]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 152 s.

5. Krjukov V. Proizvedenie v alom [The Work in Scarlet] // *Majrink G. Golem. Izbrannye rasskazy*. M.: Jeksmo, 2007. S. 9–36.

6. Kaminskaja J.V. Poslednjaja zagadka Gustava Majrinka [The Last Riddle of Gustav Meyrink] // *Majrink G. Angel zapadnogo okna*. SPb.: Azbuka-klassika, 2005. S. 5–24.
7. Alpatov V.V., Al'-Gelani V.T. Tipologicheskie paralleli v romanah «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo i «Golem» G. Majrinka [Typological Parallels in the Novels “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky and “Golem” by G. Mayrink] // *Original'nye issledovanija*. 2022. T. 12, № 11. S. 270–282.
8. Ishhuk-Fadeeva N.I. Kollizija [Collision] // *Pojetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*; pod red. N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj: Intrada, 2008. S. 97.
9. Gegel' G.V. F. Lekcii po jestetike [Lectures on Aesthetics] // *Jestetika*: v 4 t. M.: Iskusstvo, 1968. T. 1. 330 s.
10. Kozhinov V.V. Kollizija [Collision] // *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija*; gl. red. A.A. Surkov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1962–1978. T. 3. Stb. 656–658.
11. Jepshtejn M.N. Konflikt [Conflict] // *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'*; pod red. V.M. Kozhevnikova, P.A. Nikolaeva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. S. 165–166.
12. Dostoevskij F.M. Bobok [Bobok] // *Polnoe sobranie sochinenij*: v 30 t. L.: Nauka, 1980. T. 21. S. 41–54.
13. Majrink G. Golem. Izbrannye rasskazy [Golem. Selected stories]. M.: Jeksmo, 2007. 800 s.
14. Kafka F. Process. Zamok. Novelly i pritchi. Aforizmy. Pis'mo otcu. Zaveschhanie [Process. Castle. Short stories and Parables. Aphorisms. A Letter to my Father. Testament]; per. s nem. M.: Pushkinskaja biblioteka: AST, 2004. 878 s.
15. Sin' Lu. Izbrannoe [Favorites]; per. s kit. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 511 s.
16. Gerc R. Smert' i pravaja ruka [Death and the Right Hand]; per. s fr. I. Kulikov. M.: ARS Press, 2019. 264 s.
17. Bahtin M.M. Problemy tvorcestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Creativity] // *Sobranie sochinenij*: v 7 t. M.: Russkie slovari: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. T. 6. 799 s.
18. Podosokorskij N. Zagrobnij mir v rasskaze F.M. Dostoevskogo «Bobok» [The Afterlife in F.M. Dostoevsky's Short Story “Bobok”] // *Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal*. 2023. № 1 (21). S. 62–95.
19. Festjuzh'er A.-Zh. Otkrovenie Germesa Trismegista [The Revelation of Hermes Trismegistus]: v 2 t. M.: Veligor. 2019. T. I. Astrologija i okkul'tnye znanija. 624 s.
20. Garin I.I. Vek Dzhosja [The Century of Joyce]. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2002. 848 s.
21. Belyj A. Tragedija tvorcestva. Dostoevskij i Tolstoj [The Tragedy of Creativity. Dostoevsky and Tolstoy] // *Kritika. Jestetika. Teorija simvolizma*: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. S. 392–421.
22. Stach R. Kafka Die Jahre der Erkenntnis. S. Fischer Verlag 2008. 736 s.

Nataliya E. Seibel – D. Sc. (Philology), Associate Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: seibel_ne@mail.ru

Received March 11, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сейбель, Н. Э. Граница жизни и смерти как основа коллизии в новеллистике рубежа XIX–XX вв. / Н. Э. Сейбель // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 103–110. DOI: 10.14529/ssh240213

FOR CITATION

Seibel N. E. The border of life and death as the basis of collisions in stories on the border of the 19th and 20th centuries. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 103–110. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240213

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susul.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2024 Том 24, № 2

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 19.04.2024. Дата выхода в свет 26.04.2024. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500 экз. Заказ 91/166. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.